

И. А. КУБАСОВЪ.

АЛЕКСАНДРЪ ЕФИМОВИЧЪ
ИЗМАЙЛОВЪ.

ОПЫТЪ БИОГРАФИИ ЕГО И ХАРАКТЕРИСТИКИ ОБЩЕСТВЕННОЙ И
ЛИТЕРАТУРНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ.

(СЪ ПРИЛОЖЕНІЯМИ).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Товарищества „Общественная Польза“,
Большая Подъячская, № 39

1901.

Доволено цензурою. С.-Петербургъ, 24 февраля 1901 г.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

СТР.
V

ОТЪ АВТОРА.

<p>I. Происхожденіе и родители А. Е. Измайлова.—Поступленіе въ Горный корпусъ.—Начало службы и литературной дѣятельности Измайлова; знакомства; вступленіе въ члены литературныхъ обществъ.—Вольное Общество любителей словесности, наукъ и художествъ.—Участіе Измайлова въ журналѣ «Цвѣтникъ», завѣдываніе «Сыномъ Отечества».....</p>	1
<p>II. Изданіе „Благонамѣреннаго“; причины продолжительнаго существованія этого журнала.—Участіе Измайлова въ литературныхъ кружкахъ.—С. Д. Пономарева.—Предсѣдательство въ Вольномъ Обществѣ любит. слов., наукъ и художествъ; послѣдніе годы этого общества.—Вліяніе литературныхъ знакомствъ Измайлова на его литературную дѣятельность.—Измайловъ какъ литераторъ и отношеніе къ нему писателей.—Послѣдніе годы службы Измайлова въ Петербургѣ.—Переводъ его по службѣ въ Тверь.....</p>	12
<p>III. 1826—1829 годы жизни Измайлова.—Служба въ Твери.—Тверское общество; отношеніе его къ Измайлову и Измайлова къ нему.—Причины перевода въ Архангельскъ.—Измайловъ въ Архангельскѣ; общество послѣдняго.—Неприятности по службѣ—С. И. Миницкій.—Ссора съ нимъ Измайлова и устраненіе послѣдняго отъ службы вицегубернатора.—Отъѣздъ Измайлова въ Петербургъ..</p>	26
<p>IV. 1829—1831 годы жизни Измайлова въ Петербургѣ.—Бѣдственное положеніе безъ службы; прискиваніе занятій; уроки въ Пажескомъ корпусѣ.—Дѣло съ Миницкимъ и оправданіе Измайлова по архангельской службѣ.—Послѣдній годъ жизни Измайлова; болѣзни; кончина. Общая характеристика Измайлова, какъ писателя и человѣка.....</p>	42
<p>V. Обзорѣніе литературной дѣятельности Измайлова.—Произведенія въ прозѣ.....</p>	49
<p>VI. Стихотворныя произведенія Измайлова.—Васни.—Общая характеристика прочихъ стихотвореній.....</p>	72
<p>VII. А. Е. Измайловъ—редакторъ-издатель.—„Цвѣтникъ“;—„С.-Петербургскій Вѣстникъ“;—„Паптеонъ русской поэзіи“;—„Сынъ Отечества“;—„Благонамѣренный“;—„Сочиненія Озерова“;—„Календарь Музъ“.—Заключеніе.....</p>	85
<p>Поправки.....</p>	116

- Приложенія: I.—Портретъ А. Е. Измайлова (съ современнаго акварельнаго портрета).
- II.—Портретъ А. Е. Измайлова ¹⁾ (съ портрета, писаннаго карандашомъ) и его факсимиле.
- III.—Автографъ А. Е. Измайлова (неизданная басня его: «Два пути»).
- IV.—Памятники надъ могилами А. Е. Измайлова и его отца (по наброску, сдѣланному съ натуры П. П. Чукоминнымъ).
-

---

¹⁾ Оба портрета (гравир. И. И. Хелмицкимъ) и слѣдующія приложенія появились въ печати впервые при нашей статьѣ.

Отъ автора.

Объ А. Е. Измайловъ, обзорнiю жизни и дѣятельности котораго мы посвящаемъ свой настоящiй трудъ, въ нашей литературѣ существуетъ обширная и до сихъ поръ не теряющая своей цѣнности статья А. Д. Галахова. Но написанная 50 лѣтъ тому назадъ и напечатанная въ журналѣ не для всѣхъ доступномъ («Современникъ» 1849 г. № 18 и 1850 №№ 23 и 24), эта статья, прекрасная во многихъ отношенiяхъ, въ нѣкоторыхъ уже устарѣла, въ нѣкоторыхъ содержитъ въ себѣ ошибки и пробѣлы, исправить кои въ продолженiе полувѣка никто не дѣлалъ попытокъ. Заинтересовавшись личностью баснописца, мы употребили не мало труда и времени на приведенiе въ извѣстность оставшагося отъ А. Е. Измайлова литературнаго наслѣдiя и на разысканiе матеріаловъ, къ нему относящихся. Наши поиски, благодаря любезному содѣйствiю такихъ лицъ, какъ покойный вице-президентъ Императорской Академiи Наукъ Л. Н. Майковъ, академикъ И. Н. Ждановъ, В. И. Санговъ, С. А. Венгеровъ, не остались безрезультатными, и мы, располагая значительнымъ матеріаломъ, могли приступить къ выполненiю работы, въ рукахъ читателя находящейся. Сожалѣемъ, что размѣры ея, какъ журнальной статьи ¹⁾, а также и то обстоятельство, что намъ было предоставлено слово послѣ такого авторитета, какъ А. Д. Галаховъ, не позволили намъ высказаться съ одинаковой и желательной полнотой во всѣхъ частяхъ нашего «опыта». Вотъ почему, не останавливаясь съ большою подробностью на сторонахъ дѣятельности Измайлова, достаточно разработанныхъ до насъ, и ограничиваясь въ подобныхъ случаяхъ лишь изложенiемъ выводовъ, мы обратили особенное вниманiе на тѣ черты въ этой дѣятельности, которыя А. Д. Галаховымъ были или опущены, или рассмотрѣны, по нашему мнѣнiю, не вполне.

---

¹⁾ См. «Русскую Старину» 1900 г. №№ 6, 7, 8, 9 и 1901 г. №№ 1 и 2.

Особенное стараніе мы приложили къ составленію біографіи Измайлова какъ въ виду того, что по настоящее время мы не имѣли ея, а существующія свѣдѣнія о жизни этого примѣчательнаго чловѣка полны пристрастія, неточностей и грубыхъ ошибокъ, такъ и по тому, что въ нашемъ распоряженіи было не мало рукописнаго матеріала, позволившаго провѣрить все написанное о жизни Измайлова и набросать біографію его въ значительной степени «по документальнымъ даннымъ». — Изъ бумагъ Александра Ефимовича, кромѣ четырехъ томовъ его стихотвореній (въ рукописи автора), принадлежащихъ Императорской Публичной Библіотекѣ, мы пользовались бумагами (въ числѣ ихъ— письма, прозаическія и стихотворныя произведенія, дневникъ, записки, альбомы, формуляры, родословныя и инныя официальные бумаги и пр.), съ любезностью доставленными намъ его наслѣдниками П. П. Эйхен-Янсенъ и Л. А. Максимовой и госпожей А. В. Владиміровой ¹⁾, которымъ равно какъ и И. А. Бычкову, В. П. Ламбину, П. Н. Полевому, В. В. Руммель и вышеназваннымъ лицамъ мы считаемъ пріятнымъ долгомъ изъявить нашу глубочайшую благодарность. Полнотой бібліографическихъ свѣдѣній мы во многомъ обязаны В. И. Сантову, С. А. Венгеру и Б. Л. Модзалевскому.

Р. С. Кромѣ предлагаемой работы, въ скоромъ времени появятся въ печати еще двѣ наши статьи, касающіяся А. Е. Измайлова:

- 1) «Вицегубернаторство А. Е. Измайлова въ Твери и въ Архангельскѣ». (Этюдъ по неизданнымъ матеріаламъ).
- 2) Матеріалы для полнаго собранія сочиненій А. Е. Измайлова.

С.-Петербургъ.
Февраль 1901 года.

Ив. Кубасовъ.

---

¹⁾ Кромѣ бумагъ, принадлежавшихъ Измайлову и доставленныхъ намъ названными лицами, мы пользовались для нашей работы архивными матеріалами изъ нѣкоторыхъ петербургскихъ архивовъ при казенныхъ учрежденіяхъ.

Александръ Ефимовичъ Измайловъ.

1779—1831 гг.

Извѣстный авторъ, сочинитель,
Поэтъ альбомный, фабулистъ,
Благонамѣренный и толстый журналистъ,
Недѣльных книжечекъ издатель
Членъ разныхъ обществъ, предѣдатель
и пр. и пр. и пр. ....

Изъ неизд. стихотвор. А. Е. Измайлова
„Въ альбомѣ сестрицъ“ (1822 г.

I.

Происхождение и родители А. Е. Измайлова. — Поступление въ Горный корпус. — Начало службы и литературной дѣятельности Измайлова; знакомства; вступление въ члены литературныхъ обществъ. — Вольное общество любителей словесности, наукъ и художествъ. — Участіе Измайлова въ журналѣ: „Цвѣтникъ“, завѣдываніе „Сыномъ Отечества“.

Александръ Ефимовичъ Измайловъ происходилъ изъ дворянъ Владимирской губерніи ¹⁾, въ которой отцу его принадлежала небольшая деревенька «Волченки» (въ Вязниковскомъ уѣздѣ). Онъ родился 14-го апрѣля 1779 года, но мѣсто рожденія его въ точности не извѣстно ¹⁾; впрочемъ, вѣрнѣе всего предположить, что въ первый разъ онъ увидѣлъ свѣтъ тамъ же, гдѣ и въ послѣдній, то-есть, въ Петербургѣ. О родителяхъ его нѣтъ почти никакихъ свѣдѣній: извѣстно лишь, что отецъ его, Ефимъ Ѳеодоровичъ, былъ честный и добрый

¹⁾ Въ „Русск. родословн. книгѣ“ кн. А. В. Лобанова-Ростовскаго Александръ Ефимовичъ не отнесенъ къ какой-либо опредѣленной линіи дворянъ Измайловыхъ (см. т. I, изд. 2-е, стр. 226). Извѣстныя намъ росписи этой фамиліи, какъ печатныя, такъ и рукописныя (между послѣдними три, любезно сообщенныя намъ изъ своего собранія В. В. Руммелемъ и двѣ найденныя въ бумагахъ нашего писателя) также не даютъ положительнаго отвѣта.

²⁾ Н. И. Гречъ (см. его „Опытъ“... Спб. 1832, стр. 326) ошибается, считая родиной Измайлова Москву: это явно противорѣчитъ письмамъ нашего писателя къ женѣ (неизд.), изъ которыхъ видно, что А. Е. въ первый разъ увидѣлъ эту столицу въ качествѣ тверскаго вице-губернатора. Нигдѣ мы не нашли также подтвержденія данныхъ Л. К(авелина), по которымъ Измайловъ родился въ деревнѣ своего отца (см. „Иллюстрація“ 1846, № 17. Вообще біографія Измайлова, помѣщенная въ этомъ журналѣ, къ которой обыкновенно обращались лица, интересовавшіяся нашимъ баснописцемъ, страдаетъ большими неточностями и написана весьма пристрастно. — Мы помѣемъ ея черновой болѣе полный набросокъ, чѣмъ печатный).

человѣкъ, весьма исправный чиновникъ. прослужившій отечеству съ усердіемъ полвѣка ¹⁾, дослужившійся до чина статскаго совѣтника, но не успѣвшій завѣщать своимъ дѣтямъ (сыну Александру и дочери Натальѣ) ²⁾ никакихъ богатствъ, кромѣ ничтожнаго родоваго имѣнія съ семью душами крестьянъ да честнаго имени, которое Александръ Ефимовичъ, какъ увидимъ, ревниво оберегалъ во все прохожденіе своего жизненнаго поприща и успѣлъ незапятнаннымъ передать своимъ потомкамъ ³⁾.

Изъ ранняго дѣтства нашего писателя извѣстно также очень мало вплоть до 1786 года, когда Александръ Ефимовичъ, семилѣтнимъ мальчикомъ, былъ записанъ, по дворянскому обычаю того времени, каптенармусомъ въ лейбъ-гвардіи Преображенскій полкъ. Но служить на военномъ поприщѣ ему не пришлось и выше чина сержанта, который онъ получилъ 20-ти лѣтъ, Александръ Ефимовичъ не пошелъ. Дѣло въ томъ, что онъ поступилъ въ 1792 году въ Горный кадетскій корпусъ, гдѣ, какъ онъ самъ говоритъ, — «учился на собственномъ иждивеніи и особенно занимался словесными науками» ⁴⁾. Постановка учебнаго дѣла въ корпусѣ по специальнымъ предметамъ ⁵⁾, очевидно, была

¹⁾ См. эпитафію, сочиненную А. Е. Измайловымъ своему отцу, въ Собр. сочин., т. I. Москва 1890, стр. 383. (Послѣдующ. ссылки буд. дѣлать на это изданіе)

²⁾ Наталья Ефимовна Измайлова была горбатая и некрасивая дѣвушка, которую Александръ Ефимовичъ нѣжно любилъ всю свою жизнь и писалъ ей не мало „посланий“. Она намного пережила своего брата и умерла дѣвцей въ 1853 году. (Похоронена на Сиб. Смоленскъ кладб.).

³⁾ Сообщаемъ нѣкоторые свѣдѣнія объ отцѣ Измайлова—Ефимѣ Ѳеодоровичѣ по имѣющимся у насъ документамъ. Годъ рожденія его—1749-й дастъ надгробный памятникъ, воздвигнутый на Смоленскомъ кладбищѣ его сыномъ (на немъ между прочимъ выбита и эпитафія, сочиненная Александромъ Ефимовичемъ и помѣщенная въ собр. соч., т. I, стр. 383). Службу началъ съ 1767 года копіястомъ въ Главной Соляной Конторѣ и служилъ тамъ, постепенно повышаясь въ чинахъ, до 1780 г., когда въ чинѣ коллежскаго секретаря былъ опредѣленъ въ „казначейство для статныхъ въ государствѣ суммъ“, отсюда въ 1785 г. „уже коллежскимъ ассесоромъ, былъ переведенъ начальникомъ въ 1-ю экспедицію о государственныхъ доходахъ. Дальнѣйшая судьба его намъ неизвѣстна. Надгробный камень говоритъ, что Ефимъ Ѳеодоровичъ умеръ въ 1814 году, 9-го іюля въ чинѣ статскаго совѣтника. Мать баснописца Матрона Захарьевна, род. въ 1750 г., сконч. въ 1802 (по родословной, писанной рукой А. Е. Измайлова). Почтительный ея сынъ написалъ и ей эпитафію (см. собр. сочин. т. I, стр. 383).

⁴⁾ См. «Записку», поданную Измайловымъ для полученія чина статскаго совѣтника. (Впервые обнародована П. Н. Полевымъ въ «Ист. Вѣст.» 1886 г., № XI).

⁵⁾ Несмотря на то, что въ управленіи имъ принималъ участіе такой дѣятельный человѣкъ, какъ М. Ѳ. Соймоновъ (1730—1804). См. автобіографію его въ «Горномъ Журн.» 1887 г. № 10, стр. 147—180.

неудовлетворительна. Вотъ какъ Измайловъ, самъ говорить объ этомъ, на страницахъ своего журнала «Благонамѣренный» ¹⁾, вспоминая свое обученіе въ корпусѣ: «Въ мое время учили въ Горномъ корпусѣ очень хорошо, но только не горнымъ наукамъ. Химія преподавалась тогда безъ опытовъ, минеральный кабинетъ былъ почти безъ штуфовъ и немного приносилъ пользы учащимся».

Но чему именно тамъ учили «очень хорошо»,—трудно сказать. Весьма вѣроятно, что Александръ Ефимовичъ разумѣлъ подъ этимъ предметы общеобразовательные—словесность и новые языки, въ каковыхъ онъ рано обнаружилъ себя знатокомъ. Къ неудовлетворительной постановкѣ учебнаго дѣла нужно присоединить и ту крайнюю распущенность воспитанниковъ корпуса, которая существовала въ немъ въ то время. Самъ Александръ Ефимовичъ объ этомъ не даетъ свѣдѣній, но мы легко можемъ предположить, что дѣло обстояло такъ, основываясь на воспоминаніяхъ лицъ, учившихся въ Горномъ корпусѣ приблизительно въ то же время и въ одинъ голосъ подтверждающихъ низкій нравственный уровень своихъ коллегъ по корпусу ²⁾. (Отмѣчаемъ этотъ фактъ въ виду того, что, можетъ быть, это обстоятельство имѣло вѣкоторое значеніе въ пристрастіи Измайлова къ изображенію грубыхъ картинъ изъ жизни нашей молодежи въ его первомъ романѣ, и вообще къ той грубости въ изображеніяхъ и выраженіяхъ, которая впоследствии стала характерной чертой большинства его произведеній). Но какъ бы то ни было Александръ Ефимовичъ работалъ, очевидно, не мало за время пребыванія въ корпусѣ. Можетъ быть тамъ онъ изучилъ французскій языкъ ³⁾, которымъ впоследствии владѣлъ прекрасно, и несомнѣнно, что тамъ начались его литературные опыты. По крайней мѣрѣ, извѣстно, что «восемнадцати не больше лѣтъ» имъ былъ уже написанъ романъ «Евгеній или пагубныя слѣдствія дурнаго воспитанія и общества».

По выходѣ изъ корпуса, Александръ Ефимовичъ не бросалъ заботъ о самообразованіи и пополнялъ недостатки его обширнымъ чтеніемъ на русскомъ и французскомъ языкахъ; другихъ онъ не зналъ, въ чемъ

¹⁾ «Благонамѣренный», 1821 г.

²⁾ См. «Автобіографич. записки сенатора Е. О. Брадке», („Рус. Архивъ“ 1875, I, стр. 19—21); «Вульфъ и его дневникъ» („Рус. Старина“ 1899—III) и др.

³⁾ И можетъ быть подъ руководствомъ того самаго Masclet (переводч. бабенъ Крылова), о встрѣчѣ съ которымъ въ Москвѣ онъ упоминаетъ въ одномъ изъ своихъ писемъ (См. „Славянинъ“ 1828, ч. VII, стр. 254). Перу Masclet принадлежатъ: 1) „Kryloff Jean. Fables traduites de russe“—Moscou 1828 in 8°; 2) Ode sur le mariage de S. A. I. Mr. le Grand-duc Alexandre Pavlovitch.—St. Pétersbourg 1793, in 4°; 3) Idem (français et russe)—St. Pétersb.—1793, in 4°.

онъ самъ съ сожалѣніемъ признается въ одномъ изъ своихъ писемъ,¹⁾ Но французскимъ языкомъ онъ владѣлъ прекрасно и былъ—какъ увидимъ ниже—хорошо освѣдомленъ по части тогдашней французской литературы; особливо ему хорошо были знакомы французскіе баснописцы и теоретическія сочиненія о баснѣ.

Въ военную службу, какъ дѣлало большинство его товарищѣй, Александръ Ефимовичъ—какъ мы замѣтили—не пошелъ; не чувствуя къ ней никакого призванія, онъ подалъ прошеніе «объ отставкѣ» и былъ, какъ значится въ формулярѣ, «уволенъ для опредѣленія къ статскимъ дѣламъ», съ чиномъ губернскаго секретаря въ 1797 году (января 3-го). Августа 1-го того же года онъ поступилъ на службу въ существовавшую еще тогда Экспедицію о государственныхъ доходахъ, въ которой служилъ въ то время и его отецъ. Выступивъ такимъ образомъ, въ 1797 году, на поприще гражданина въ качествѣ чиновника, онъ въ слѣдующемъ году является въ печати, какъ начинающій писатель: въ первой книжкѣ одного изъ лучшихъ тогдашнихъ періодическихъ изданій—«С.-Петербургскій Журналъ», издававшася Пнинымъ, въ 1798 году появилось стихотвореніе Александра Ефимовича «Смерть», переведенное изъ Малерба²⁾, а въ слѣдующемъ, 1799 году, имъ напечатана была первая часть романа «Евгеній», написаннаго, какъ мы замѣтили, еще раньше. Романъ этотъ, повѣствующій о жизни и приключеніяхъ одного изъ представителей тогдашней дворянской jeunesse dorée, далъ возможность молодому автору выказать замѣчательную наблюдательность. Въ небольшомъ сравнительно произведеніи онъ успѣлъ широко охватить мрачныя стороны современнаго ему провинціального и городского дворянства, правда, заходя въ своихъ изображеніяхъ порой за границы требуемой отъ печатнаго произведенія благопристойности. Какъ бы то ни было, но романъ этотъ, какъ рядъ яркихъ бытовыхъ картинъ, объединенныхъ симпатичной идеей—показать пагубныя слѣдствія дурнаго воспитанія—доставилъ автору нѣкоторую извѣстность³⁾. Съ этого времени, вѣроятно, начались и литературныя знакомства Измайлова, имѣвшія, конечно, не малое вліяніе на послѣдующія его литературныя занятія.

Между тѣмъ и на служебномъ поприщѣ Александръ Ефимовичъ успѣлъ обратить на себя милостивое вниманіе начальства своими способностями, особенно по части сочиненія канцелярскихъ бумагъ и вообще умѣлымъ

¹⁾ Собр. соч., т. II, стр. 144.

²⁾ «С.-Петерб. журналъ» 1798 г. ч. I, стр. 224. Въ 1809 году въ измѣненной редакціи оно было напечатано въ «Цвѣтникѣ» и затѣмъ вошло во всѣ собранія сочиненій.

³⁾ См. «Сѣверная Пчела» 1849, № 141.

отношеніемъ къ своему дѣлу: въ октябрѣ 1800 года онъ уже былъ награжденъ чиномъ титулярнаго совѣтника, а въ 1801 году (іюля 26-го), то-есть, когда ему исполнился всего 21 годъ, онъ получилъ мѣсто столоначальника съ чиномъ коллежскаго ассессора ⁴⁾).

Добытое, такимъ образомъ, нѣкоторое общественное положеніе (можетъ быть, не безъ содѣйствія отца) и имя писателя дали возможность Александру Ефимовичу расширять свои знакомства до большихъ размѣровъ. Онъ началъ появляться чаще въ петербургскомъ обществѣ; «никто—какъ говорить его биографъ—не прочь былъ познакомиться съ такимъ молодымъ и уже извѣстнымъ писателемъ ²⁾)... всѣмъ было пріятно послушать остроумнаго веселаго собесѣдника; при томъ же знаніе французской рѣчи и приличное для тогдашняго времени образованіе отворяли для него двери многихъ салоновъ.... Знакомства его расширялись день ото дня» ³⁾).

Кромѣ знакомыхъ по службѣ и случайныхъ, Александръ Ефимовичъ расширялъ и кругъ своихъ литературныхъ знакомствъ, преимущественно изъ молодыхъ писателей; мало того, имѣя къ послѣднимъ особенное тяготѣніе, онъ въ 1802 году вступилъ членомъ въ только-что народившееся Общество Любителей Словесности, Наукъ и Художествъ ⁴⁾), въ исторіи котораго впоследствии Александру Ефимовичу суждено было имѣть первенствующее значеніе: онъ былъ болѣе половины существованія этого общества его президентомъ, оказывалъ ему большую поддержку и проч. Въ члены этого Общества онъ былъ выбранъ «по представленнымъ сочиненіямъ» въ засѣданіи 3-го мая 1802 года ⁵⁾). Дебютировалъ въ обществѣ Александръ Ефимовичъ стихотвореніемъ «На кончину друга» ⁶⁾). Но, какъ видно изъ протоколовъ этого Общества, Измайловъ посѣщалъ засѣданія неаккуратно, или вовсе не являясь,

¹⁾ Изъ Архива Департамента Герольдіи, чиновпроизводное дѣло 1801 г. № 137, іюль.

²⁾ Въ 1801 году Измайловъ еще издалъ повѣсть „Бѣдная Маша“. Спб. in 12°.

³⁾ „Иллюстрація“, цит. №

⁴⁾ См. прекрасную характеристику его, сдѣланную Л. Н. Майковымъ въ изд. соч. К. Н. Батюшкова (т. I, стр. 149—150). Немногочисленныя свѣдѣнія о немъ см. въ „Журн. мин. нар. просв.“, 1890, № III (статья проф. Пѣтухова); „Вѣсть“ 1864 г., № 15 (статья Н. И. Греча); „Сѣв. Пчела“ 1857 № 125 и пр. Уставъ этого Общества, утвержден. 23 сент. 1803 года, напечатанъ русск. и нѣм. яз. въ 1805 г. (Спб.)

⁵⁾ Изъ архива этого Общества. Такимъ образомъ, исправляется ошибка Л. К. (авелина), назвавшего Измайлова главнымъ основателемъ этого Общества, (см. „Иллюстрація“ 1846, № 17), ошибка, повторенная Галаховымъ („Современникъ“ 1850, т. XXIV, отд. III, стр. 52) и другими.

⁶⁾ Не сохранилось.

или приходя подѣ конецъ засѣданія, такъ что Общество, дорожившее своими немногочисленными членами, но старавшееся въ то же время поддерживать дисциплину, принуждено было сдѣлать ему и другому также неаккуратному члену (пріятелю, коллегѣ по корпусу и сослуживцу Александра Ефимовича) А. М. Яковлеву «сообщеніе» такого содержанія:

«Общество проситъ господина Измайлова возвратить взятые имъ бумаги касательно его разговора со Спасскимъ и требуетъ объясненія о долговременномъ его отсутствіи. 14-го іюня 1802 года. Секретарь А. Востоковъ».

Измайловъ внялъ-было голосу Общества, но потомъ опять пропускалъ засѣданія по-прежнему и былъ всего-на-всего въ продолженіе 1802 года три раза ¹⁾; мало того, однажды онъ чуть-было не подвергся исключенію изъ него. И вообще, первое время, онъ не былъ членомъ дѣятельнымъ, чѣмъ можно объяснить и отсутствіе его произведеній въ обѣихъ частяхъ изданнаго Обществомъ альманаха «Свитокъ Музъ» ²⁾; лишь въ «Періодическомъ изданіи» 1804 года, которое затѣяло Общество, мы встрѣчаемъ имя Измайлова ³⁾. Но журналъ этотъ былъ не долговѣченъ: онъ прекратился на первой же книжкѣ, и члены Общества, въ томъ числѣ и Измайловъ, печатали свои произведенія въ другихъ журналахъ, между прочимъ въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» Мартынова. (Хотя изъ протоколовъ Общества видно, что оно уже заготовило матеріалъ для 2-й книжки своего изданія: нѣсколько цензоровъ изъ членовъ же [въ числѣ которыхъ были А. Х. Востоковъ, Д. И. Языковъ и Измайловъ ⁴⁾] дали отчетъ о представленныхъ для печати произведеніяхъ; но въ подготовленіи матеріала прошелъ 1804 годъ, половина 1805, а второй книжки такъ-таки не появилось). Въ 1805 году члены печатались также большею частью въ «Журналѣ російской словесности» (издававшемся однимъ изъ членовъ этого же Общества—Н. П. Брусиловымъ), гдѣ помѣстили нѣсколько своихъ произведеній и Измайловъ ⁵⁾. Но и этотъ журналъ на слѣдующій годъ прекратился, и вмѣсто него въ 1806 году члены облю-

¹⁾ Изъ рукописныхъ протоколовъ этого Общества, принадлежащ. Имп. Публич. библиотекѣ (0—XVIII, № 2).

²⁾ „Свитокъ Музъ“, ч. I, Спб. 1802; ч. II, Спб. 1803.

³⁾ „Періодическое изданіе“ ч. I, Спб. 1804 стр. 14, 34, 35, 102, 104—106, 108—110. (Между прочимъ на стр. 33—35 находится стих. „Сонетъ Ирокоца“, не вошедш. въ полное собр. соч. Измайлова).

⁴⁾ См. бумаги этого Общества, обнаруженныя Е. В. Пѣтуховымъ въ „Журн. мин. народн. просвѣщ.“, 1890 г. ч. 26³, № III.

⁵⁾ См. „Журн. рос. слов.“ 1805, № I, стр. 50—51, № II—175, № III—148, № VII—148, № VIII—205—210, 211, № IX—37, 98—101, № XI—154—156. (Между прочимъ въ № IX (стр. 37—40) находится не вошедшее въ полное собр. сочин. А. Е. Измайлова стихотвореніе „Тирисъ“—подраженіе „Рансъ“ Карамзина).

бовали себѣ журналъ (также члена Общества) Н. Θ. Остолопова «Любитель словесности». Александръ Ефимовичъ былъ большимъ пріятелемъ редактора-издателя и охотно печатался въ его «Любительѣ». Онъ помѣщалъ почти въ каждомъ номерѣ какъ прозаическія, такъ и стихотворныя свои произведенія, которыя предварительно читались въ Обществѣ. Всего помѣстилъ онъ въ этомъ журналѣ числомъ до десяти своихъ пьесъ ¹⁾).

Нужно замѣтить вообще, что дѣятельность Александра Ефимовича, какъ писателя и члена Общества, съ годами становится болѣе живой и плодотворной. Онъ болѣе сталъ писать и печатать, сталъ болѣе аккуратнымъ и даже весьма дѣятельнымъ членомъ Общества: онъ много представляетъ на засѣданія его своихъ работъ, не мало беретъ для просмотра, состоитъ въ числѣ цензоровъ Общества, которое, усмотрѣвъ въ немъ литературный вкусъ и критическія способности, поручало ему для отзыва произведенія одного изъ самыхъ видныхъ (по литературному таланту) своихъ членовъ—А. Х. Востокова. Въ 1807 году Измайловъ избирается секретаремъ и ведетъ протоколы засѣданій. Въ томъ же году членъ Д. И. Языковъ предложилъ (въ засѣданіи 27-го іюля) вновь приступить къ изданію журнала и представилъ подробную программу его, другой членъ, В. В. Попугаевъ, предложилъ дѣлать взносы на сіе изданіе, и тотчасъ начали собирать сумму. Но хотя рѣшеніе издавать журналъ было принято, все же изданіе не состоялось. Впрочемъ, Александръ Ефимовичъ вывелъ сочленовъ изъ затрудненія: онъ приступилъ къ изданію журнала «Цвѣтникъ», предложивъ членамъ Общества въ немъ печататься²⁾, такъ что «Цвѣтникъ» можно считать какъ-бы неофициальнымъ органомъ этого Общества.

Между тѣмъ, въ періодъ времени съ 1803 по 1809 годъ, въ жизни Александра Ефимовича произошли слѣдующія событія: въ 1803 году онъ женился на Екатеринѣ Ивановнѣ Сотниковой ³⁾. Это была моло-

¹⁾ См. „Любит. словесности“ 1806 г. № 2, стр. 111—116, 167—169, № 3—252, № 4—42, № 6—253, № 8—155, № 10—67—69, № 11—101—124, № 12—157—159, 186—198.

²⁾ См. „Переписку А. Х. Востокова“ въ Сборн. 2-го отд. Акад. наукъ т. V, Спб. 1873, вып. 2-й, стр. XXXIX (примѣч.).

³⁾ См. „Иллюстрація“ 1846, № 17; данное это согласно съ родословной Имайлова, писанной рукою его старшаго сына. Хотя князь А. Б. Лобановъ-Ростовскій (см. „Русск. родослов. книга“ изд. 2-е, т. I, стр. 226) и Корсаковъ въ статьѣ о К. Д. Кавелинѣ (см. „Вѣстн. Европы“ 1886, № 5, стр. 10, прим. 2-е), называютъ дѣвичью фамилію Екатерины Ивановны Сулима, но, въ сущности говоря, это одно лицо—дочь Акилина Адриановна, урожденной Кавелиной (дочь Адр. Мих. Кавелина), которая была замужемъ два раза: первый разъ за поруч. Иваномъ Сотниковымъ, второй—за полковникомъ Ива-

дая, миловидная дѣвушка, съ хорошимъ по тому времени образованіемъ, ставшая нѣжной супругой, истиннымъ другомъ своего мужа, вполнѣ его понимавшимъ и уважавшимъ его умъ, занятія и интересы; по общему приговору, это была обаятельная женщина и добрая мать, сумѣвшая, вмѣстѣ съ мужемъ, дать дѣтямъ прекрасное воспитаніе.

Слѣдя хронологическому порядку, мы должны отмѣтить слѣдующій 1804 годъ въ жизни Александра Ефимовича появленіемъ особой книжкой его любопытнаго «Разсужденія о нищихъ». Вѣдшимъ поводомъ къ этой публицистической работѣ послужилъ высочайшій рескриптъ императора Александра, данный имъ 16-го мая 1802 года на имя камергера Витовтова о «несчастныхъ подданныхъ, страдающихъ подъ игомъ нищеты» Причиной же, почему Измайловъ обратилъ такое вниманіе на нищихъ, должно считать, какъ его природную доброту и сердечность, такъ отчасти и влияніе на нашего писателя Вольнаго Общества. Дѣло въ томъ, что среди членовъ названнаго Общества, на-ряду съ идеями чисто литературнаго, ученаго и политическаго характера, были широко распространены идеи о любви къ ближнему, о состраданіи и проч. Эти идеи не могли не произвести сильнаго впечатлѣнія на чувствительную натуру Измайлова, и гуманный призывъ монарха не могъ остаться безъ отклика въ его добромъ сердцѣ. Движимый самыми искренними побужденіями, онъ пишетъ въ 1803 году упомянутое разсужденіе, въ которомъ предлагаетъ проектъ уменьшенія въ Россіи нищихъ; годъ спустя онъ сочиняетъ другой, не менѣе любопытный проектъ о помощи бѣднымъ чиновникамъ, находящимся въ отставкѣ, подъ названіемъ «Вчерашній день»¹⁾. Оба проекта, проникнутые такими теплыми филантропическими идеями, были весьма сочувственно приняты членами Вольнаго Общества, на засѣданіяхъ котораго авторъ читалъ ихъ; второй проектъ, между прочимъ, одобренъ былъ къ напечатанію. Наконецъ, въ 1818 году Измайловъ основываетъ журналъ, одна изъ цѣлей котораго—благотвореніе.

Что касается до служебной дѣятельности, то и тутъ Александръ Ефимовичъ преуспѣвалъ: въ 1806 году онъ былъ награжденъ чиномъ надворнаго совѣтника, въ 1808 назначенъ старшимъ столоначальникомъ Экспедиціи и въ слѣдующемъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 4-й степени; черезъ два года (въ 1811) онъ получилъ чинъ коллежскаго совѣтника и назначенъ совѣтникомъ Экспедиціи²⁾.

номъ Сулимой (см. „Родосл. Сборникъ“... В. В. Руммель и В. В. Голубцова, т. I, Спб. 1896, стр. 339); Екатерина Ивановна была отъ перваго брака (род. въ 1787 г., сконч. въ 50-хъ годахъ текущаго столѣтія) Прибавимъ кстати, что самъ Александръ Ефимовичъ, горячо любя свою жену, недолюбливалъ ея родственниковъ, особливо ея дядю Дм. Ал. Кавелича.

¹⁾ Изд. отдѣльной брошюрой Спб. 1807 г. 12° (По Соликову—№ 3115, „рѣдка“).

²⁾ По формуляру 1831 года.

Возвратимся къ «Цвѣтнику». «Цвѣтникъ» существовалъ два года. Въ 1809 году Измайловъ издавалъ его вмѣстѣ съ А. П. Бенитцкимъ, а въ слѣдующемъ, по смерти своего талантливаго и усерднаго помощника и сочлена Вольнаго Общества, съ П. А. Никольскимъ (также членомъ Общества). Журналъ этотъ, задуманный Измайловымъ съ цѣлью придти на помощь Обществу въ дѣлѣ обнародованія своихъ произведеній, особеннаго успѣха не имѣлъ. Въ немъ помѣщали свои труды исключительно члены Общества, публикѣ мало извѣстные и не обладавшіе выдающимися способностями. Еще въ первый годъ своего существованія, когда центръ тяжести изданія лежалъ на Бенитцкомъ и онъ былъ самымъ дѣятельнымъ его сотрудникомъ, «Цвѣтникъ» успѣлъ заинтересовать публику; но уже въ слѣдующемъ году, когда умеръ Бенитцкій, «Цвѣтникъ», по выраженію Батюшкова, «завялъ» ¹⁾, на него посыпались эпиграммы, неодобрительные отзывы журналовъ, и Александръ Ефимовичъ прекратилъ его. Съ прекращеніемъ «Цвѣтника» члены Вольнаго Общества принуждены были снова печататься въ различныхъ журналахъ, но мысль о возобновленіи собственнаго изданія не покидала ихъ, и они вновь организуютъ свой журналъ подъ названіемъ «С.-Петербургскій Вѣстникъ», поручая главное редакторство А. Е. Измайлову ²⁾. Основное направленіе его было то же, что вообще въ дѣятельности Общества и въ частности въ «Цвѣтникѣ». Суть дѣятельности исполнѣ вѣрно и характерно очерчена Н. И. Гречемъ:

«Этотъ журналъ»—говоритъ онъ—«былъ поприщемъ оппозиціи противъ распространявшагося тогда дурнаго вкуса въ словесности, порожденнаго ложными понятіями о свойствѣ, достоинствахъ и различіи языковъ церковно-славянскаго и русскаго» ³⁾.

Но и этотъ журналъ былъ слишкомъ недолговѣченъ: «грозная буря войны разразилась надъ нашимъ отечествомъ, мирныя музы сокрылись» и «Вѣстникъ» замолчалъ на ноябрьской книжкѣ ⁴⁾. Тѣ же военныя событія заставили членовъ Общества, оставшихся въ Петербургѣ въ небольшомъ количествѣ, прекратить свои засѣданія, и послѣднее, подъ предсѣдательствомъ Измайлова, было 11-го ноября 1813 г.

Но общество не умерло окончательно, а возобновило свою дѣятельность

¹⁾ См. „Русск. Старин.“ 1871 г., № 3-й, стр. 218 (Собр. сочин., томъ III стр. 42).

²⁾ А не В. Б. Броневскому, какъ показано у Н. М. Лисовскаго (см. его „Русск. періодич. печать“, выш. I, Спб. 1895, стр. 13). В. Б. Броневскій избранъ въ члены этого Общества лишь 27-го апрѣля 1818 г. (Изъ архива этого Общества).

³⁾ Н. Гречъ „Чтенія“, ч. II, Спб. 1840, стр. 391.

⁴⁾ И то послѣдняя была издана не въ полномъ видѣ и не въ срокъ (см. „Библиогр. Зап.“ 1859, стр. 420, письмо А. Е. Измайлова къ Н. О. Грамматину).

въ концѣ 1816 года (седьмого декабря), благодаря стараніямъ, главнымъ образомъ, А. Е. Измайлова, А. Х. Востокова и Н. И. Греча. Александръ Ефимовичъ былъ на сей годъ избранъ предсѣдателемъ. Первое засѣданіе открыли А. Е. Измайловъ, А. Х. Востоковъ, И. И. Гречъ, А. С. Бируковъ и Б. М. Оедоровъ. Тогда же было рѣшено разсмотрѣть уставъ и сдѣлать въ немъ кое-какія измѣненія. Въ 1816 году засѣданій числомъ было 4, въ слѣдующемъ—31, и дѣло пошло на ладъ. Число членовъ быстро увеличивалось; опять сошлись (хотя далеко не всѣ) прежніе члены, прибавилось много новыхъ. Общество дѣятельно принялось вербовать въ свои ряды выдающихся лицъ столицы и въ числѣ своихъ почетныхъ и дѣйствительныхъ членовъ имѣло почти всѣхъ извѣстныхъ въ то время литературныхъ и общественныхъ дѣятелей.

Большинство изъ болѣе видныхъ писателей были представлены Обществу Александромъ Ефимовичемъ. Такъ, въ 1817 году онъ представилъ В. А. Жуковскаго, И. А. Крылова, В. К. Кюхельбекера; въ 1818 году А. С. Пушкина, Е. А. Боратынскаго, А. А. Дельвига и многихъ другихъ.

Такъ шло время, и Александръ Ефимовичъ мало-по-малу завоевалъ себѣ извѣстность, какъ писатель и вообще литературный дѣятель. Болѣе извѣстенъ онъ былъ какъ баснописецъ, и, какъ послѣдній, онъ стяжалъ себѣ довольно рано хорошую славу; имя его ставили на-ряду съ именами Крылова и Дмитріева и звали его «дружкой Крылова». Особенную извѣстность онъ приобрѣлъ послѣ выпуска перваго собранія своихъ басенъ въ 1814 году, въ какое издание вошли басни, большею частью напечатанныя имъ въ различныхъ журналахъ въ предшествующіе годы, начиная съ «С.-Петербургскаго журнала», кончая «Сыномъ Отечества» Греча. Принятый благосклонно печатью и публикой за первое изданіе своихъ басенъ, Александръ Ефимовичъ еще усерднѣе началъ работать надъ излюбленной имъ формой поэтическихъ произведеній, и въ періодъ съ 1816 ¹⁾ по 1818 годъ помѣстилъ много басенъ и въ «Сынѣ Отечества» и въ «Вѣстникѣ Европы»; тамъ же онъ началъ печатать свои «Опыты» чисто теоретическаго разсужденія о баснѣ, въ основу котораго были положены трактаты французскихъ писателей-теоретиковъ.

Къ этому времени изъ Александра Ефимовича окончательно выработывается писатель по преимуществу, и видно, что литературныя дѣла—его первыя заботы, заслонявшія собой заботы о службѣ. Краснорѣчиво говоритъ объ этомъ формуляръ Измайлова. Такъ, заглянувъ въ него, въ графѣ: «когда въ службу вступилъ» etc. вслѣдъ за 1811 годомъ мы встрѣчаемъ тотчасъ же годъ 1821, когда Александръ Ефимовичъ былъ назначенъ начальникомъ отдѣленія департамента государственнаго каз-

¹⁾ Въ этомъ же году появилось 2-е изданіе его басенъ.

начейства. Тяготясь такимъ долгимъ пребываніемъ въ однихъ чинахъ и должности, Измайловъ подалъ, куда слѣдуетъ, увѣнчавшуюся успѣхомъ любопытную «Записку для полученія чина статскаго совѣтника», въ которой, испрашивая означенный чинъ, перечислялъ свои литературныя заслуги передъ отечествомъ ¹⁾.

Несомнѣнно, что Александръ Ефимовичъ всецѣло былъ занятъ служеніемъ музамъ, какъ потому, что онъ чувствовалъ къ тому призваніе и снискалъ имъ себѣ извѣстность, такъ отчасти, можетъ быть, и потому еще, что литературныя занятія все же давали кое-какой доходъ ²⁾, что могло быть нѣкоторымъ подспорьемъ для существованія, особенно въ виду того, что служба далеко не покрывала его расходъ ³⁾.

Не мудрено поэтому, что онъ не отказался въ 1817 году, на время отъѣзда Греча за границу, принять (конечно, за нѣкоторое вознагражденіе) въ завѣдываніе и полное распоряженіе его журналъ «Сынъ Отечества». Гречъ передалъ журналъ именно Измайлову, ибо, во-первыхъ, находился съ нимъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ, а во-вторыхъ, Александръ Ефимовичъ—повторяемъ—какъ писатель, имѣлъ уже извѣстное имя и какъ баснописецъ, и редакторъ-издатель, и членъ ученыхъ и литературныхъ обществъ ⁴⁾, изъ которыхъ въ одномъ былъ предсѣдателемъ.—Завѣдываніе «Сыномъ Отечества» прибавило новыя заботы Измайлову, но и тутъ живая и дѣятельная натура его хотѣла вложить нѣчто свое. «Вамъ извѣстно уже — писалъ Александръ Ефимовичъ Н. О. Грамматину— что я послѣ отъѣзда Греча издаю теперь «Сынъ Отечества». Въ матеріалахъ у меня недостатка нѣтъ; но мнѣ хотѣлось бы сдѣлать журналъ разнообразнѣе, нежели каковъ онъ былъ прежде, и не помѣщать длинныхъ и сухихъ пьесъ... Вотъ уже я издалъ семь книжекъ, и въ каждой есть стихотворенія, а прежде помѣщалось ихъ очень мало» ⁵⁾.

Въ октябрѣ Гречъ возвратился изъ своего путешествія и принялъ журналъ отъ Измайлова, но Александръ Ефимовичъ вновь создаетъ себѣ

¹⁾ О ней см. ниже.

²⁾ См. объ этомъ любопытн. письма его къ Н. О. Грамматину („Библиогр. Зап.“ т. II, стр. 419 и сл.)

³⁾ „Я, слава Богу, здоровъ“—пишетъ онъ Н. О. Грамматину отъ 22-го марта 1817 г.,—„но не могу сказать, чтобы былъ веселъ: дѣла казеннаго много, своего еще больше, жить здѣсь дорого“, между тѣмъ какъ семья у Александра Ефимовича значительно увеличилась; такъ онъ писалъ тому же Грамматину еще въ 1812 г., что у него „на рукахъ шесть ребятишекъ“. (См. „Библиогр. Записк.“, т. II, стр. 425, 414)

⁴⁾ Въ 1816 г. онъ былъ избранъ въ члены моск. общ. любителей словесности въ засѣданіи 26-го февраля вмѣстѣ съ Жуковскимъ, Гнѣдичемъ и И. А. Брыловымъ. (См. „Москов. Вѣдом.“ 1816 года, № 21, также „Русск. Вѣстн.“ 1858 г., т. XV, кн. 2, стр. 603).

⁵⁾ „Библиогр. Зап.“, т. II, стр. 624

работу: къ концу года онъ выпускаетъ 3-е изданіе своихъ басенъ и сказокъ ¹⁾, въ слѣдующемъ 1818 году, открывающемъ новую эпоху въ жизни Александра Ефимовича, мы видимъ его редакторомъ-издателемъ собственнаго журнала «Благонамѣренный».

II.

Изданіе „Благонамѣреннаго“. Причины продолжительнаго существованія этого журнала; особенныя черты въ характерѣ его редактора-издателя.—Участіе Измайлова въ литературныхъ кружкахъ. С. Д. Пономарева. Предсѣдательство въ Вольномъ Обществѣ любителей словесности, наукъ и художествъ. Послѣдніе годы этого Общества.—Вліяніе литературныхъ знакомствъ Измайлова на его литературную дѣятельность. Измайловъ какъ литераторъ и отношеніе къ нему писателей.—Послѣдніе годы службы Измайлова въ Петербургѣ. Переводъ его по службѣ въ Тверь.

1818-мъ годомъ начинается періодъ самой кипучей литературной дѣятельности Измайлова. Испробовавъ свои силы почти во всѣхъ родахъ литературныхъ произведеній, побывавъ сотрудникомъ и издателемъ какъ отдѣльныхъ, такъ и періодическихъ изданій, искусивши свои силы и какъ редакторъ, Александръ Ефимовичъ задумываетъ изданіе большаго журнала по широкой программѣ, которому даетъ названіе «Благонамѣренный», каковымъ онъ самъ себя называлъ и каковымъ былъ на самомъ дѣлѣ. Поставивъ эпитафію своего журнала: «on fait ce qu'on peut et non pas ce qu'on veut», Измайловъ на дѣлѣ держался его до конца дней своего журнала и до конца своей литературной дѣятельности, прекратившейся его смертью, то-есть до 1831 года. «Благонамѣренный» существовалъ съ 1818 по 1826 годъ включительно, то-есть, въ продолженіе девяти лѣтъ, и, вѣроятно, продолжалъ бы существовать и далѣе, если бы Измайловъ не былъ переведенъ по службѣ въ провинцію. Существованіе журнала въ теченіе девяти лѣтъ, при той неисправности, какую обнаруживалъ издатель въ выпускѣ книжекъ, или опаздывая или вовсе не выдавая номеровъ журнала, явленіе, и не для того времени, довольно примѣчательное. Извѣстно, что въ тѣ времена журналовъ, хотя было и «тысячи», по выраженію одного изъ современниковъ ²⁾, но существованіе ихъ было, можно сказать,

¹⁾ Кромѣ того, въ этомъ году онъ доиздалъ двѣ послѣднія (XI и XII) кн. предпринятаго его покойнымъ другомъ П. А. Никольскимъ (ум. въ 1816 г.) изданія „Пантеона русск. поэзіи“.

²⁾ Горчаковъ: „И наконецъ, я зрю въ странѣ родной Журналовъ тысячи, а книги ни одной“.

эфемерно: они выростали какъ грибы, но скоро и умирали, не всегда дотянувши изданія даже до конца года. Чѣмъ же объяснить фактъ такого успѣха «Благонамѣреннаго», разумѣя подъ успѣхомъ долгое существованіе этого журнала? Прежде всего, конечно, тѣмъ, что «Благонамѣренный» имѣлъ достаточное число подписчиковъ, послѣднее же можно объяснить слѣдующимъ: во-первыхъ, какъ человекъ весьма общительный и обходительный, Александръ Ефимовичъ имѣлъ громадный кругъ знакомыхъ, которые охотно подписывались на журналъ и въ свою очередь заботились о его распространеніи ¹⁾; во-вторыхъ, самъ редакторъ-издатель нерѣдко принималъ такія мѣры къ распространенію своего журнала, какія въ наше время сочли бы компрометирующими изданіе, но въ свое время считались позволительными при тогдашнихъ патриархальныхъ нравахъ печати; въ-третьихъ, журналъ отличался замѣчательною пестротой, разнообразіемъ и даже, пожалуй, для своего времени и занимательностью; въ-четвертыхъ, онъ давалъ пріютъ произведеніямъ чуть-ли не каждому, желавшаго увидѣть плоды своей музы въ печати, что, правда, не прибавляло журналу успѣха литературнаго, но увеличивало число подписчиковъ: случайные сотрудники охотно подписывались на журналъ, на страницахъ котораго печатались ихъ фамиліи; наконецъ, журналъ этотъ нравился весьма многимъ и по той симпатичной цѣли, которую, между прочимъ, преслѣдовалъ «Благонамѣренный»; мы имѣемъ въ виду благотвореніе.

Нѣсколько выше мы имѣли уже случай отмѣтить ту доброту и отзывчивость Александра Ефимовича, которыя онъ проявлялъ неоднократно, едва выступивъ на поприщѣ общественной и литературной дѣятельности.—То же самое мы видимъ и теперь, когда онъ стоитъ во главѣ довольно крупнаго, по своему времени, изданія: почти въ каждомъ номерѣ журнала (начиная съ перваго) издатель дѣлалъ порою трогательныя объявленія, иной разъ стихами, о тѣхъ или другихъ несчастныхъ, нуждающихся въ матеріальной поддержкѣ, лишенныхъ нерѣдко почему-либо всякихъ средствъ къ существованію ²⁾. Мало того, онъ бралъ на себя трудъ лично раздавать притекающія къ нему пожертвованія нуждающимся, лично же разыскивая ихъ на окраинахъ города въ ихъ убогихъ помѣщеніяхъ. Часто къ нему обращались пись-

¹⁾ Такъ, напримѣръ гр. Д. И. Хвостовъ подписывался на массу экземпляровъ.

²⁾ Между прочимъ,—нѣкоторые ошибочно думаютъ, что „Благонамѣренный“ былъ у насъ первымъ журналомъ, задавшимся благотворительной цѣлью: ее имѣли нѣкоторые журналы и до „Благонам.“, напр., „Россійскій Музеумъ“ (1815 г.), при которомъ былъ отдѣлъ: „Вѣдомости несчастныхъ и благотворительныхъ“; былъ благотвор. отдѣлъ и въ одномъ журналѣ 1818-го года—„Соревнователѣ Просвѣщенія“ и т. д.

менно съ просьбами о помощи или являлись къ нему въ редакцію, и Измайловъ никому не отказывалъ ни въ матеріальной, ни въ нравственной поддержкѣ, и, за время существованія его журнала, имъ было роздано свыше 10.000 рублей пожертвованныхъ денегъ, не считая жертвованій вещами. Кромѣ того, идя навстрѣчу несчастнымъ, Александръ Ефимовичъ часто жертвовалъ и изъ собственныхъ средствъ ¹⁾, а при ограниченности послѣднихъ обращался въ случаяхъ экстраординарныхъ за содѣйствіемъ къ лицамъ состоятельнымъ ²⁾. Чувство состраданія было такъ сильно развито въ Александрѣ Ефимовичѣ, что несчастія ближнихъ заставляли его порой забывать собственные несчастія ³⁾.

Врагъ всякой лжи и лицемерія ⁴⁾, Александръ Ефимовичъ ненавидѣлъ, съ одной стороны, притворство въ дѣлѣ благотворенія, благотвореніе ради формы и приличія (онъ написалъ по этому поводу нѣсколько пьесокъ) ⁵⁾; съ другой—попрошайничество, жертвой котораго онъ иногда бывалъ ⁶⁾. Стремленіе подать руку помощи ближнему доводило Александра Ефимовича иногда до курьезовъ. Не говоря о томъ, что подписчики «Благонамѣреннаго» иногда получали передъ праздникомъ стихотворныя воззванія о бѣдныхъ ⁷⁾, онъ привлекалъ къ благотворенію чуть-ли не вымогательствомъ ⁸⁾.

Но какъ бы то ни было, мы съ тѣмъ большимъ уваженіемъ должны относиться къ личности Александра Ефимовича за его благотворительную дѣятельность, что вѣдь самъ-то Измайловъ лично не имѣлъ состоянія; извѣстно, что все имѣніе его заключалось въ маленькомъ клочкѣ земли съ семью душами крестьянъ, да и то въ общемъ владѣніи съ сестрой, которая въ свою очередь нуждалась въ помощи, въ чемъ братъ ей—прибавимъ—никогда не отказывалъ.

¹⁾ См. напр. „Сынъ Отеч.“ 1815 г., № 5, стр. 213 (въ пользу семейства умершаго художника Теребенникова), см. также „Русск. Стар.“ 1884 г. т. ХLI, стр. 633.

²⁾ См. напр. объ исторіи помощи баснописцу Маздорфу въ „Русск. Арх.“ 1871 г., стр. 966. См. также „Вѣдомости Спб. городск. полиціи“, 1848 № 33—въ воспомин. Грена и перепечатку въ „Сынъ Отеч.“ 1859 г., № VII, стр. 6—8.

³⁾ См. его письмо къ П. Л. Яковлеву въ собр. сочин., т. II, стр. 162—166

⁴⁾ Ср. послѣсловіе къ баснѣ „Черный котъ“. (Соб. соч., т. I, стр. 83), также „Надпись на дверяхъ моей пріемной“ (ibid., стр. 381—382)

⁵⁾ См., напр., собр. соч., т. II, стр. 259.

⁶⁾ См. статью Воейкова „Плуты-нищие“ въ „Литер. Прибавл. къ Рус. Инвалиду“, 1838.

⁷⁾ См. одно изъ нихъ въ собр. соч., т. 1, стр. 352—354.

⁸⁾ За что Александръ Ефимовичъ подвергся строгому осужденію со стороны Эртаулова (псевдон. Бурнашева),—„Дѣло“ 1874, № IV.

Нерѣдко Александръ Ефимовичъ бывалъ самъ въ затруднительномъ матеріальномъ положеніи, и ему приходилось обращаться къ помощи знакомыхъ лично для себя и «Богъ и добрые люди—по его выраженію—выручали его». Извѣстно, что такими благодѣтелями были для него: графъ Г. В. Орловъ ¹⁾, Е. А. Уварова ²⁾, П. И. Мятлева ³⁾, графъ Д. И. Хвостовъ ⁴⁾ и другіе.

Но, получая благодѣнія, Александръ Ефимовичъ, какъ мы видѣли—въ то же время самъ умѣлъ творить добро, и убѣжденіе въ необходимости послѣдняго было самымъ горячимъ и искреннимъ убѣжденіемъ Измайлова, лежавшимъ въ основѣ его нравственныхъ воззрѣній:

«Кто добръ, тотъ и полезенъ»—заявляетъ онъ въ своемъ посланіи къ В. И. Панаеву ⁵⁾. Любовь къ добру и дѣланіе добра—единственное, по мнѣнію Александра Ефимовича, утѣшеніе земной жизни:

„Здѣсь все намъ мѣсто испытанья;
Любя даетъ Богъ крестъ нести,
И мы должны несть безъ роптанья,
Чтобъ удостоилъ насъ спасти.
Тамъ будетъ добрымъ всѣмъ награда,
А здѣсь для насъ одна отрада:
Прямое лишь добро любить,
Полезными для ближнихъ жить ⁶⁾“.

Къ этой симпатичной чертѣ въ характерѣ Измайлова—добротѣ—нужно еще прибавить его безкорыстіе и безукоризненную честность. Послѣднее подтверждаютъ всѣ, кто только писалъ объ Измайловѣ, и Александръ Ефимовичъ былъ въ правѣ гордиться этимъ своимъ качествомъ. Взятки возмущали его до глубины души, и въ сочиненіяхъ и въ письмахъ его мы часто встрѣчаемъ самыя ожесточенныя на нихъ нападки. Если къ этому присоединить еще любовь Измайлова къ правдѣ, уваженіе къ личности, простоту и любезность въ обхожденіи, то предъ нами встанетъ въ высшей степени симпатичный образъ человѣка, своими нравственными качествами затмевающій себя, какъ писателя.

Вотъ эти-то особенности въ характерѣ Измайлова и притягивали къ нему общество, онѣ-то и были причиной того глубокаго уваженія, которое питали къ нему люди его знавшіе, порой литературные враги; съ другой стороны, ими же можно объяснить до нѣкоторой степени и то чрезмѣрное восхваленіе Александра Ефимовича, какъ писателя, ко-

¹⁾ Въ то время сенаторъ

²⁾ Супруга министра нар. проsv. С. С. Уварова.

³⁾ Статсъ-дама (1769—1859), мать поэта Ив. Петр. Мятлева.

⁴⁾ Извѣстный метроманъ, членъ Академіи, въ то время сенаторъ.

⁵⁾ Собр. сочин., т. I, стр. 307.

⁶⁾ Собр. сочин., т. I, стр. 317—318.

торое оказывали ему нѣкоторые современные журналы, чего, какъ увидимъ, онъ собственно не заслуживалъ: какъ писатель онъ былъ, строго говоря, незначителенъ, но какъ человѣкъ, какъ честный литераторъ, онъ былъ лицо примѣчательное, стоящее того, чтобъ любить его и съ уваженіемъ относиться къ его памяти.

Не даромъ А. Д. Галаховъ, давшій строгую оцѣнку литературнымъ трудамъ Измайлова, съ любовью остановился на его личности, какъ человѣка вообще, и русскаго въ особенности ¹⁾. А Измайловъ былъ русскимъ человѣкомъ во всемъ, начиная съ своего добродушія, простоты (доходящей до дурной привычки нѣкоторыхъ и весьма почтенныхъ русскихъ людей унащать въ пріятельской бесѣдѣ свою рѣчь словами не совсѣмъ удобными въ печати), чисто русской халатности ²⁾, кончая самыми мелкими привычками въ частной своей жизни. О немъ много ходило анекдотовъ при его жизни, много писалось эпиграммъ ³⁾ (изъ которыхъ наиболѣе интересной и удачной мы считаемъ эпиграмму Дельвига), не мало говорилось о его чудачествахъ и оригинальничаніи и по смерти ⁴⁾. Измайловъ былъ весьма популярнымъ человѣкомъ въ столицѣ, его зналъ каждый мало-мальски интеллигентный человѣкъ, и самъ онъ имѣлъ—какъ мы замѣтили—обширнѣйшее знакомство. Трудно указать кого-нибудь даже изъ болѣе крупныхъ писателей, который не былъ бы знакомъ съ Измайловымъ, и рѣдко какой изъ нихъ не упо-

¹⁾ „Современникъ“ 1850 г., т. XXIV, стр. 54.

²⁾ Напр., Измайловъ разъ не въ срокъ выпустилъ № своего журнала и публично оправдывался тѣмъ, что

„Какъ русскій человѣкъ на праздникъ загулялъ,
Забывъ жену, дѣтей, не только что журналъ“.

³⁾ Эпиграммъ на Измайлова и вообще стихотвореній, „посвященныхъ“ ему, довольно много; напр.: 1) А. А. Дельвига (Собр соч., изд. 1893 г. стр. 62 и 63). 2) А. О. Воейкова („Домъ сумасшедшихъ“—„Р. Стар.“ 1874, IX, 522). 3) А. С. Пушкина („Ех ungue leonem.“—Собр соч., т. I, стр. 349). 4) К. О. Рылѣва („Ахъ, гдѣ тѣ острова“... Собр. соч., изд. 1893 г., стр. 104; ср. „Пол. Зв.“ 1859—V). 5) А. И. Писарева („Пѣвецъ на бивакахъ у подошвы Парнаса“—„Библиогр. Зап.“, II, стр. 615) 6) Д. И. Хвостова—(„Стихотворенія“, т. V. Спб. 1830, стр. 190—193). 7) А. Д. Илличевскаго—(„Опыты въ антологич. родѣ“. Спб. 1827, стр. 16) 8) М. В. М(илонова).—(„Цвѣтникъ“ 1810, № 12, стр. 376—380) 9) „Къ портрету Измайлова“ („Карман. кн. Аонидъ“, Спб. 1821, стр. 149, см. также стр. 178). 10) „Надгробіе Измайлову“ („Благонамѣр.“ 1822, т. XIV) и др. 11) „Надгробіе А. Е. Измайлову“, („Стихотворенія Д. И. Хвостова“, т. VII, Спб. 1834, стр. 227).

⁴⁾ См. объ этомъ у К. Касьянова (Бурнашева): „Наши чудодѣи“. Спб. 1875 г.; Геннадіи въ „Сборникѣ, посвящ. А. О. Смирдину“ Спб. 1859. т. IV, Эртаулова (Бурнашева) въ „Дѣлѣ“ 1874, № III и IV. См. также „Отч. Записки“ 1874 г., т. 214), „Древн. и Нов. Россія“ 1876 г., т. III; 1878 г. т. III)

минаетъ его или въ своихъ письмахъ или произведеніяхъ ¹⁾). Знакомства его были весьма разнообразны: въ числѣ знакомыхъ онъ имѣлъ и свѣтилъ литературы, выдающихся ученыхъ, художниковъ — вообще лицъ, выдающихся по своему общественному положенію, наконецъ, массу знакомыхъ по службѣ. Изъ крупныхъ дѣятелей литературы онъ былъ знакомъ съ А. С. Пушкинымъ, княземъ П. А. Вяземскимъ, Жуковскимъ, Гнѣдичемъ, Боратынскимъ, И. А. Крыловымъ, Дельвигомъ и т. д.; въ пріятельскихъ или болѣе близкихъ отношеніяхъ онъ былъ къ Н. И. Гречу, И. И. Дмитріеву, Н. Ѳ. Грамматину, М. В. Милонову ²⁾, А. П. Бенитцкому, П. А. Никольскому ³⁾, графу Д. И. Хвостову, В. И. Панаеву ⁴⁾, Н. Ѳ. Остолопову ⁵⁾; хорошо знакомъ былъ съ графомъ Г. В. Орловымъ, С. С. Уваровымъ, Мятлевыми и т. д. Литературныя знакомства отчасти были широки у Измайлова и потому еще, что онъ состоялъ членомъ многихъ обществъ ⁶⁾, да и самъ былъ—какъ уже знаемъ—предсѣдателемъ одного.

«Въ литературныхъ собраніяхъ—говорится въ одномъ воспоминаніи—Измайловъ считался необходимымъ и занималъ почетное мѣсто между Крыловымъ, Пушкинымъ и всѣмъ, что тогда сіяло на полѣ умственной славы ⁷⁾... Крыловъ, съ привѣтливой улыбкой, протягивалъ руку своему нареченному брату по баснѣ—Крыловъ изящный—дикому Крылову, великій художникъ—простому плотнику, тесавшему тяжкій Эзоповъ лѣсъ тяжелымъ вятскимъ топоромъ,—но въ полной мѣрѣ честному писателю, доброй душѣ по превосходству, веселому и радушному

¹⁾ Н. В. Гоголь („Р. Стар.“ 1889, № 1, стр. 154; собр. соч., т. IV. Слб. 1889, стр. 194); А. С. Пушкинъ (Собр. соч., т. VII, стр. 105, 331); кн. П. А. Вяземскій—(Собр. соч., т. VIII, стр. 25; „Остафьевскій архивъ кн. Вяземскихъ“, изд. подъ ред. В. И. Савитова, т. I, Слб 898, стр. 70, 95, 367, 378); К. Н. Батюшковъ—(Собр. соч., т. III, стр. 42, 54, 66, 74, 88, 142, 161, 185); В. К. Кюхельбекеръ—(„Р. Ст.“ 1883, № 7, стр. 114); И. И. Дмитріевъ—(Собр. соч., изд. 1893 г., стр. 62, 63 и др.); Н. И. Гречъ—(„Чтенія“ и пр., т. II, стр. 295 и сл. и мн. др.).

²⁾ См. эпитафію, сочиненъ ему Измайловымъ (Собр. соч., т. I, 385).

³⁾ Измайловъ почтилъ его смерть эпитафіей и доиздалъ его „Паптеонъ рус. поэзій“ (см. выше)

⁴⁾ См. собр. соч., т. I, 307, 397.

⁵⁾ См. собр. соч., т. I, стр. 308.

⁶⁾ Между прочимъ, онъ состоялъ также съ 1818 года членомъ петербургскаго „Вольнаго Общества любит. російской словесности“ (или „Соревнователей просвѣщенія и благотворенія“), а также былъ приглашенъ въ члены казанскимъ „Обществомъ любителей словесности“

⁷⁾ Ср. М. Ancelot —, „Six mois en Russie“. Paris 1827 in 8°. Впрочемъ, см. о достовѣрности свѣдѣній, сообщаемыхъ этимъ авторомъ, и вообще о его книгѣ въ статьѣ Б. Л. Модзалевскаго о Я. Н. Толстомъ, въ „Рус. Стар.“ 1899. № X, стр. 175—177).

собесѣднику, а также и литератору, во всякомъ случаѣ достойному уваженія за благія намѣренія, за усердіе къ русскому просвѣщенію, за откровенное и прямое сердце» ¹⁾...

Любя знакомства и посѣщая засѣданія официальныхъ литературныхъ обществъ. Александръ Ефимовичъ былъ желаннымъ гостемъ и частныхъ собраній и кружковъ, какъ напримѣръ Н. П. Брусилова ²⁾, Д. М. Княжевича ³⁾, особенно С. Д. Пономаревой и другихъ.

Кружокъ Софьи Дмитріевны Пономаревой, какъ и ея личность, достаточно извѣстны въ литературѣ: о томъ и другой есть немало указаній въ періодической печати того и позднѣйшаго времени, есть и отдѣльное маленькое изслѣдованіе М. Н. Мазаева ⁴⁾. О возникновеніи этого кружка первое и болѣе подробное извѣстіе даетъ Измайловъ въ своемъ «Благонамѣренномъ»:

«Въ одномъ домѣ—разсказываетъ Александръ Ефимовичъ—гдѣ хозяинъ и хозяйка очень гостепримны и любятъ отечественную словесность, собралось человѣкъ шесть литераторовъ, давно уже соединенныхъ между собою узами дружбы. Говорили о разныхъ родахъ стихотвореній и прозы, и, наконецъ, зашла рѣчь о сочиненіяхъ на заданныя слова. Одинъ изъ присутствовавшихъ предложилъ собранію, чтобы каждый, для опыта, написалъ что-нибудь на заданное слово. Предложеніе принято единогласно; тотчасъ задали слова, и добрые хозяева потребовали, чтобы сіи сочиненія прочтены были у нихъ черезъ недѣлю, и чтобы впредь въ извѣстные дни собирались къ нимъ для подобныхъ занятій. Любезная и остроумная хозяйка избрана попечительницей сего дружескаго Общества, а почтенный хозяинъ—секретаремъ. Первое засѣданіе было 22 сего іюня (1821 г.) Оно открыто приличной рѣчью г-жи попечительницы; послѣ читаны сочиненія на заданныя темы»... ⁵⁾

Оставляя въ сторонѣ подробности изъ біографіи Софьи Дмитріевны, приведемъ характеристику ея, сдѣланную Измайловымъ въ письмѣ къ И. И. Дмитріеву:

«Она... имѣетъ необыкновенные таланты и получила отличное воспитаніе; знаетъ прекрасно нѣмецкій, французскій и итальянскій языки, даже отчасти латинскій; переводитъ на русскій прозой лучше многихъ записныхъ литераторовъ; пишетъ весьма недурно стихи; рисуетъ, тан-

¹⁾ „Библиот. для чтенія“, 1849, № VIII, отд. V, стр. 33—48

²⁾ См. записки Н. И. Греча Изд. 1886 г., стр. 210.

³⁾ „Русск. Стар.“ 1888, т. LVIII, стр. 126—127.

⁴⁾ М. Мазаевъ „Дружеское литературное общество С. Д. Пономаревой“. Спб. 1892 (раньше печ. въ „Библиографѣ“), здѣсь же указана и главная литература о ней.

⁵⁾ „Благонамѣрен.“ 1821 г. № XI и XII, стр. 194—195.

цуетъ, поетъ и играетъ на фортепiano. Жаль только, что очень мало занимается и ведетъ слишкомъ разсѣянную жизнь» ¹⁾).

Вообще нужно сказать, что это была образованная, умная, веселая и оригинальная женщина ²⁾; немного кокетливая, но любезная — она привлекала на свои собранія немало литераторовъ, пользовавшихся извѣстностью, которые охотно писали ей въ альбомъ свои произведенія, иные же и рисунки ³⁾).

Собранія ея посѣщали Дельвигъ, Боратынскій, Жуковскій, Крыловъ, Гнѣдичъ, А. Д. Илличевскій, Н. Ѳ. Остолоповъ и др. ⁴⁾. Что касается Александра Ефимовича Измайлова, то онъ былъ однимъ изъ усерднѣйшихъ ея поклонниковъ, и любовь его къ ней (конечно, чисто платоническая, какъ замѣчаетъ одинъ изъ биографовъ Александра Ефимовича) простиралась до весьма широкихъ предѣловъ, что видно и изъ содержанія стиховъ, посвященныхъ ей Измайловымъ, да и изъ одного количества ихъ. Достаточно указать на то, что имъ написано или посвящено Софьѣ Дмитриевнѣ до 25 произведений ⁵⁾. Трудно сказать положительно, какъ принимала Софья Дмитриевна ухаживанія за ней уже не молодого, но горячаго поклонника, какимъ былъ Александръ Ефимовичъ, но несомнѣнно, что она была къ нему очень любезна и внимательна, хотя Измайловъ и упрекалъ ее въ томъ, что она «науку любви» плохо знаетъ. Какъ бы то ни было, но нашъ баснописецъ сильно былъ увлеченъ Софьей Дмитриевной, доходя въ своихъ сентиментальныхъ ухаживаніяхъ за ней до чудачествъ; онъ силится писать ей нѣжныя посланія ⁶⁾, дарилъ ее своими сочиненіями и журналомъ, въ которомъ печаталъ пьески, читанныя на ея собраніяхъ, глубоко сожалѣлъ о ея болѣзни и искренне сѣтовалъ и оплакивалъ ея раннюю смерть: она скончалась 4-го мая 1824 года на 24-мъ году своей жизни,

¹⁾ «Русск. Архивъ» 1871 г., стр. 969.

²⁾ Между прочимъ, она не любила женскаго общества и предпочитала общество мужское, особенно литераторовъ.

³⁾ Альбомъ ея въ извлеченіяхъ обнародованъ однимъ изъ ея родственниковъ въ «Литерат. прилож. къ журн. «Нива» 1894 г., № 5, стр. 2--26.

⁴⁾ Н. С. Тихонравовъ совершенно основательно отрицалъ участіе въ нихъ А. С. Пушкина (см. собр. соч., М. 1898, т. III, ч. I, прим. 35-е къ стр. 256). Дѣло въ томъ, что хотя въ альбомѣ Пономаревой и находится «Молдаванская пѣсня» Пушкина (въ собр. соч. Пушкина она обыкновенно наз. «Черная шаль»), но она вклеена, и очевидно это сдѣлалъ Измайловъ, которому А. С. прислалъ ее для напечатанія въ «Благонамѣренномъ». Въ «Благонам.» (1821 г., № 5, стр. 142) именно и стоитъ та дата: «Кшишеневъ, 14 ноября 1820 г.», которая и на листѣ, вклеенномъ въ альбомъ Пономаревой.

⁵⁾ Многія изъ нихъ вошли въ собр. соч. (см. т. I, также «Литер. прилож. къ «Нивѣ» 1894 г. № 5, стр. 12); большинство осталось въ рукописи.

⁶⁾ Что у него рѣдко выходило удачно.

и, какъ писалъ П. А. Плетневъ В. П. Гаевскому, «въ величайшихъ мученіяхъ, заболѣвъ горячкой».

Александръ Ефимовичъ написалъ на ея смерть кантату ¹⁾, мысли при гробѣ ²⁾, нѣсколько эпитафій, довольно удачныхъ, напримѣръ:

Все скрыто здѣсь: и умъ и красота,
Любезность, дарованья,
Вкусъ тонкій, острота,
Пріятныя и рѣдкія познанья
И непритворная прямая доброта ³⁾.

Или:

Не рѣдко, въ тишинѣ ночной,
Сей скромный памятникъ Камены окружаютъ
И съ Граціями здѣсь рыдаютъ
О милой ихъ сестрѣ родной ⁴⁾.

Написалъ ей эпитафію и Дельвигъ:

«Жизнью землею играла она, какъ младенецъ игрушкой,
Скоро разбила ее - вѣрно утѣшилась тамъ» ⁵⁾.

Софья Дмитріевна скончалась въ 1824 году, но собранія у ней прекратились и того ранѣе.

Конечно, общество это имѣло небольшое вліяніе на творчество участниковъ его, но оно служитъ хорошей иллюстраціей къ состоянію литературныхъ и общественныхъ нравовъ того времени. И если самая личность Софьи Дмитріевны не имѣла такого сильнаго вліянія на Александра Ефимовича, какъ, напр., на Дельвига, то, во всякомъ случаѣ, знакомство съ ней нужно считать однимъ изъ самыхъ пріятныхъ знакомствъ Измайлова; нашъ писатель съ величайшимъ уваженіемъ и любовью относился къ ея памяти въ продолженіе всей своей жизни и, судя по письмамъ его, былъ въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ съ Акимомъ Ивановичемъ Пономаревымъ—ея мужемъ, который, между прочимъ, очень часто помогалъ Александру Ефимовичу въ его матеріальныхъ нуждахъ, когда онъ былъ переведенъ въ Тверь.

Но, любя посѣщать частныя кружки, вродѣ кружка Пономаревой, Александръ Ефимовичъ устраивалъ собранія и у себя на дому ⁶⁾, гдѣ гости—литературные пріятели и знакомые—встрѣчали радушный пріемъ со стороны веселаго и остроумнаго хозяина и любезной хозяйки. Але-

¹⁾ Собр. сочин., т. I, стр. 249.

²⁾ Ibid. т. II, стр. 228—231.

³⁾ Ibid., т. I, стр. 386.

⁴⁾ Ibidem.

⁵⁾ Собр. сочин., изд. 1893 г., стр. 64.

⁶⁾ Онъ прожилъ почти половину своей петербургской жизни и скончался въ домѣ Моденовыхъ подъ № 283, на набережной еще существовавшего тогда Лиговскаго канала, недалеко отъ такъ наз. «Бассейна».

ксандръ Ефимовичъ—какъ извѣстно—не былъ особеннымъ любителемъ «шума и праздниковъ» и, хотя и имѣлъ громадный кругъ знакомыхъ и былъ свѣтскій человѣкъ, но всегда предпочиталъ посвящать свободное отъ службы время или обществу своей семьи, или мирной бесѣдѣ съ близкими пріятелями по музѣ. Въ семейномъ кругу онъ былъ любящимъ и, до конца дней, до сентиментальности привязаннымъ къ женѣ своей мужемъ ¹⁾, былъ нѣжнымъ и попечительнымъ отцомъ дѣтей ²⁾, даже и тогда, когда они вышли изъ—подъ его отеческаго надзора. Немало времени онъ проводилъ и въ своей библіотекѣ, которая была у него довольно обширна. Женѣ своей Александръ Ефимовичъ—какъ говоритъ его біографъ—успѣлъ внушить «вкусъ и привычку къ упражненіямъ дома»; ея веселость и обходительность придавали еще болѣе живости и веселости въ вечернихъ бесѣдахъ кружка ея мужа. Всѣ оказывали ей почтительное вниманіе и уваженіе, слѣды которыхъ—говоритъ Л. Кавелинъ—остались въ ея скромномъ альбомѣ, украшенномъ лучшими произведеніями поэтовъ той эпохи, и, между прочимъ, первое мѣсто занимаютъ стихотворенія, писанныя рукой самого Александра Ефимовича, «нѣжно любившаго подругу своего добраго и чувствительнаго сердца» ³⁾.

Не надо забывать, что мода на альбомы, перенесенная къ намъ, конечно, изъ французскихъ салоновъ, въ эпоху императора Александра обратилась чуть ли не въ манію; извѣстно, что альбомы были настоятельной принадлежностью каждой дѣвушки, часто дамъ ⁴⁾, не рѣдко даже и мужчинъ ⁵⁾. Широкому распространенію ихъ въ то время и обилію удивляться, конечно, нечего: эпоха Александра была, такъ сказать, эпохой поэзіи, если только къ области послѣдней можно относить также и всякаго рода мадригалы, сонеты, надписи, элегіи, стихи «на случай», триолеты, *bouts-rimés* и т. д. Эта эпоха дѣлала чуть-ли не каждаго поэтомъ, и ужъ во всякомъ случаѣ рѣдкій журфиксъ, рѣдкій болѣе или менѣе интимный кружокъ или собраніе вродѣ тѣхъ, что происходили у Пономаревой, Измайлова и т. п., обходился безъ экспромптовъ, стиховъ застольныхъ, на заданныя рифмы и т. п. Александръ Ефимовичъ, которому стихи вообще легко давались, писалъ

¹⁾ Между прочимъ до насъ дошелъ альбомъ Измайлова въ честь «*concorde dans le mariage*», украшенный соответствующимъ рисункомъ.

²⁾ У него было три сына (Михаилъ, Александръ и Павелъ), изъ которыхъ двое первыхъ были медиками (Александръ Александровичъ былъ съ 1846 г. проф. Имп. медико-хирург. Акад.), третій — чиновникомъ въ государств. канцелярствѣ. Кромѣ того, у него было три дочери.

³⁾ «Иллюстрація», цит. №.

⁴⁾ Ср. у Пушкина «Евг. Онѣгинъ», глава IV, строфы XXVI—XXX

⁵⁾ Между прочимъ и у Измайлова былъ альбомъ, которому онъ далъ названіе «Памятникъ дружбы».

такую массу всякаго рода «альбомныхъ» произведеній ¹⁾, что приобрѣлъ ими извѣстность, и за свою особенную любезность писать въ альбомы женщинамъ получилъ прозвище «писателя для дамъ». Но достаточно прочесть нѣсколько стихотвореній Измайлова, чтобы убѣдиться, что ему далеко не къ лицу было это прозвище, на которое онъ претендовалъ и которымъ гордился. Извѣстно, что пріятели Измайлова, вродѣ Булгарина, частенько подтрунивали надъ этимъ его прозвищемъ ²⁾, котораго не пощадили въ своемъ «Домѣ сумасшедшихъ» и Воейковъ:

«Вотъ Измайловъ, авторъ басенъ
Разсужденій, эпиграммъ,
Онъ твердитъ мнѣ: «я согласенъ,—
Я писатель не для дамъ» ³⁾ и т. д.

Чтобы покончить съ вопросомъ о знакомствахъ Измайлова, о тѣхъ кружкахъ, обществахъ и собраніяхъ, членомъ которыхъ онъ былъ, отмѣтимъ тотъ малоизвѣстный фактъ, что Александръ Ефимовичъ былъ нѣкоторое время масономъ, и перейдемъ къ послѣднимъ годамъ существованія Вольнаго Общества, въ коемъ онъ былъ предѣвателемъ.

Измайловъ числился членомъ масонской ложи «Избраннаго Михаила ⁴⁾, управляющимъ мастеромъ которой былъ графъ Э. П. Толстой, въ то время почетный членъ Академіи художествъ, разныхъ обществъ, между прочимъ и Вольнаго Общества любителей словесности, наукъ и художествъ. Масонство не произвело на Александра Ефимовича, въ сущности говоря, никакого впечатлѣнія, да и не могло произвести: оно было совсѣмъ ни по его характеру, ни по складу ума, такъ что мы въ правѣ сказать, что, если нашъ баснописецъ и поступилъ въ масоны, то отнюдь не по внутреннему влеченію и убѣжденію, а просто въ силу господствовавшей тогда моды на масонство. Припомнимъ, что вѣдь чуть ли не всѣ писатели, болѣе или менѣе выдающіеся и жившіе въ столицахъ, считали своимъ долгомъ «приписаться» къ какой-нибудь ложѣ. Такъ и Александръ Ефимовичъ въ 1818 году сталъ членомъ ложи «Избраннаго Михаила», именно той самой ложи, которой представителемъ и членами были его друзья-пріятели и сочлены Вольнаго Общества: Кюхельбекеръ, П. А. Плетневъ, А. А. Дельвигъ, Э. Н. Глинка и др.

¹⁾ Имѣющійся въ Имп. публичной бібліотекѣ четырехтомный рукописный сборникъ произведеній Измайлова (писанный рукою самого автора), кромѣ стихотвореній, находящихся въ печати, въ значительной мѣрѣ наполненъ «стихами на случай», экспромптами и пр.

²⁾ См. подробности въ «Сѣв. Пчелѣ», 1849 г., № 141.

³⁾ «Русск. Стар.», 1874, IX, стр. 522.

⁴⁾ См. у Пыпина «Общесв. движеніе въ Россіи при Александрѣ I». Спб. 1895, стр. 319.

Что касается Вольнаго Общества любителей словесности, наукъ и художествъ, то, какъ мы уже сказали, оно возобновило свои засѣданія, быстро увеличивалось членами, въ числѣ которыхъ было много лицъ весьма извѣстныхъ, но значить ли это, что оно преуспѣвало подъ предсѣдательствомъ Измайлова? Къ сожалѣнiю, приходится отвѣтить отрицательно. Живая и плодотворная дѣятельность Общества закончилась передъ непрiятельскимъ погромомъ. Правда, Общество тогда не было велико, въ рядахъ его членовъ не было, какъ мы замѣтили, знаменитостей, но оно работало, оно выдвигало серьезные вопросы, на засѣданiяхъ его поднимались споры на серьезные темы, писались и переводились научные трактаты, члены задавались планами широкими. Теперь же научная сторона въ Обществѣ какъ-то отодвинулась на второй планъ, рѣдко-рѣдко замѣтишь въ протоколѣ отчетъ о прочитанномъ какомъ-нибудь серьезномъ сочиненiи; большею частью на засѣданiяхъ читались бѣдныя по содержанiю и не блестящiя по формѣ стихотворенiя, рассказы, анекдоты, эпиграммы, или же предсѣдатель угощалъ членовъ произведенiями, «присланными ему для напечатанiя въ «Благонамѣренномъ», о качествахъ которыхъ нечего и распространяться;—это были по большей части вирши, «плоды неопытной Музы» досужаго провинциала или молодого, жаждущаго славы поэта петербуржца. Скажемъ коротко: Общество, имѣвшее въ длинномъ списокѣ своихъ членовъ знаменитостей, аккуратно собиравшееся два раза въ мѣсяцъ на засѣданiя, быстро приходило въ упадокъ и, наконецъ, вскорѣ послѣ 1825 года прекратилось.

Конечно, винить въ этомъ всецѣло его предсѣдателя нельзя; виной были тому обстоятельства того времени: декабрьскiя событiя, лишившия его весьма видныхъ членовъ, общественное настроенiе, наступившая эпоха реакцiи и т. д.

Но безъ сомнѣнiя, нѣкоторая доля вины падаетъ и на Измайлова. Правда, онъ былъ членомъ дѣятельнымъ, въ энергiи отказать ему нельзя, и Общество, сознавая это и цѣня его усилiя, поднесло ему въ послѣднемъ засѣданiи 1820 года адресъ ¹⁾; но въ то же время нельзя не согласиться, что дѣятельность Александра Ефимовича въ роли предсѣдателя была направлена далеко не къ дѣйствительному преуспѣянiю Общества: онъ за все время своего предсѣдательства старался, во-первыхъ, чтобъ Общество имѣло какъ можно больше членовъ, во-вторыхъ, чтобъ въ немъ былъ миръ и согласiе, въ-третьихъ, чтобъ представлялось какъ можно болѣе произведенiй; но на то, приносить ли пользу Обществу вся эта длинная вереница членовъ, чѣмъ держится этотъ миръ и согласiе среди его членовъ и, наконецъ, есть ли какая

---

¹⁾ Изъ архива этого Общества.

цѣна всѣмъ тѣмъ произведеніямъ, которыя читались на засѣданіяхъ,— на все это Измайловъ какъ бы не обращалъ вниманія.

Не мудрено поэтому, что засѣданія были весьма немногочисленны, неинтересны, скучны. Это порой сознавалъ и самъ Александръ Ефимовичъ и однажды даже написалъ эпиграмму на собраніе своего же Общества.

Къ тому же у него было всегда много и своей работы: по службѣ, для журнала, семьи. Но все же мы должны помянуть его имя въ исторіи этого Общества добрымъ словомъ: именно ему, его стараніямъ оно обязано и своимъ возобновленіемъ и послѣдующимъ существованіемъ, и, не получи Александръ Ефимовичъ назначенія въ провинцію, Общество, можетъ быть, продолжало бы существовать и послѣ 1825 года. Но «Вольное Общество любителей словесности, наукъ и художествъ»—по выраженію Греча—«умерло тихой смертью», а послѣдующая эпоха была не такова, чтобъ при существовавшемъ тогда порядкѣ вещей, подобныя учрежденія не только могли преуспѣвать, но хотя бы свободно дѣйствовать.

Какое же вліяніе могли оказать на Измайлова его обширное знакомство и участіе въ различныхъ кружкахъ и обществахъ, и чье вліяніе могло отозваться на немъ болѣе замѣтно? Конечно, самое большое значеніе для его литературной дѣятельности имѣло общеніе его съ членами Вольнаго Общества любителей словесности, наукъ и художествъ, особенно въ первые годы существованія этого Общества. Не чему иному, какъ вліянію того же Общества, усердно занимавшагося въ первые годы царствованія Александра развитіемъ въ своихъ членахъ политическихъ убѣжденій въ духѣ французскихъ вольнодумцевъ XVIII столѣтія, нельзя приписать и появленіе изъ-подъ пера нашего баснописца такихъ произведеній, какъ «Ибрагимъ и Османъ» и «Наставленіе стараго индійскаго мудреца молодому государю». Обѣ работы принадлежатъ къ области такъ называемыхъ «восточныхъ повѣстей». Конечно, «восточное» играетъ въ нихъ такую же роль, какую на примѣръ «персидское» въ «Lettres Persanes» Монтескье. Тенденціозность ихъ очевидна: Измайловъ, наравнѣ съ другими подобными ему авторами восточныхъ повѣстей, имѣлъ цѣлью не «восточное», а «общечеловѣческое», въ частности «русское»; такъ, въ первомъ упомянутомъ его произведеніи выражена такая моральная сентенція: «трудись, дѣлай добро и будешь счастливъ»; во второмъ видно желаніе автора преподавать молодому монарху нѣсколько полезныхъ совѣтовъ по части отношенія къ своимъ подданнымъ ¹⁾.

¹⁾ Ср. также его басню «Истина во дворцѣ» («Журн. рос. слов.» 1805, № 1, стр. 50) съ такимъ послѣсловіемъ:

„Щастлива та страна, въ которой кроткій царь
Правдиво говоритъ себѣ не запрещаегь!

Далѣ несомнѣнно, что упражненія Измайлова, какъ члена упомянутаго Общества, въ роли его цензора и вообще участіе въ трудахъ этого и другихъ литературныхъ обществъ содѣйствовало (но только до нѣкоторой степени) развитію его литературныхъ, въ частности критическихъ способностей; но, говоря о его литературныхъ и критическихъ убѣжденіяхъ и приѣмахъ, нужно замѣтить, что они были не велики и не глубоки.

Не могли развить ихъ и измѣнить ихъ направленіе ни участіе Измайлова въ какихъ бы то ни было обществахъ и кружкахъ, ни знакомства его съ такими крупными выдающимися талантами, какъ Пушкинъ и ему подобные: Измайловъ, воспитавшійся на французской литературѣ XVIII вѣка, оказывалъ ей явное предпочтеніе во все продолженіе своей литературной дѣятельности; критическія убѣжденія и приемы, заимствованные имъ у французскихъ стилистовъ прошлаго столѣтія и равно примѣнявшіеся имъ и къ трудамъ членовъ Вольнаго Общества и къ произведеніямъ Пушкина, не развили его критическихъ способностей до яснаго пониманія всѣхъ смѣнявшихся одно за другимъ литературныхъ теченій первой четверти нашего вѣка; наконецъ, его грубоватое «тенѣрство», поддерживаемое до старческихъ лѣтъ неизмѣнной любовью къ Скаррону, не оставлялось имъ, несмотря на осужденіе печати и стало отличительной, оригинальной чертой его произведеній.

Говоря вообще, немногочисленный арсеналь литературныхъ приемовъ и вкусовъ Измайлова представлялъ уже явленіе устарѣлое среди возникавшей молодой литературы первой половины нашего вѣка, когда раздались мощные звуки поэзіи Пушкина и его плеяды. Дѣятельность Измайлова-поэта должна была потонуть въ лучахъ этой поэзіи; тенѣрство его въ стихахъ и прозѣ не могло идти въ сравненіе съ реализмомъ поэта русской дѣйствительности и автора появившихся въ годъ смерти нашего баснописца «Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки»; его критика не стоила даже вниманія, когда русская публика въ 1834 году познакомилась съ «Литературными мечтаніями» Бѣлинскаго; его «Благонамѣренный» сталъ наслѣдіемъ лишь библіографовъ [впрочемъ, какъ журналистъ, Измай-

Щастливы мы стократъ: нашъ Ангель государь
 Не только истину въ чертогъ къ себѣ пускаетъ,
 Но даже ищетъ самъ ее.
 Великій Александръ! Дѣявіе сіе
 Вѣкъ неизгладимо въ сердцахъ у насъ пребудеть,
 Исторія тебя, потомство не забудеть“.

Въ собр сочин. Измайлова эта басня вошла въ сильно измѣненной редакціи (и безъ приведеннаго послѣсловія), подъ заглавіемъ: „Происхожденіе и польза басни“ (см. т I, стр. 13—14). Ср также его «Советъ Ирокойца» «Періодич. изданіе» 1804 г., I, стр. 34—35. Въ собр. сочин. нѣтъ).

ловъ, еще при жизни осуждаемый неоднократно печатью, подвергся разъ жестокой насмѣлкѣ со стороны нашего великаго поэта въ минуту раздраженія¹⁾; наконецъ, самая благонамѣренность Александра Ефимовича при его консерватизмѣ должна была казаться многимъ черезчуръ благонамѣренной...

Но если литературныя знакомства не имѣли значительнаго вліянія на развитіе и измѣненіе литературныхъ способностей Измайлова, то во всякомъ случаѣ постоянное общеніе съ писателями и «служеніе музамъ» выработали въ немъ высокій взглядъ на значеніе личности писателя и его дѣятельности, чему прекраснымъ подтвержденіемъ (кромѣ его поэтическихъ признаній) служить его любопытная «Записка для полученія чина статскаго совѣтника»²⁾. Находясь болѣе десяти лѣтъ въ одномъ и томъ же чинѣ и не получая повышенія, Измайловъ въ 1822 году подалъ, куда слѣдуетъ, эту записку³⁾, содержащую въ себѣ перечисленіе исключительно литературныхъ заслугъ автора предъ отечествомъ. По словамъ записки, писатель—это гражданинъ, слуга отечества, который достоинъ со стороны правительства такого же награжденія за свои произведенія, какъ чиновникъ департамента за свои административныя способности, военный—за раны, полученныя на полѣ битвы и т. п. Разказавъ въ запискѣ, гдѣ обучался, чѣмъ занимался еще въ школѣ, что написалъ, въ какихъ изданіяхъ участвовалъ, какія самъ издавалъ, въ какихъ обществахъ состоялъ членомъ и т. д., словомъ, представивъ—такъ сказать—свой литературный формуляръ, Измайловъ ни однимъ словомъ не обмолвился ни о своихъ служебныхъ способностяхъ, ни о своей службѣ вообще. И онъ не ошибся въ расчетѣ: записка возымѣла дѣйствіе на начальство: въ февралѣ 1824 года авторъ ея былъ награжденъ орденомъ св. Анны второй степени, а въ ноябрѣ по высочайшему указу пожалованъ въ 5-й классъ, съ старшинствомъ отъ 1815 года.

Извѣстно, что писатели какихъ бы то ни было направленій всегда охотно принимали въ свою среду такого товарища по оружію, каковымъ былъ Измайловъ, и даже отводили ему почетное мѣсто на своихъ собраніяхъ. Да и не только въ кругу литераторовъ Измайловъ пользовался общимъ уваженіемъ: всегда веселый, добродушный, обходительный «безъ чиновъ», готовый безобидно и поострить на счетъ другаго, но и отъ

¹⁾ См. Собр. соч. А. С. Пушкина, т. I, 349; ср. также т. III, стр. 292 («Евг. Онѣгинъ» гл. III, строфа XXVII).

²⁾ Чинъ статскаго совѣтника было лестно получить также и потому, что въ то время онъ давалъ право на потомственное дворянство.

³⁾ См. „Историч. Вѣстн.“ 1886, № XI, стр. 375.

души смѣявшійся надъ островами на его счетъ ¹⁾),—баснописецъ нашъ вносилъ повсюду оживленіе и общую веселость, гдѣ только ни появлялась его тучная, оригинальная фигура, въ скюрткухъ съ оттопыренными карманами, всегда полными рукописей своихъ и чужихъ. Тотчасъ начиналась бойкая бесѣда, сыпались анекдоты, шутки, экспромпты, или «новинки поэзіи», мастерски читавшіяся «писателемъ для мужчинъ и дамъ».

Таковъ былъ Измайловъ въ обществѣ, и такими отношеніями со стороны послѣдняго пользовался онъ въ лучшій періодъ своей жизни.

Но Измайловъ былъ также чиновникъ, занимавшій довольно значительную должность въ департаментѣ государственнаго казначейства, и въ подчиненіи у него было немало лицъ «мелкой канцелярской сошки». Какъ относился онъ къ нимъ? И здѣсь постоянныя качества Александра Ефимовича—доброта, обходительность и вниманіе были неизмѣнными его спутниками и снискали общее къ нему расположеніе со стороны его подчиненныхъ ²⁾).

Но любимый равными и низшими себѣ по службѣ, Измайловъ не пользовался особыми симпатіями со стороны высшаго начальства, какъ за свои оригинальныя выходки ³⁾, которыя онъ иногда позволялъ себѣ въ дѣлахъ службы, такъ, вѣроятно, и за либеральное отношеніе къ послѣднимъ.

Извѣстно, что Александру Ефимовичу приходилось испытывать непріятности по службѣ, въ доказательство чего можно привести его медленное повышеніе въ чинахъ (съ 1814 года), вызывавшее со стороны Измайлова иногда эпиграммы на нѣкоторыхъ начальственныхъ лицъ, эпиграммы, въ которыхъ замѣтно чувствуется раздраженіе, даже озлобленіе автора, видимо задѣтаго за живое. Такъ въ 1823 году была обнародована одна изъ эпиграммъ Александра Ефимовича на министра финансовъ графа Д. А. Гурьева, по поводу удаленія послѣдняго изъ министерства. Александръ Ефимовичъ былъ при этомъ министрѣ какъ бы въ загонѣ; этимъ и можно объяснить тотъ раздраженный тонъ, кото-

¹⁾ Впрочемъ, бывали и исключенія, когда Измайловъ отплачивалъ за насмѣшки надъ нимъ жестокой эпиграммой, такъ какъ „умѣлъ отстрѣливаться“. (См. у Е. Колбасина «Литерат. дѣятели прежн. времени». Спб. 1859, стр. 261).

²⁾ См. объ отношеніяхъ его къ подчиненнымъ и сослуживцамъ въ воспоминаніяхъ П. И. Голубева („Русск. Архивъ“ 1896 г. кн. I). Измайловъ часто обращался къ нимъ съ шуточными стихотворными воззваніями, въ которыхъ благодарилъ за усердіе, и не разъ посылалъ имъ свои привѣтствія, когда находился въ Твери.

³⁾ Онъ дѣловыя бумаги писалъ иногда стихами (Ср. напр. «Отношеніе къ саратовскому вице-губернатору» отъ 18-го декабря 1822 г.,—наход. въ собр. сочин. т. I, стр. 301.—Дата по рукописи).

рымъ проникнуто его «Красное яичко на день Пасхи 22-го апрѣля 1823 года» ¹⁾). Жалобы на непріятности по службѣ «изъ-за стиховъ» мы встрѣчаемъ и въ письмѣ Измайлова еще за годъ передъ этой эпиграммой:

«Къ несчастью, есть вельможи—писалъ онъ Дмитріеву по поводу болѣзни К. Н. Батюшкова—которые вмѣняютъ въ величайшее преступленіе своимъ подчиненнымъ занятія въ словесности, особенно въ поэзіи. Это я знаю по собственному опыту» ²⁾).

III.

1826—1829 годы жизни Измайлова.—Служба въ Твери.—Служебныя и литературныя занятія Измайлова.—Тверское общество; отношеніе его къ Измайлову и Измайлова къ нему.—Причины перевода въ Архангельскъ.—Измайловъ въ Архангельскѣ. Общество послѣдняго.—Непріятности по службѣ. С. И. Милицкій. Ссора съ нимъ Измайлова и устраненіе послѣдняго отъ службы вице-губернатора.—Отъѣздъ Измайлова въ Петербургъ.

1826 годомъ начинается новая эпоха въ жизни и дѣятельности Александра Ефимовича. Ноября 5-го, какъ значится въ формулярѣ, онъ былъ опредѣленъ въ Тверь на должность вице-губернатора.

«Не знаю еще самъ»—писалъ онъ И. И. Дмитріеву 9-го ноября—«долго ли останусь въ Петербургѣ. И прежде имѣлъ мало времени на служеніе Музамъ; теперь велѣтъ совсѣмъ ихъ оставить и посвятить все время на дѣла Вакха».... ³⁾).

Оставивъ семью въ Петербургѣ и взявъ съ собой лишь сына Александра (впослѣдствіи профессора Военно-Медицинской Академіи), онъ выѣхалъ изъ столицы и въ декабрѣ 1826 года былъ уже на мѣстѣ новаго служенія.

Трудно сказать положительно, что заставило Александра Ефимовича промѣнять, какъ онъ самъ выражается, «служеніе Музамъ на дѣла Вакха»,—можетъ быть, непріятности по службѣ въ Петербургѣ, отъ ко-

¹⁾ «Русск. Стар.» 1873, № VIII, стр. 112 [П. Н. Петровъ, доставившій въ редакцію «Русск. Стар.» эту эпиграмму, высказалъ лишь какъ предположеніе, что она принадлежитъ Измайлову. Можемъ подтвердить, что она дѣйствительно принадлежитъ ему, такъ какъ черновые наброски этой и другихъ эпиграммъ на Гурьева находятся въ III томѣ рукописн. сборника стих. Измайлова, принадлеж. Имп. Публичной бібліотекѣ].

²⁾ «Рус. Архивъ», 1871 г., стр. 971.

³⁾ „Русск. Архивъ“ 1871 г., стр. 994—995. См. также его стих. „На отъѣздъ въ Тверь“ (Собр. соч., т. I, стр. 265—267).

торыхъ, какъ мы видѣли, онъ не былъ свободенъ; но вѣрнѣе предположить, что причиной къ тому были расчеты чисто матеріальные, а, пожалуй, и усталость отъ постоянно напряженной дѣятельности записнаго журналиста и живаго работника вообще на поприщѣ литературы. Какъ ни какъ, но средства, доставляемыя Александру Ефимовичу перомъ и службой въ департаментѣ, были недостаточны для жизни въ Петербургѣ съ большой семьей. По крайней мѣрѣ, извѣстно, что Измайловъ мечталъ о вице-губернаторствѣ еще въ 1813 году, что видно изъ письма его къ Н. О. Грамматину¹⁾. Это даетъ намъ поводъ думать, что Александръ Ефимовичъ стремился самъ получить мѣстечко вице-губернатора, и, что, вѣроятно, въ данномъ случаѣ съ его стороны были приложены нѣкоторыя старанія; но, добившись назначенія, уѣзжать изъ столицы, гдѣ у него было такъ много пріятныхъ воспоминаній, гдѣ онъ началъ свою литературную и служебную карьеру и приобрѣлъ имя, Александру Ефимовичу было, очевидно, не легко, и вице-губернаторская дѣятельность не рисовалась ему въ хорошихъ краскахъ:

«Донесу вамъ по чистой совѣсти—писалъ онъ Дмитріеву—что передъ отъѣздомъ моимъ изъ Петербурга былъ чрезвычайно боленъ и пріѣхалъ полубольной»....

....«утѣшаюсь единственно тѣмъ,—писалъ онъ еще ранѣе Дмитріеву—что скоро возстановятся откупа и что не долго буду исправлять должность перваго цѣловальника въ губерніи“....²⁾.

Въ то время въ число обязанностей вице-губернатора входило и наблюденіе за питейнымъ дѣломъ, что Александру Ефимовичу было въ особенности не по душѣ. А возиться съ питейными дѣлами Измайлову приходилось постоянно, на что онъ съ раздраженіемъ жалуется въ своихъ письмахъ. Въ расчетѣ, что служба въ качествѣ вице-губернатора будетъ полегче службы въ Петербургѣ, Александръ Ефимовичъ сильно ошибся.—Не говоря о томъ, что ему непріятно было мѣнять столицу на провинцію, самая жизнь его въ Твери сложилась такъ, что онъ радъ былъ изъ нея вырваться, тѣмъ болѣе, что служба отымала у него еще больше времени, чѣмъ въ Петербургѣ.

«Въ первые мѣсяцы моего здѣсь пребыванія, не столько волею, сколько неволей, такъ занялся питейными и другими новыми для меня дѣлами»,—пишетъ онъ И. И. Дмитріеву—«что едва имѣлъ время вести переписку съ женой, которая пріѣхала сюда въ началѣ мая. Наканунѣ ея пріѣзда принялъ я губернаторскую должность и во все продолженіе времени моего губернаторства, цѣлыя семь недѣль,—клянусь богами

¹⁾ „Библиограф. замѣтки“ 1859 г., стр. 421 (Ср. также: собр. соч., т. I, стр. 359).

²⁾ „Русск. Арх.“, 1871 г., стр. 995

моими—Аполлономъ и Бахусомъ,—не спалъ покойно ни одной ночи, видѣлся съ семействомъ моимъ только во время обѣда и сидѣлъ почти безвыѣздно въ своемъ кабинетѣ, какъ въ тюрьмѣ ¹⁾».

Замѣщенія же губернаторской должности для Александра Ефимовича были не рѣдки. Да и его собственные обязанности, какъ вице-губернатора, были нележки, особенно если принять во вниманіе частые разъѣзды съ ревизіонной цѣлью по уѣздамъ губерніи и для приѣма рекрутовъ;

..... признаюсь, оглушѣлъ

Я отъ рекрутскаго приѣма. . .

пишетъ Александръ Ефимовичъ одной изъ своихъ знакомыхъ ²⁾.

Вообще, служба въ Твери для Измайлова была весьма не легка, къ тому же, будучи далеко уже не молодымъ, онъ частенько и прихварывалъ, что видно изъ его писемъ къ И. И. Дмитріеву, женѣ и другимъ лицамъ.

Но муза его не дремала и въ тверской глуши; правда, она была уже не такъ плодovита, какъ въ Петербургѣ, но Александръ Ефимовичъ ухитрился писать стихи и во время своихъ разъѣздовъ ³⁾; да и въ Твери онъ написалъ кромѣ разныхъ посланій, альбомныхъ стиховъ и нѣсколько басенъ.

Подводя итогъ тверской жизни Измайлова, приходится повторить, что ни служба, непріятная ему по самымъ своимъ обязанностямъ, ни общество не удовлетворили Измайлова, и сдѣлалъ онъ въ Твери по части столь любимой имъ литературы очень мало. А у него были кое-какія желанія поработать перомъ: онъ мечталъ между прочимъ заглазить свою неисправность по отношенію къ подписчикамъ «Благонамѣреннаго», прекратившагося по случаю его отъѣзда:

«Надѣюсь,—писалъ онъ 6-го іюля 1827 года Дмитріеву—что послѣ всѣхъ этихъ испытаній (служебныхъ) буду несравненно свободнѣе прежняго, а, можетъ быть, для сюрприза подписчикамъ на «Благонамѣренный» выдамъ остальные нумера этого несчастнаго журнала» ⁴⁾.

Но Александръ Ефимовичъ не имѣлъ времени даже «написать, какъ слѣдуетъ, письма». Мечталъ онъ «выправить свои стишонки, коихъ много еще не было напечатано», но и это намѣреніе осталось невыполненнымъ: «ничего печатнаго почти не читаю, кромѣ сенатскихъ указовъ и изрѣдка «Сѣверной Пчелы». Не читалъ даже критики на мои басни,

¹⁾ *ibidem*.

²⁾ Е. Н. Ергальской (неиздан.).

³⁾ Напр.: на приѣмѣ рекрутовъ (см. въ собр. сочин. т. I, 294), въ Кашиинѣ хозяйкѣ дома, любезно принявшей его (неизд.) и мн. др.

⁴⁾ „Русск. Арх“. 1871 г., стр. 996.

напечатанной въ «Телеграфѣ», хотя этотъ журналъ и получается у насъ въ клубѣ—писалъ онъ И. И. Дмитріеву ¹⁾).

Понятно, что при такихъ условіяхъ трудно было что-нибудь сдѣлать по части поэзіи. Мы уже указали на то, что не удовлетворяло Измайлова и общество тверское. Дѣйствительно, Тверь была далеко не «литературный городъ», и интересы тверской интеллигенціи рѣзко расходились съ интересами петербургскаго журналиста. Въ его письмахъ и стихахъ мы нерѣдко встрѣчаемъ ѣдкіе нападки на пустоту и глупыя развлеченія тверянъ: въ широкомъ распространеніи тамъ были карты, а Александръ Ефимовичъ былъ заклятымъ врагомъ ихъ; карточной же игрой увлекались и мужчины и—еще болѣе ихъ—женщины.

«Представь себѣ—говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ женѣ—что здѣсь ежегодно продается картъ на 18.000 рублей (ассиг.) Теперь играютъ только въ вистъ и бостонъ, а прежде играли и въ банкъ. Нарочно записные игроки пріѣзжали для этого въ Тверь. Есть и дамы, которыя понтируютъ и мечутъ банкъ. Спасибо губернатору—онъ запретилъ эту проклятую игру. Въ гостиницѣ Гальяни прибитъ листъ, на которомъ написано, что если будутъ тамъ играть въ банкъ, то первый разъ взыщется за это штрафа 500 рублей, а послѣ, не знаю—что-то гораздо хуже».... ²⁾).

«Здѣшнія дамы,—говоритъ онъ въ другомъ письмѣ—не только мужей, но и дѣтей для картъ забываютъ и дома рѣдко бываютъ» ³⁾).

Не сойдясь съ мужскимъ обществомъ, Измайловъ не сошелся и съ обществомъ тверскихъ дамъ, хотя онъ считался и самъ себя называлъ большимъ поклонникомъ прекраснаго пола. «Писатель для дамъ» не ужился съ послѣдними: его сатирическая муза нашла себѣ много пищи для хлесткаго изображенія нравовъ тогдашнихъ тверянокъ, и онъ даже поплатился за свои смѣлыя картины въ обычномъ, присущемъ ему тенберовскомъ жанрѣ. Сыръ-боръ загорѣлся изъ -за сказки Измайлова «Бабушка и внучка» ⁴⁾, которую одна изъ тверскихъ «бабушекъ» приняла на свой счетъ. На Александра Ефимовича посыпались пасквили, тотъ отвѣчалъ, и «дѣло дошло до скандала»: говорятъ, что тверскія дамы обратились будго бы съ жалобой на Измайлова къ губерна-

¹⁾ Ibid., стр. 999.

²⁾ Отъ 24 янв. 1827 г.

³⁾ Отъ 15 февр. 1827 г. Въ одномъ изъ неизд. стих. Измайлова есть такія строки:

„Не милы мнѣ дамы-игрицы въ Твери:
Весь день козыряютъ, чортъ ихъ побери!“.

⁴⁾ Собр. соч. т. I, стр. 205. Ср. также его сказку „Дворянка-буянка“ (ibid., стр. 230)

тору и будто бы это было поводомъ къ его скорому перемѣщенію изъ Твери въ Архангельскъ. Да и не однѣ дамы вызывали со стороны Александра Ефимовича ѣдкія насмѣшки: почти всѣ стихотворенія, писанныя Измайловымъ въ Твери, дышатъ сатирой и на мужское общество, и на тамошніе порядки, на начальствующихъ лицъ, учрежденія и т. п. ¹⁾). Характерно въ этомъ отношеніи его стихотвореніе, написанное по случаю отъѣзда обратно въ столицу его петербургскаго пріятеля Н. П. Мятлева, пріѣхавшаго въ Тверь навѣстить Измайлова:

«Не любятъ здѣсь литературы,
Здѣсь всѣ почти карикатуры...
(Скажу я по секрету Вамъ).
Особенно изъ старыхъ дамъ—
Клянусь, здѣсь многія дворянки
Не стоятъ, право, и крестьянки:
Играютъ въ карты день и ночь
И слетничаютъ во всю мочь». . ²⁾

Не мудрено, поэтому, что Александръ Ефимовичъ постоянно обращался къ Петербургу, радовался пріѣзду своихъ столичныхъ друзей-пріятелей и въ воспоминаніяхъ о нихъ находилъ утѣшеніе.

Впрочемъ, и въ Твери были кое-какія лица, къ которымъ Измайловъ относился съ уваженіемъ и въ обществѣ которыхъ любилъ бывать. Но такихъ лицъ было не много. Прежде всего, «почтеннѣйшая», по выраженію его, сосѣдка — княгиня Елизавета Семеновна Хилкова ³⁾); она была «важною дамою», въ Твери жители которой её называли не иначе, какъ «княгиней-богиней». Съ ней было знакомо не мало литераторовъ, и въ альбомъ ея запечатлѣвали знаки своего уваженія такія лица, какъ И. И. Дмитріевъ, Ю. А. Нелединскій-Мелецкій, знаменитый графъ Д. И. Хвостовъ; въ ея альбомъ писалъ, какъ хорошій знакомый и сосѣдъ ея, и Измайловъ ⁴⁾).

Кромѣ того, съ большимъ уваженіемъ относился Александръ Ефимовичъ къ архіепископу тверскому и кашинскому Амвросію ⁵⁾).

¹⁾ Ср. его сказку „Крестьянинъ и кляча.“ (Собр. соч., т. I, стр. 71—73).

²⁾ Ср. его любопытную „Инструкцію женѣ моей тверской вице-губернаторшѣ“ (Собр. соч., т. I, 371, впервые обнарод. сыномъ Измайлова въ „Русск. Стар.“ 1875 г. т. XIV, стр. 758—760), сообщившимъ, что „Инструкція“ эта, какъ говоритъ семейное преданіе, „доведена была кѣмъ-то до свѣдѣнія государя и что государь, при прочтеніи ея, много смѣялся“.

³⁾ Урожденная Волчкова; за кн. Степаномъ Алексѣевичемъ Хилковымъ (1786—1854) была въ третьемъ замужествѣ; скончалась въ Москвѣ 2-го іюля 1856 года. См. о ней „Сѣв. Пчела“ 1856 г. № 15, „Рус. Арх.“ 1871 года, стр. 988 и др.

⁴⁾ Издан. см. въ собр. сочин., т. I, стр. 376, 250, также 332, 393.

⁵⁾ Въ мірѣ Алексѣй Протасовъ (См. о немъ въ словарѣ С. А. Венгерова, т. I, вып. II, стр. 493—496).

Въ письмѣ къ И. И. Дмитріеву отъ 11-го августа 1827 г. онъ называетъ Амвросія «умнѣйшимъ, ученѣйшимъ, благороднѣйшимъ и любезнѣйшимъ человѣкомъ» ¹⁾. Въ другомъ мѣстѣ онъ называетъ его «красой ученыхъ всѣхъ монаховъ»,

«Который, молвить не въ укоръ,
Умнѣе даже Филарета²⁾,
Красворѣчивѣе его» ³⁾.

Измайловъ любилъ бывать у него (и тотъ не оставлялъ его своимъ посѣщеніемъ), и назидательныя бесѣды съ преосвященнымъ оставили глубокой слѣдъ въ душѣ Александра Ефимовича; онъ вспоминалъ архіепископа и впослѣдствіи, когда былъ въ Архангельскѣ и Петербургѣ. Кромѣ того, симпатіей его пользовались мужъ покойной Пономаревой, А. И. Пономаревъ, жившій недалеко отъ Твери, затѣмъ нѣкоторые сослуживцы, напримѣръ, губернаторъ В. А. Борисовъ и его семья (но только первое время по пріѣздѣ въ Тверь), прокуроръ Приказа общественнаго призрѣнія Н. И. Голубевъ, военные—за ихъ молодечество галантность и пр. Но все-таки общество въ Твери было не по немъ оно тяготило его, онъ всегда чувствовалъ себя петербуржцемъ, что видно изъ каждаго письма его, изъ каждаго стихотворенія. Впрочемъ, скоро ему пришлось проститься съ Тверью. Въ 1828 году въ мартѣ мѣсяцѣ Измайловъ получилъ новое назначеніе—вице-губернаторомъ же въ Архангельскъ, куда и выѣхалъ вскорѣ, не теряя времени.

Трудно съ положительностью сказать, что было причиной его перемѣщенія въ Архангельскъ; самъ Александръ Ефимовичъ ничего не говоритъ объ этомъ ни въ своихъ письмахъ, ни въ произведеніяхъ. Весьма вѣроятно, что это перемѣщеніе отнюдь не было личнымъ желаніемъ Измайлова, и что оно было сдѣлано въ силу распоряженія свыше. въ удовлетвореніе какихъ-нибудь жалобъ на него, можетъ быть, и со стороны тверскаго общества, чему, между прочимъ, не противорѣчатъ и его письма. Но какъ бы то ни было, несомнѣннымъ остается тотъ фактъ, что, какъ начальникъ, Александръ Ефимовичъ оставилъ по себѣ хорошую память въ сердцахъ подчиненныхъ. До насъ дошло любопытное письмо тверскихъ сослуживцевъ Измайлова, посланное ими по случаю его смерти въ редакцію «Московскихъ Вѣдомостей».

«Чиновники здѣшной казенной палаты, — говорится въ немъ — узнавъ о кончинѣ почтеннаго начальника своего бывшего тверскаго вице-губернатора статскаго совѣтника Александра Ефимовича Измай-

¹⁾ „Рус Арх“ 1871 г., стр. 999.

²⁾ Филаретъ Дроздовъ (род. въ 1782 г., ум. въ 1867 г.); съ 1826 г. митрополитъ московскій.

³⁾ „Русс. Арх.“ 1871 г., стр. 1014, см. также „Славянинъ“ 1829 года - VIII, стр. 255, собр. соч., т. I, стр. 360

лова, оставившаго въ сердцахъ ихъ неизгладимое временемъ благодарное воспоминаніе, совершили въ память его вчерашняго числа панихиду въ Желтиковомъ монастырѣ. Достойный настоятель монастыря съ братіей охотно исполнилъ сіе ихъ желаніе».....

Извѣстіе о семъ заключается словами:

«Миръ праху твоему, человѣкъ благородный! Память о тебѣ будетъ жить въ сердцахъ всѣхъ, кто зналъ и умѣлъ цѣнить тебя. Прими въ селеніяхъ вѣчности награду за твои добродѣтели»¹⁾.

Это выраженіе чувствъ чиновниковъ, теплымъ словомъ помянувшихъ своего бывшаго начальника, по поводу его кончины, совершенно искренно. Измайловъ, какъ начальникъ, былъ человѣкъ въ высшей степени гуманный, добрый. Изъ неизданныхъ писемъ его къ женѣ и одному родственнику мы узнаемъ, что онъ не разъ, за время своего вице-губернаторства въ Твери, посылалъ бумаги въ Петербургъ къ высшему начальству, прося заступничества за какого-нибудь чиновника, подвергшагося немилости со стороны губернатора. И Измайловъ былъ въ правѣ сказать въ одномъ изъ своихъ писемъ:

«Напрасно, Иванъ Ивановичъ²⁾ изволить обо мнѣ худо думать. По совѣсти можно сказать, немного у него такихъ вице-губернаторовъ. Есть, впрочемъ, опытнѣе меня, дѣльнѣе, умнѣе, но любимѣе—ни одного»³⁾.

Но, заступаясь за чиновниковъ, которые того стоили, Измайловъ строго каралъ своихъ подчиненныхъ, уличенныхъ имъ въ противузаконныхъ поступкахъ, особенно во взяткахъ, — и никакіе доводы, ни даже уговоры губернатора, не могли смягчить тогда Александра Ефимовича.

Вмѣстѣ съ тѣмъ добросовѣстный, честный Измайловъ не могъ равнодушно смотрѣть, не могъ терпѣть упущеній или безпорядковъ, допускаемыхъ въ казенномъ дѣлѣ кѣмъ бы то ни было, хотя бы его ближайшимъ начальствомъ: онъ нѣсколько разъ писалъ о различныхъ безпорядкахъ въ тверской палатѣ къ министру, несмотря на все неудовольствіе тогдашняго тверскаго губернатора Борисова.

Понятно, что подобное отношеніе къ дѣлу и лицамъ, выше стоящимъ по службѣ, не могло не навлечь на Измайлова неприяностей: съ нимъ поссорилось все высшее начальство Твери, начиная съ губернатора, который писалъ министру, прося убрать отъ него этакого безпкойнаго и до невозможности неуживчиваго вице-губернатора.

¹⁾ „Моск. Вѣд.“ 1831 г., № 24.

²⁾ И. И. Розенбергъ—директоръ департамента госуд. казначейства (ум. 16-го дек. 1829 г.).

³⁾ Отъ 8 марта 1829 г.

Но Измайловъ не унимался: онъ въ свою очередь посылаетъ новую бумагу, въ которой, въ рѣзкихъ выраженіяхъ, описываетъ представителей тверской администраціи, не щадя даже ... жены самого губернатора Борисова. Но это не прошло для Измайлова даромъ: несмотря на заступничество за него такихъ лицъ, какъ И. И. Розенбергъ, И. М. Ореусъ ¹⁾, Д. М. Княжевичъ ²⁾ и другихъ, «поззія не устояла», какъ выражалась про его устраненіе отъ должности тверскаго вице-губернатора задѣтая имъ, въ письмахъ къ министру, жена Борисова.

Александръ Ефимовичъ получилъ строгій выговоръ отъ министра и вскорѣ затѣмъ указъ о переводѣ его на вице-губернаторскую должность въ Архангельскѣ. Измайловъ до поры до времени снесъ этотъ ударъ безропотно и, оставивъ семью въ Твери ³⁾, выѣхалъ въ началѣ мая въ Архангельскъ въ надеждѣ, что «встрѣтитъ тамъ людей болѣе порядочныхъ», чѣмъ въ Твери. Но надежда эта, какъ увидимъ, была напрасна.

Весь май мѣсяцъ 1828 года Измайловъ провелъ въ пути къ мѣсту новаго назначенія. По дорогѣ заѣзжалъ онъ въ Москву, гдѣ былъ принять радушно И. И. Дмитріевымъ; тамъ же онъ успѣлъ повидаться и со старыми своими литературными пріятелями и знакомыми, оставившими въ разное время Петербургъ: съ А. О. Мерзляковымъ, М. Т. Каченовскимъ, Н. А. Полевымъ и другими ⁴⁾. Заѣзжалъ онъ и въ Троицко-Сергіевскую обитель и въ имѣнье графа Д. И. Хвостова, взглянуть на знаменитую Кубру ⁵⁾, и вездѣ по дорогѣ, отъ скуки, писалъ стихи. Подви-

¹⁾ Тайн. сов., товарищъ министра финансовъ, впоследствии сенаторъ.

²⁾ Директоръ департ. госуд. казначества; впоследствии попечитель Одесскаго учебн. округа, основатель Одесск. общества исторіи и древн. (род. въ 1788 г. ум. въ 1844 г.) См. о немъ въ „Рус. Ст.“, 1888 г., т. LVIII, стр. 125—142.

³⁾ Супруга Измайлова вмѣстѣ съ дочерью пріѣхала въ Тверь за нѣсколько мѣсяцевъ до перевода Александра Ефимовича въ Архангельскъ.

⁴⁾ См. „Славянинъ“ 1828, VII, стр. 254.

⁵⁾ Рѣка въ имѣніи графа, которую не разъ воспѣвалъ въ своихъ виршахъ знаменитый ея метроманъ - владѣлецъ (см. подробности въ акад. изд. соч. Г. Р. Державина, т. II. Спб. 1869, стр. 304—308) Измайловъ по примѣру гр. Салтыкова, Державина и др. писателей, обращавшихся по этому поводу съ стихотворными посланіями къ „Пѣвцу Кубры“, набросалъ слѣдующее довольно остроумное стихотвореніе за время пребыванія своего въ имѣніи графа.

„Пѣвцу Кубры“

„О рѣчка малая, Кубра!
Славнѣй ты Тигра и Евфрата,
Славнѣе, чѣмъ Дунай и Ра,
Хоть ты струями не богата.
Но воспоешь пѣвецъ тобой,
Парнасскаго исполненья жара,

гаясь ближе къ мѣсту назначенія, Александръ Ефимовичъ долго принужденъ былъ, «за разрушеніемъ колесницы», прожить въ Вологдѣ, гдѣ свелъ кое-какія знакомства, написалъ нѣсколько басенъ и различныхъ стихотвореній ¹⁾). Наконецъ, «послѣ разныхъ приключеній» онъ достигъ Архангельска и тотчасъ вступилъ въ отправленіе своихъ обязанностей.

Но тутъ Александру Ефимовичу, какъ говорится, совсѣмъ не повезло; ему жилось въ Архангельскѣ хуже даже, чѣмъ въ Твери. Тамъ, по крайней мѣрѣ, «тучный фабулистъ» могъ въ качествѣ вице-губернатора болѣе или менѣе продолжительное время оставаться въ городѣ, но съ новымъ назначеніемъ ему пришлось проводить почти все время въ разъѣздахъ. Разъѣзды эти, дурно дѣйствовавшіе на Измайлова еще во время тверской службы, здѣсь, въ зимнюю стужу, совершенно разстроили его здоровье; при томъ же ему часто приходилось по дѣлу рекрутскаго набора или по другимъ служебнымъ обязанностямъ уѣзжать въ довольно далекія и глухія мѣстности. О занятіяхъ литературой при подобномъ положеніи дѣла, конечно, и говорить было нечего; Александръ Ефимовичъ не имѣлъ времени и прочитатъ что-нибудь.

«Занятія мои, по уѣздамъ въ Россійской словесности—писалъ онъ графу Хвостову отъ 31-го января 1829 года—ограничивались чтеніемъ донесеній рекрутскихъ отдатчиковъ, мірскихъ приговоровъ и безтолковыхъ прошеній всякаго рода» ²⁾).

И понятно, что, какъ въ Твери «дѣла кабацкія» не позволяли Александру Ефимовичу быть исправнымъ служителемъ Музъ, такъ и въ уѣздахъ Архангельской губерніи возня съ «мірскими», канцелярскими, рекрутскими и т. п. дѣлами не могла ему навѣять какихъ-нибудь поэтическихъ образовъ. Все-таки Измайловъ ухитрился и въ такомъ положеніи писать стихотворенія, но на сюжеты самые прозаическіе. Такъ, имъ написана во время разъѣздовъ «Бѣжецкая вице-губернаторская пѣсня», гдѣ онъ описываетъ свой тревожный сонъ въ Бѣжецкѣ: ему не спалось, а, если и удавалось забыться, то тотчасъ передъ нимъ вставали самыя непріятныя, будничныя картины, большею частью съ сюжетомъ изъ его служебной дѣятельности; то видѣлъ онъ

Соперникъ древняго Пиндара;
Своей волшебною рукой
Прославилъ онъ тебя на лирѣ,
И стала первой ты рѣкой
Во всемъ подлунномъ здѣшнемъ мірѣ.

Стихи эти (неизд.) Измайловъ написалъ карандашомъ на стѣнѣ въ китайской бесѣдкѣ графа подъ стихами „раболѣпнаго Воейкова“, также нѣкогда заѣзжавшаго въ имѣніе гр. Хвостова. (Изъ неизд. письма Измайлова къ женѣ отъ 16-го мая 1828 г.).

¹⁾ „Русск. Архивъ“ 1871, стр. 999—1002.

²⁾ „Р. Стар.“ 1890, № III, стр. 675.

„Отдатчиковъ, земскихъ головъ,
И рекрутовъ тощихъ, трехъ меньше вершковъ“,

то мужиковъ, ползающихъ на колѣняхъ съ просьбой,

„Которыхъ и самъ Новиковъ ¹⁾ не пойметъ“,

и ему становилось такъ плохо, что онъ готовъ былъ ухватъ даже въ... Тверь ²⁾.

Написалъ онъ также въ Шенкурскѣ «рекрутскую пѣсню» (въ стилѣ народной пѣсни), въ которой ободряетъ воиновъ на служеніе царю и отечеству; покидая Шенкурскъ, онъ оставилъ надпись на печкѣ въ той комнатѣ, которую занималъ; кромѣ того «простился въ стихахъ съ жителями Мезени», гдѣ ему пришлось прожить цѣлый мѣсяцъ; дорогой въ Холмогоры сочинялъ въ кибиткѣ сказку. По прїѣздѣ въ Холмогоры сильно заболѣлъ, слегъ въ постель. но скоро поправился благодаря усердію врача Шелле, о чемъ свидѣтельствуетъ его «надпись, сдѣланная надъ кроватью», въ которой онъ пролежалъ нѣсколько сутокъ больнымъ ³⁾.

Что касается жизни собственно въ Архангельскѣ, то она мало представляла прїятнаго для Александра Ефимовича по тѣмъ же причинамъ, что и въ Твери. Дни проходили у него какъ-то однообразно и скучно. Правда, вскорѣ по прїѣздѣ онъ началъ-было прилежно читать Ломоносова и высказалъ однажды желаніе увидѣть «хорошее изданіе его твореній, неполное, но избранное, съ комментаріями»...

«Да надъ этимъ надобно посидѣть—писалъ онъ гр. Д. И. Хвостову—а комментаріями немногіе любятъ и могутъ у насъ заниматься» ⁴⁾.

Затѣмъ онъ посѣщалъ иногда учебныя заведенія ⁵⁾, изучалъ архангельское нарѣчіе, на которомъ между прочимъ написалъ письмо въ «Славянинъ» о томъ, какъ онъ проводитъ день ⁶⁾; составлялъ «архангельско-русскій словарь, для котораго набралъ болѣе 200 словъ»; собиралъ старыя книги, рукописи; подготавливалъ новое изданіе своихъ сочиненій, но постоянныя разъѣзды и дѣла по службѣ отвлекали его отъ занятій литературой, и онъ успѣлъ по части послѣдней немного сдѣлать за время своего втораго и послѣдняго вице-губернаторства.

Что касается архангельскаго общества, то въ немъ Измайлову при-

¹⁾ Его секретарь.

²⁾ См. Собр. соч., т. I, стр. 269.

³⁾ Любопытнымъ и заслуживающимъ вниманія памятникомъ его разъѣздовъ, кромѣ стиховъ, остались его „Письма о самоѣдахъ“, частью напечатанныя. (См. собр. сочин., т. II, стр. 188—202; таже см. „Славянинъ“ 1829 г. XII, стр. 497—511; „Маякъ“ 1844 г., т. XV).

⁴⁾ „Славянинъ“ 1828, VIII, стр. 364.

⁵⁾ Между прочимъ гимназію и духовную семинарію, преподаваніе въ которыхъ, судя по письмамъ Измайлова, было весьма неудовлетворительно, такъ что онъ предпочелъ учить своего младшаго сына дома.

⁶⁾ См. „Славянинъ“ 1828 г., VIII, стр. 151.

плось такъ же скоро разочароваться, какъ и въ Твери. При болѣе близкомъ знакомствѣ оно показалось Александру Ефимовичу хуже тверскаго.

„Въ Архангельскѣ, Шенкурскѣ и Мезени
Люди хуже, чѣмъ олени..
Иной, ей Богу, людоедъ,—
Страшнѣе самоѣдъ“,

писалъ онъ къ женѣ отъ 30-го августа 1829 года ¹⁾.

Правда, старый «писатель для мужчинъ и дамъ» не могъ обойтись совершенно безъ общества, особенно женскаго, и мы знаемъ, что кое-кто и пользовался его симпатіями, хотя и слабыми. Такъ, любя вращаться среди дамъ, онъ и въ Архангельскѣ появлялся часто въ ихъ обществѣ, занимая ихъ чтеніемъ стиховъ своихъ или чужихъ (между прочимъ Пушкина, Крылова), игралъ съ ними «въ вопросы и отвѣты», писалъ имъ «стихи въ альбомъ», поздравительные, экспромпты и т. п.

Изъ мужскаго общества особенной симпатіей его пользовался губернаторъ Иванъ Яковлевичъ Бухаринъ ²⁾, человекъ весьма добросовѣстный, честный, дѣятельный, но крайне вспыльчивый. Измайловъ высоко цѣнилъ его честность и дружилъ съ нимъ; кромѣ того, онъ съ большою любовью относился къ нѣкоторымъ изъ своихъ подчиненныхъ, къ доктору Шелле, и водилъ хлѣбъ-соль съ кое-какими иностранными купцами, которыхъ немало было въ Архангельскѣ. Но такихъ лицъ было слишкомъ немного, и Измайловъ былъ обреченъ на постоянную тоску, горечь которой усиливала разлука съ семьей, оставшейся въ Твери. [Александръ Ефимовичъ оставилъ семью въ Твери, такъ какъ съ одной стороны, не рѣшился везти ея на далекій сѣверъ, съ другой, не могъ удѣлить ей изъ своего скромнаго жалованія достаточно средствъ на проживаніе въ Петербургѣ ³⁾].

Въ довершеніе всѣхъ бѣдъ Александра Ефимовича постигла крупная непріятность по службѣ. Чистосердечный, честный и открытый, онъ любилъ говорить правду въ глаза, не терпѣлъ низкопоклонства и «колѣноподгибательства» (его выраженіе), и посему неминуемо долженъ былъ придти въ непріятное столкновеніе съ лицами, дѣйствовавшими противъ его убѣжденій. Замѣтивъ массу упущеній въ палатѣ, взяточничество, злоупотребленія властью и недобросовѣстное въ высшей степени отношеніе къ дѣлу

¹⁾ Собр. соч., т. I, стр. 360.

²⁾ И. Я. Бухаринъ,—съ 1810 г. былъ гродненскимъ губернаторомъ, затѣмъ кievскимъ, наконецъ архангельскимъ; скончался въ Москвѣ на 86 г. отъ роду (въ 1858 г.) въ чинѣ тайн. совѣтника. (Похорон. на кладб. Моск. Новодѣв. монастыря).

³⁾ Впрочемъ, семья Измайлова, съ помощью добрыхъ людей, успѣла переѣхать въ Петербургъ до возвращенія Александра Ефимовича изъ Архангельска.

самого генераль-губернатора С. И. Миницкаго, Измайловъ возмутился¹⁾. Однако онъ долго терпѣлъ, ожидая лишь удобнаго случая «вывести на свѣжую воду всѣ плутни», и наконецъ такой случай представился. Миницкій однажды вмѣшался въ распоряженія Измайлова по дѣлу кое-какихъ злоупотребленій губернскаго казначея, затѣмъ выразилъ Александру Ефимовичу свое неудовольствіе за то, что онъ круто обошелся съ однимъ изъ фаворитовъ генераль-губернатора и даже началъ преслѣдовать Измайлова въ обществѣ. Александръ Ефимовичъ долго боролся съ непріязненнымъ расположеніемъ къ нему этого грубаго начальника, но дѣйствовалъ по-своему.

«Ни жалованья здѣсь, ни взятокъ не беру,—писалъ онъ женѣ—

.... За то, когда умру,
 Не попаду къ бѣсамъ въ подземныя селеня:
 Не сдѣлалъ никому по службѣ притѣсненья,
 Но защищалъ крестьянъ, сколь могъ, отъ разоренья;
 За правду, хоть теперь терплю,
 А все такъ, какъ тебя, люблю.
 Амвросій²⁾ запретилъ мнѣ ревновать лукавымъ
 И беззаконникамъ. „Изсохнуть какъ трава“,—
 Прощаясь, мнѣ сказалъ. Ахъ! что за голова!
 Быть лучше бѣднымъ, лишь бы правымъ.
 Архіерея я послушаться не могъ,
 За правду же заплатить Богъ“³⁾.

Наконецъ, когда терпѣніе Измайлова истощилось, онъ рѣшилъ написать обо всемъ къ министру. Бухаринъ, хотя и держался взглядовъ Александра Ефимовича, все же совѣтовалъ ему сначала не дѣлать такого рѣшительнаго шага, но убѣжденный Измайловымъ въ невозможности дѣйствовать иначе, склонился на его сторону и самъ отправилъ въ Петербургъ бумагу о подвигахъ Миницкаго, отношенія съ которымъ у этихъ двухъ представителей архангельской гражданской администраціи изъ натянутыхъ перешли въ открыто враждебныя.

Жена Измайлова, отъ которой онъ ничего не скрывалъ, сильно тревожилась и, изъ опасенія, что его могутъ отставить, умоляла его въ своихъ письмахъ прекратить «эту войну». Но Александръ Ефимовичъ, твердо увѣренный въ своей правотѣ и успѣхѣ донесеній министру, успокаивалъ ее, совершенно серьезно выставляя ей на видъ необходимость рѣшительныхъ мѣръ и всю неосновательность ея страха,

¹⁾ Ср. его басню „Скотское правосудіе“ (Собр. сочин., т. I, стр. 101—102), написан. въ Архангельскѣ въ минуту особеннаго раздраженія на Миницкаго и его секретаря.

²⁾ Бывшій архіепископъ тверской и кашинскій; ум. въ 1831 г (см выше).

³⁾ Собр. сочин., т. I, стр. 360.

и упрекая ее въ малодушіи ¹⁾. Вотъ напимѣръ, какъ онъ отвѣчаетъ на одно изъ ея писемъ:

«Сегодня получилъ отъ тебя, милая Катенька, письма отъ 12-го ноября. вмѣсто того, чтобы укрѣпить мое здоровье, они его разстроили. Побойся Бога, не будь такъ малодушна. Министръ сердится на меня: его воля—пусть и побранить... Не брань министра страшитъ меня, а твои слезы. И такъ, мой другъ, довольно въ жизни настоящаго, существеннаго горя; для чего же прежде времени плакать и изнурять себя по пустякамъ? За что меня отставить? за то, что я берегъ государево добро? что привелъ палату въ такое положеніе, въ какомъ никогда она до меня не была? что соблюдаю въ точности присягу? Нѣтъ, за это нынѣшній государь не отставляетъ... а если бы и отставилъ, то опять опредѣлить и дать еще лучшее мѣсто. Лучше быть отставлену за правду, нежели за участіе и связь съ плутами и ворами. Я надѣюсь твердо на Бога... неужели на Него ты не надѣешься?» ²⁾.

Надежду на Бога онъ высказываетъ не разъ въ своихъ письмахъ: «Не безпокойся обо мнѣ, милая Катенька: у меня сильный покровитель и защитникъ—Богъ, сильнѣе графа Аракчеева»... ³⁾

Но жена по-прежнему продолжала «убиваться». Тогда Александръ Ефимовичъ (зная, что она привыкла его видѣть всегда въ веселомъ настроеніи), дабы увѣрить ее, что у него совѣсть чиста и спокойна, посылаетъ ей рядъ писемъ, въ которыхъ отношенія свои (купно съ Бухаринимъ) къ Миницкому описываетъ въ самомъ шутовскомъ тонѣ:

«Войска наши, какъ слышно, размѣщены по зимнимъ квартирамъ, а у насъ Архангельскѣ съ начала зимы открылась междоусобная война. Одинъ мужъ уже имѣлъ нѣсколько сраженій, хотя не генеральныхъ, съ своей женой, и каждый разъ оставался побѣдителемъ. Принялъ всѣ мѣры, чтобъ не допускать къ своей супругѣ непріятельскаго войска. Начальникъ штаба генерала Миницкаго—Ш... ⁴⁾ искуснымъ и рѣшительнымъ маневромъ раздѣлилъ два соединенныхъ корпуса Бухарина и Измайлова; послѣдній принужденъ отступить; но ретирада его для непріятеля была страшнѣе атаки. Начальникъ штаба Ш. раненъ не въ бровь, а въ самый

¹⁾ Ср. написанную имъ въ Архангельскѣ басню „Орелъ и Сорока“ (собр. соч., т. I, стр. 100—101)

²⁾ Письмо отъ 22-го ноября 1828 г. (неизд.).

³⁾ (Неизд.) отъ 19-го окт. 1828 г.

⁴⁾ Шамаринъ—правитель канцеляріи архангельскаго генераль-губернатора. Между прочимъ на Шамарина Измайловъ написалъ „быль“—„Воевода и подъячій съ приписью“, не вошедш. въ собр. сочин. (см. сборникъ въ пам. Смирдина. Спб. 1858 г. I, стр. 335. Тутъ же и „посланіе Измайлова Смирдину“). Стихотвореніе это въ свое время не было пропущено въ печать цензоромъ Корсаковымъ, написавшимъ: „или измѣнить конецъ или вовсе исключить“. (См. „Отчетъ Имп. публ. библиотеки за 1889 г.,—Спб. 1893 г., стр. 68).

глазъ картечью, и даже главнокомандующій получилъ нѣсколько контузій, которыя переносить съ примѣрнымъ терпѣніемъ. Хотя и открылъ-было онъ недавно съ одной маскированной батареей огонь, но выстрѣлы не причинили никакого вреда» ¹⁾...

Или: «Сегодня въ два часа по полудни непріятель сдѣлалъ самый сильный натискъ на корпусъ Измайлова; но онъ давно уже приготовился къ нападенію, и непріятельскія войска, командуемая рапортующимъ больнымъ начальникомъ штаба Шамаринымъ, отретировались со скандаломъ, а начальникъ штаба въ лазаретѣ и главнокомандующій въ обозѣ получаютъ тяжелыя и опасныя раны не въ генеральномъ сраженіи, но въ партизанской схваткѣ. Въ первомъ дѣлѣ уже убитъ одинъ человекъ—старый атаманъ разбойниковъ, т. е. командиръ уѣздныхъ казначеевъ—губернскій казначей» ²⁾...

Или, вотъ какъ онъ рисуетъ программу своей дѣятельности, если его лишатъ должности:

«Если не дадутъ мнѣ хорошаго вице-губернаторскаго мѣста, пойду... въ актеры—трагическіе: лѣтъ десять еще могу украшать сцену. А не то—въ шуты: еще лучше! То-то начну проказить... Всего выгоднѣе быть шутомъ» ³⁾...

Но отпоръ Миницкому кончился для Измайлова и Бухарина плохо. Миницкій, явившись въ Петербургъ, успѣлъ оклеветать и того и другаго передъ высшимъ начальствомъ, и оба его противника были лишены должности. Впрочемъ, у Александра Ефимовича были въ Петербургѣ сильные друзья и покровители, которые добились того, что Измайловъ былъ причисленъ къ министерству финансовъ.

Но этимъ дѣло не кончилось. Положеніе Измайлова, въ которомъ онъ очутился, было для него слишкомъ тяжело; не говоря о томъ, что онъ лишился такимъ образомъ средствъ къ существованію, его до глубины души возмутило такое несправедливое къ нему отношеніе, испытываемое имъ не первый разъ.

«Вся моя вина—писалъ онъ съ горечью одному изъ своихъ родственниковъ—⁴⁾ въ томъ, что тверской губернаторъ золь, архангельскій генераль-губернаторъ глупъ, а правитель канцеляріи его мошенникъ и возмечталъ о себѣ какъ второй Навуходоносоръ. Непремѣнно надобно было подличать передъ ними, или рѣшительно съ ними при первомъ случаѣ поспориться, когда честь и польза службы того потребуютъ. Я

¹⁾ Письмо отъ 23-го окт. 1828 г. (неизданное).

²⁾ Отъ 25-го окт. 1828 г. (неизд.).

³⁾ Отъ 1-го марта 1829 г. (неизд.).

⁴⁾ Къ М. А. Каменеву-Любовскому.

такъ и сдѣлалъ... Пусть говорятъ обо мнѣ что угодно ¹⁾; но, надѣюсь, не скажутъ, по крайней мѣрѣ, чтобы я подличалъ предъ старшими себя и кривилъ душой. Пишу, что велитъ Тотъ, Имъ же царю царствуютъ и сильніи пишутъ правду... Если бы Спаситель—заключаетъ свое письмо Александръ Ефимовичъ—сошелъ опять на землю и опредѣлился въ российскую службу по гражданской части не въ столицѣ, а въ провинціи... не прослужить бы ему и мѣсяца въ одной губерніи: тотчасъ бы перевели въ другую, а изъ другой—въ третью» и т. д. ²⁾.

Измайловъ рѣшилъ продолжать дѣло, войти съ ходатайствомъ къ самому государю и «объяснить ему все, какъ было»: для этого нужно было ѣхать въ Петербургъ, и онъ, на-скоро собравшись, 16-го мая 1829 года оставилъ Архангельскъ.

IV.

1829—1831 годы жизни Измайлова въ Петербургѣ.—Бѣдственное положеніе безъ службы; прискиваніе занятій; уроки въ Пажескомъ корпусѣ.—Дѣло съ С. И. Миницкимъ и оправданіе Измайлова по архангельской службѣ —Послѣдній годъ жизни Измайлова; болѣзни, кончина.—Общая характеристика Измайлова, какъ писателя и человѣка.

Оскорбленнымъ, разбитымъ физически и нравственно прибылъ Измайловъ въ Петербургъ, гдѣ на первое время его ждала не лучшая участь, чѣмъ въ Архангельскѣ. Прежде всего нужно было позаботиться о пріисканіи средствъ къ жизни, ибо, хотя онъ и былъ причисленъ къ министерству финансовъ чиновникомъ особыхъ порученій, но жалованія не получалъ. Всю надежду Александръ Ефимовичъ возлагалъ на то, что ему удастся устроиться при какомъ-нибудь журналѣ, но и тутъ онъ потерпѣлъ неудачу: кто-то перебилъ у него мѣсто сотрудника при журналѣ Греча ³⁾. А недостатокъ средствъ сильно давалъ себя чувствовать Измайлову, и онъ горько жаловался въ своихъ письмахъ къ Дмитріеву ⁴⁾ и неизвѣстному лицу ⁵⁾ на ту несправедливую задержку жалованія, ко-

¹⁾ Ср. его послѣсловіе къ баснѣ „Орелъ и Сорока“, написанъ въ Архангельскѣ. (Собр. соч. т. I, стр. 101):

„Пускай глупцы зовутъ меня излишне строгимъ,
Неосторожнымъ, дерзкимъ, злымъ“ и т. д.

²⁾ Отъ 2-го марта 1829 г. (неизд.)

³⁾ „Иллюстрація“ 1846 г., № 17.

⁴⁾ „Р. Архивъ“ 1871, стр. 1003 и др.

⁵⁾ „Иллюстрація“ 1846 г. № 17.

торая происходила благодаря проискамъ Миницкаго. Эта задержка такъ тяготила Александра Ефимовича, что онъ просилъ даже объ отдачѣ его подъ судъ, чтобы тѣмъ скорѣе разрѣшилось его неопредѣленное положеніе. Приходилось уповать только на Бога.

«Я въ крайности, не въ бѣдности, а въ совершенной нищетѣ,—но не унываю и на Бога уповаю»—писалъ онъ одному изъ своихъ пріятелей ¹⁾.

Наконецъ, чтобы какъ-нибудь бороться съ нуждой, Александръ Ефимовичъ не отказался отъ предложенія давать уроки словесности въ Пажескомъ корпусѣ ²⁾. Занятія въ корпусѣ, судя по дошедшимъ до насъ въ рукописи отрывкамъ дневника Измайлова, интересовали его, радовали его и подборъ учениковъ и ихъ успѣхи etc ³⁾. Замѣтимъ, кстати, что, несмотря на короткое время своего преподаванія въ корпусѣ, онъ снискалъ къ себѣ самое искреннее расположеніе и теплую любовь со стороны воспитанниковъ ⁴⁾. Но мѣсто преподавателя въ Пажескомъ корпусѣ, конечно, далеко не могло удовлетворить нуждамъ Александра Ефимовича, и онъ былъ радъ даже, въ погонѣ за кускомъ хлѣба, давать частные уроки ⁵⁾. Наконецъ, онъ задумалъ снова приняться за изданіе журнала; онъ уже составилъ его программу, получилъ утвержденіе ⁶⁾, напечаталъ публикаціи (журналъ предполагалось назвать «Любитель Отечественнаго»), но изданіе это не осуществилось, ибо, во-первыхъ, какъ онъ самъ говоритъ,—«ему предложили мѣсто и такое мѣсто, какого и во снѣ не видѣлъ»,—во-вторыхъ, предпріятію тому помѣшали болѣзнь и смерть. Не осуществилось также намѣреніе его напечатать кое-что изъ своихъ бумагъ (между прочимъ дневникъ) и выпустить новое изданіе своихъ басенъ и сказокъ.

Такъ разбивались одно за другимъ предпріятія Александра Ефимовича, на старости лѣтъ принужденнаго съ такими усиліями пріиски-

¹⁾ Ibid.

²⁾ Говорятъ, что онъ получилъ это предложеніе при содѣйствіи Я. И. Ростовцева, тогда адъютанта вел. кн. Михаила Павловича (см. „Дѣло“ 1874 г. № 4); но, чтобы начать уроки, Измайлову все-таки пришлось испытать немало проволочекъ (см. „Иллюстрація“ 1846 г. № 18).

³⁾ См. подробности въ письмѣ Измайлова къ И. И. Дмитріеву: „Р. Арх.“ 1871 г., стр. 1005; также въ статьѣ „петерб. старожила“ (Бурнашева): „Кто былъ оригиналомъ Митрофанушки“ („Иллюстрація“ 1861 г., № VII, впрочемъ статья эта полна грубыхъ ошибокъ).

⁴⁾ Въ дошедшихъ до насъ въ рукописи отрывкахъ дневника Измайлова часто встрѣчаются замѣтки Александра Ефимовича о своемъ преподаваніи въ корпусѣ и о тѣхъ знакахъ уваженія, которые часто выражали ему пажи, весьма довольные его и лекціями и обхожденіемъ.

⁵⁾ См. „Р. Архивъ“ 1871 г., стр. 1004.

⁶⁾ Отъ 27 ноября 1829 года.

вать себѣ необходимыя средства къ существованію. Къ несчастіямъ разнаго рода присоединились еще болѣзни, которыя чаще и съ большими осложненіями стали навѣщать писателя, уже и безъ того разстроеннаго и ослабѣвшаго отъ перенесенныхъ бурь. Такъ, едва успѣвъ оправиться отъ удара, постигнаго его въ началѣ 1830 года, вслѣдствіе котораго онъ надолго лишился способности владѣть нѣкоторыми членами, Измайловъ въ мартѣ мѣсяцѣ сильно простудился и заболѣлъ горячкою.

«Тогда и послѣдній скудный источникъ моихъ финансовъ изсякъ совершенно»—писалъ онъ И. И. Дмитріеву.—«Но Богъ милостивъ:—прибавляетъ онъ—въ то время, когда искуснѣйшіе врачи сомнѣвались въ моемъ исцѣленіи, болѣзнь моя и дѣла, приняли счастливейшій оборотъ. Государь воздвигъ меня, можно сказать, со смертнаго одра, всемилостивѣйше пожаловавъ мнѣ, по ходатайству благотворительнаго и справедливаго министра, 2.000 рублей. Миницкаго отставили, а любимцы его, ненавидѣвшіе насъ съ Бухаринымъ за то, что мы знать ихъ не хотѣли, и не умѣли подгибать колѣни, и теперь, чай, сидятъ въ Петропавловской крѣпости»¹⁾).

Дѣйствительно, къ началу апрѣля 1830 года дѣло Измайлова съ Миницкимъ было разобрано; оказалось, что Измайловъ былъ виновенъ только въ «нѣкоторыхъ неприличныхъ выраженіяхъ»²⁾, допущенныхъ имъ въ сношеніяхъ съ архангельскимъ генераль-губернаторомъ, по адресу правителя канцеляріи—Шамарина. Миницкій же былъ уволенъ отъ службы «за предосудительные и пользамъ службы несоотвѣтственные поступки»³⁾. Получивъ, такимъ образомъ, давно желанное оправданіе, Александръ Ефимовичъ подалъ черезъ министра Канкринна государю прошеніе, «коимъ, повергая Монаршему благоуваженію крайне бѣдное положеніе свое при многочисленномъ семействѣ и долготѣнкую безпорочную службу, испрашивалъ назначенія ему жалованія для спасенія его при наступающей старости отъ совершенной нищеты». Просьбу эту 8-го августа того же года высочайше повелѣно было исполнить. Департаменту казначейства былъ отданъ приказъ «объ опредѣленіи статскаго совѣтника Измайлова на первую могущую открыться вакансію начальника отдѣленія по департаменту государственнаго казначейства», и, хотя таковой въ наличности не оказалось, но департаментъ, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, нашелъ возможнымъ «считать Измайлова начальникомъ одного изъ контрольныхъ отдѣленій съ производствомъ ему

¹⁾ „Р. Арх.“ 1871, стр. 1004

²⁾ Изъ доклада гр. Е. Ф. Канкринна его императ. величеству, отъ 8-го августа 1830 г. (Архивъ министерства финансовъ).

³⁾ См. „Общій морской списокъ“, Спб. 1890 г., стр. 365.

штатнаго жалованія по 3.000 рублей въ годъ» ¹⁾)... Въ ноябрѣ того же года, какъ значится въ формулярѣ, онъ было уволенъ вовсе отъ службы съ пенсіономъ въ 2.000 рублей въ годъ.

Послѣднимъ утѣшеніемъ Александра Ефимовича было—удачная выдача замужъ младшей дочери ²⁾, въ напутствіе которой, при ея вступленіи въ брачную жизнь, онъ далъ «инструкцію», начинающуюся словами:

„Опора нѣжная дебелаго слѣнца!
Ты покидаешь мать и хвораго отца,
И только-что теперь изъ-подъ вѣнца!
Прими же ты мое сердечно поздравленье,
Благословенье;
Приданнаго не дамъ тебѣ причина: нѣтъ!
Не крючкотворецъ я,—поэтъ.
А дамъ, пожалуй, наставленье,
Инструкцію въ стихахъ:
Да врѣжутся мои слова у васъ въ сердцахъ“ ..

(Дальше идетъ наставленіе мужу и женѣ, подкрѣпляемое частыми ссылками на Священное Писаніе) ³⁾).

Но наслаждаться прелестями спокойной жизни Александру Ефимовичу пришлось не долго,—дни его были сочтены: въ четвергъ 16-го января слѣдующаго года (1831) на одной изъ лекцій въ корпусѣ онъ почувствовалъ себя дурно, и, несмотря на тотчасъ же оказанную помощь, привезенъ былъ домой въ безпамятствѣ и въ два часа по полудни скончался ⁴⁾. 18-го января состоялось торжественное погребеніе на средства, собранныя обширнымъ кругомъ знакомыхъ и друзей Александра Ефимовича, большею частью изъ пишущей братіи. Гробъ несли всѣ оказавшіеся налицо петербургскіе литераторы. Похороненъ онъ на Смоленскомъ кладбищѣ, гдѣ стоитъ и понынѣ надъ его могилой скромный памятникъ.

Нѣкоторые журналы и газеты почтили умершаго писателя краткими некрологами ⁵⁾.

¹⁾ Изъ архива министерства финансовъ по департаменту госуд казначейства отъ 11 авг. 1830 г., за № 51.

²⁾ См. „Иллюстрація“, 1846 г № 17.

³⁾ Собр. соч., т. I, стр 367—370.

⁴⁾ Гр. Д. И. Хвостовъ такъ отмѣтилъ скоропостижную кончину А. Е. Измайлова въ надгробіи, посвященномъ нашему баснописцу:

Но ахъ! закашлявшись на родинѣ Пиндара,
Въ Петрополь прикаты, скончался отъ удара

(См „Стихотворенія гр Д И Хвостова“, т. VII, Спб 1834, стр. 227 и 276).

⁵⁾ „Колокольчикъ“, № 6, стр. 24; „Сѣв. Пчела“, № 56; „Литерат. газета“ № III, стр. 39; „Сѣв. Меркурій“, № 5 и др.

Такъ грустно закончилось на 52-мъ году существованіе человѣка, въ продолженіе болѣе чѣмъ 30 лѣтъ неустанно, по мѣрѣ силъ своихъ, трудившагося на поприщѣ общественной, въ широкомъ смыслѣ, и литературной, въ частности, дѣятельности. Тяжело было Александру Ефимовичу на закатѣ своихъ дней сознать себя въ томъ горькомъ, безотрадномъ положеніи, въ которомъ онъ очутился по несправедливости.....

25 слишкомъ лѣтъ, не выѣзжая изъ Петербурга, прослуживъ въ одномъ вѣдомствѣ, какъ честный чиновникъ, и столько же поработавъ на нивѣ нашей литературы, какъ честный откровенный литераторъ, какъ журналистъ, поставившій одной изъ цѣлей своего органа—будить чувство состраданія къ несчастнымъ, наконецъ, какъ представитель одного изъ лучшихъ нашихъ литературныхъ обществъ, Александръ Ефимовичъ на старости лѣтъ долженъ былъ оставить городъ, гдѣ, можно сказать, сложилась его жизнь и слава, и ѣздить по всея Россійскаго государства, перекочевывая изъ одного уѣзда Тверской губерніи въ другой, или тащась по промерзлой почвѣ архангельскихъ тундръ за рекрутскими наборами, по «кабацкимъ дѣламъ» и прочимъ обязанностямъ вице-губернатора тогдашнихъ временъ. Тяжело жилось въ провинціи Александру Ефимовичу среди удручающей пустоты провинціального прозябанія, дразгъ и плутней чиновниковъ, испытывая подъ часъ несправедливости и упреки со стороны ближайшаго начальства, но еще тяжелѣе пришлось ему чувствовать себя въ Петербургѣ послѣ своихъ невольныхъ странствованій, по причинамъ намъ извѣстнымъ. Глубокой грустью и истинно-безотраднымъ чувствомъ отзываются его письма и произведенія двухъ послѣднихъ годовъ его жизни. Онъ уже не пишетъ ни шуточныхъ посланій, ни мадригаловъ, ни эпиграммъ, если же и прозвучитъ кое-когда шутливая нотка, то какой-то болѣзненностью и грустью вѣетъ отъ нея.

Порой въ отчаяніи Александръ Ефимовичъ перестаетъ считать себя и сочинителемъ, и отказывается отъ званія стихотворца:

„ . . . . Я ужъ не поэтъ.

Плохой теперь я сочинитель:

Не только для стиховъ, для прозы не гожусь“ ¹⁾, —

писалъ онъ въ концѣ 1830 года женѣ, которой нѣжное попеченіе о своемъ больномъ мужѣ доставляло ему самое лучшее облегченіе. Но вмѣстѣ съ тѣмъ—какъ мы успѣли замѣтить—въ немъ сильнѣе говорить религиозное чувство, надежда на Бога и Его милость. Не переставая интересоваться текущей литературой и слѣдя за появляющимися въ ней новинками, онъ въ то же время прилежно занимается чтеніемъ Священнаго Писанія, просить, чтобъ ему чаще читали изъ него, такъ какъ

¹⁾ Собр. соч., т. I, стр. 361.

самъ онъ, почти потерявъ зрѣніе, не въ состояніи дѣлать этого; этимъ глубокимъ, живымъ религиознымъ чувствомъ проникнуто все, что писалъ онъ въ послѣдніе предъ смертью годы.

Многіе пожалѣли объ его смерти,—многіе изъ тѣхъ, что получали отъ него чисто-нравственныя и въ особенности матеріальныя благодѣянія, которыя Александръ Ефимовичъ въ изобиліи расточалъ въ лучшую пору своей жизни; пожалѣли его многіе и изъ пишущей братіи, какъ тѣ, съ которыми онъ сохранялъ дружбу и былъ привѣтливъ, такъ и тѣ, съ кѣмъ онъ нерѣдко вступалъ въ перебранку на столбцахъ своего журнала.

«Покойный Измайловъ,—записалъ Кюхельбекеръ въ свой дневникъ вскорѣ послѣ смерти Александра Ефимовича,—былъ и с т и н н о - д о б р ы й мужикъ: я зналъ его очень хорошо, любилъ его и многимъ ему обязанъ»¹⁾.

«Измайловъ былъ человѣкъ самыхъ честныхъ, благородныхъ правилъ, добрый семьянинъ, кроткій, благонравный, добродушный»,—вспоминаетъ о немъ Гречъ въ своихъ «Чтеніяхъ»²⁾.

«Измайловъ стоилъ того, чтобы знать его коротко,—писалъ Булгаринъ.—Во всемъ онъ былъ оригиналенъ: и по фигурѣ, и по одеждѣ, и по образу жизни, и по изложенію въ своихъ сочиненіяхъ, и даже по голосу. Лучшая изъ всѣхъ его оригинальностей была удивительная честность и праводушіе»³⁾.

А тотъ самый Воейковъ, который такъ осмѣялъ Измайлова въ своемъ «Домѣ сумасшедшихъ», между прочимъ писалъ ему въ 1827 году:

«Веселость и счастье были всегда вашими адъютантами, а чистая совѣсть—начальникомъ штаба»⁴⁾.

Итакъ, вотъ какимъ представляется Александръ Ефимовичъ, его жизнь и дѣятельность по документальнымъ даннымъ, воспоминаніямъ отзываютъ знавшихъ его лицъ и проч.; но для полноты его біографіи, какъ весьма существеннымъ пособіемъ, можно воспользоваться его собственными указаніями на свою личность, разбѣянными въ стихотвореніяхъ, прозаическихъ произведеніяхъ и на страницахъ его журнала «Благонамѣренный», въ статьяхъ, выноскахъ, примѣчаніяхъ.

Трудно указать другаго, кромѣ Александра Ефимовича, писателя, котораго не только личность, но вся жизнь со всѣми ея повседневными частностями, даже мелочами, выражалась бы такъ полно въ его произведеніяхъ, какъ у Измайлова.

¹⁾ „Русск. Старина“ 1883, VIII, стр. 114.

²⁾ Т. II, стр. 295.

³⁾ „Сѣв. Пчела“ 1849 г., № 141.

⁴⁾ Письмо отъ 10-го апрѣля 1827 г. (неизд.)

Этотъ добродушный и откровенный до наивности литераторъ—весь въ своихъ произведеніяхъ, и если бъ до насъ не дошла его біографія, мы по однимъ лишь его произведеніямъ могли бы довольно близко познакомиться съ семейными, служебными и прочими обстоятельствами его жизни. Къ его произведеніямъ, въ данномъ случаѣ, какъ нельзя болѣе, подходитъ старинный стихъ:

„Душа писателя въ твореніяхъ видна“.

«Творенія» Измайлова тѣмъ цѣннѣе для насъ въ этомъ отношеніи, что онъ, при своей откровенности, былъ замѣчательно правдивъ, въ чемъ легко убѣдиться, сравнивъ его собственныя данныя о себѣ съ тѣмъ что сообщаютъ о немъ современники или говорятъ документы. Въ упомянутой нами ранѣе статьѣ Галахова читатель найдетъ довольно подробную характеристику писателя на основаніи его произведеній и можетъ убѣдиться, насколько, дѣйствительно, личность и малѣйшія стороны жизни и особенности Александра Ефимовича полно отражаются въ произведеніяхъ этого въ высшей степени добродушнаго, откровеннаго до наивности и, прибавимъ, симпатичнаго писателя. Измайловъ,—если можно такъ выразиться,—прочиталъ каждую строку своихъ произведеній своею личностью; онъ слился съ ними такъ нераздѣльно, что, читая его—басню-ли, сказку-ли, подстрочное-ли примѣчаніе его въ журналѣ подъ чужими произведеніями,—ну, такъ и видишь предъ собой этого добродушнѣйшаго русскаго человѣка.

Въ этомъ отношеніи Галаховъ, дѣйствительно остроумно выразился, что Измайловъ,—была личность «эгоистическая въ добромъ смыслѣ»¹⁾: онъ любить, чрезвычайно любить говорить о себѣ, о своей личности, о всемъ, что относилось и относится къ нему.

Но можно-ли осуждать его за эту слабость: пусть онъ много любить говорить и говорилъ о себѣ, но онъ былъ истинно русскій добрый человѣкъ, и, читая его professions, знакомясь съ его личностью по его собственнымъ же указаніямъ о себѣ, мы знакомимся съ однимъ изъ честнѣйшихъ и добрѣйшихъ людей стараго времени, гдѣ и среди мрака, грубости и невѣжества были все же люди, память о которыхъ достойна самаго глубокаго уваженія; мы знакомимся въ лицѣ Александра Ефимовича, если не съ крупнымъ общественнымъ дѣятелемъ или писателемъ крупнаго таланта, то во всякомъ случаѣ съ человѣкомъ, сдѣлавшимъ много добра и не принесшимъ никому зла ни дѣйствіемъ, ни своими безобидными произведеніями. И съ полною справедливостью на его могилѣ можно было бы написать ту самую эпитафію, которую онъ сочинилъ своему отцу:

¹⁾ „Современникъ“ 1850 г., № 23, отд. крит., стр. 54.

„Здѣсь прахъ покоится честнаго человѣка:
Онъ зла не дѣлалъ и врагамъ;
Служилъ съ усердіемъ отечеству полвѣка,
И имя доброе оставилъ только намъ“¹⁾...

И Измайловъ,—заклучимъ мы біографію его,—имѣлъ полное основаніе выразить слѣдующую мысль о своей «могилкѣ», жалуясь въ одномъ изъ писемъ женѣ изъ Архангельска на притѣсенія Милицкаго и видя оправданіе своей дѣятельности лишь въ потомствѣ:

... «на мою могилку, когда и внуковъ уже нашихъ не будетъ, зайдутъ добрые люди и помолятся.—«Вотъ,—скажутъ,—здѣсь погребень баснописецъ Измайловъ, котораго немногіе при жизни умѣли оцѣнить»²⁾.

V.

Обозрѣніе литературной дѣятельности Измайлова.—Произведенія въ прозѣ.

Впервые имя Александра Ефимовича Измайлова появилось въ печати въ 1797 году подъ стихотвореніемъ «Смерть», переведеннымъ изъ Малерба; можетъ быть, стихами же и начались его литературные опыты. Но такъ какъ первымъ крупнымъ произведеніемъ Измайлова былъ прозаическій романъ, и вообще въ области прозы преимущественно онъ работалъ въ первые годы своей литературной дѣятельности, то мы и начнемъ обозрѣніе по-слѣдней съ прозаическихъ произведеній нашего писателя.

Съ небольшимъ сто лѣтъ назадъ (въ половинѣ 1799 года) въ книжныхъ лавкахъ Глазунова поступила въ продажу слѣдующая книга: «Евгеній или пагубныя слѣдствія дурнаго воспитанія и общества.—Повѣсть, написанная А. Измайловымъ». Это была первая часть. Вторая часть вышла подъ тѣмъ же заглавіемъ два года спустя, въ 1801 г.³⁾ и повѣсть, такимъ образомъ, разрослась въ цѣлый романъ, подъ которымъ наименованіемъ она обыкновенно и упоминалась впоследствии.

Напечатанный въ 1799 году, но написанный еще ранѣе (приблизительно въ 1797 г., когда Измайловъ, какъ онъ самъ говоритъ, былъ,

¹⁾ Помѣщ. въ „Собр. сочин.“, т. I, стр. 383.

²⁾ Отъ 1-го марта 1829 г. (неизд.)

³⁾ Кстати исправимъ ошибочное мнѣніе, что будто-бы 1-я часть въ 1801 г. была переиздана: была переиздана лишь обложка, помѣченная дѣйствительно 1801-мъ годомъ.

«осьмнадцать не больше лѣтъ»), романъ этотъ не имѣлъ успѣха при жизни автора, въ настоящее же время почти забытъ. Въ подтвержденіе неуспѣха романа достаточно указать и на то, что послѣ 1801 года онъ не переиздавался ни разу вплоть до 1891 года, когда «Русскій книжный магазинъ» (въ Москвѣ) выпустилъ «полное собраніе» сочиненій А. Е. Измайлова; даже самъ авторъ, издавъ въ 1826 году свои прозаическія произведенія, романъ этотъ исключилъ; исключенъ онъ и изъ Смирдинскаго изданія 1849 года, хотя «по причинѣ, отъ издателя не зависящей». Критика осудила романъ, публика забыла.—Но, насколько справедливо такое отношеніе къ «Евгенію», мы постараемся выяснитъ въ своемъ разборѣ этого романа; въ виду малоизвѣстности послѣдняго считаемъ нелишнимъ изложить его содержаніе.

На первыхъ страницахъ своего романа авторъ знакомитъ насъ съ дѣдомъ и родителями героя. Дѣдъ его—Негодяевъ, канцеляристъ по службѣ, былъ пьяницей и оставилъ своему сыну въ наслѣдство «одинъ старый войлокъ, замѣнявшій у него мѣсто постели». Но Лука Лукичъ (отецъ героя романа) доставилъ себѣ послѣ 40-лѣтней службы «кусочъ хлѣба» и, приобрѣта путемъ выгодной женитьбы деревеньку (въ коей и поселился), не сидѣлъ безъ дѣла, но «казалось, жилъ единственно для услугъ рода христіанскаго», которыя выражались въ даваніи денегъ въ проценты, пріемѣ закладовъ и проч. Въ свободное время онъ занимался чтеніемъ указовъ и адресъ-календарей. Жена Луки Лукича «очень помнила» свое дворянское происхожденіе и майорскій чинъ мужа, «имѣла не малыя свѣдѣнія въ искусствѣ нарядовъ и злословія» и жила «на знатной ногѣ». Черезъ полтора года у этой четы родился сынъ, котораго назвали Евгеніемъ, именемъ одного гвардейскаго офицера, весьма любезнаго и знающаго свѣтъ человѣка, который госпожѣ Негодяевой «всегда дѣлалъ компанію». Тотчасъ по рожденіи, еще до крестинъ, родители поторопились записать Евгенія, по установившемуся обычаю, въ гвардію, и госпожа Негодяева, принимая поздравленія съ рожденіемъ сына, говорила всѣмъ съ улыбкой восхищенія: «у меня же сыночекъ сержантъ гвардіи». Воспитаніе Евгенія сначала было поручено кормилицѣ, штату мамушекъ и нянюшекъ, затѣмъ гувернеру Pendar'd'y (бѣглому французскому солдату), изъ рукъ котораго нашъ герой попалъ въ пансіонъ нѣкоего Эдельмана, недалекаго нѣмца, «который безпрестанно занимался куреніемъ табака и своими выгодами» Пробывъ въ этомъ пансіонѣ 5 лѣтъ и научившись въ немъ—какъ ни странно—лишь пьянству и разврату, Евгеній послѣ одного гнуснаго поступка былъ взятъ родителями домой, такъ какъ госпожа Негодяева «не хотѣла болѣе, чтобы сынъ ея учился у такихъ людей, которые не знаютъ обходиться съ благородными людьми». Спусти немного времени мы видимъ Евгенія въ стѣнахъ университета, куда родители отдали

свое дѣтище, чтобы онъ «по выходѣ изъ онаго на большой театрѣ свѣта получилъ отъ всѣхъ зрителей и актеровъ, его наполняющихъ приятное названіе благовоспитаннаго и ученаго молодого человѣка».

Но храмъ науки показался скучнымъ и тѣснымъ нашему герою, и онъ или пропускалъ лекціи, или же занимался на нихъ просто шалостями. Но за то онъ вполне сумѣлъ воспользоваться всѣми прелестями столичной жизни, во всю ширь своей молодой барской натуры, вмѣстѣ съ такимъ пріятелемъ-студентомъ, какъ Развратинъ, нравственные качества котораго вполне отвѣчали его фамиліи. Евгенийъ, «презирая явно тѣхъ студентовъ, которые имѣли болѣе знанія, нежели платья, а особенно тѣхъ, у которыхъ въ жилахъ обращалась кровь неблагородная», близко сошелся съ Развратинымъ, такъ какъ онъ лучше всѣхъ умѣлъ помогать ему въ его увеселеніяхъ. Итакъ, Развратинъ научалъ Евгенія, тотъ учился, и, въ полугодовое пребываніе въ званіи студента, герой нашъ, кромѣ того, что приобрѣлъ богатый запасъ знаній и убѣжденій въ духѣ Развратина, практически «усовершенствовался играть на билліардѣ и выучился въ познаніи напитокковъ, а также въ обращеніи съ женщинами, обращающимися съ цѣлымъ свѣтомъ».

«Такое было его воспитаніе, стоявшее нѣсколько тысячъ его родителямъ», заключаетъ авторъ первую книгу романа. Полугодовымъ пребываніемъ въ университетѣ закончилось образованіе Евгенія. Онъ оставилъ университетъ, пріѣхалъ домой и, выждавъ чинъ поручика, началъ собираться въ Петербургъ къ отбыванію службы. Родители снабдили Евгенія 5-ю тысячами рублей (на первое время) и наставленіями, при чемъ со стороны отца они имѣли больше отношенія къ службѣ, или, лучше сказать, низкопоклонству; со стороны матери—къ соблюденію моды и ухаживанію за дамами свѣта: «Не скучай—говорила она—знатнымъ дамамъ дѣлать компанію въ карточной игрѣ и въ променадахъ, выполняй всѣ ихъ комиссіи: черезъ это можешь получить себѣ счастье»... «Не тотъ одинъ чины хватаетъ, кто надъ работою умираетъ», наставлялъ отецъ.

Наконецъ, послѣ долгихъ объятій, слезъ и наставленій, Евгенийъ при помощи своего гусара сѣлъ въ экипажъ и тронулся въ дорогу. Развратинъ былъ его спутникомъ. Ихъ сопровождала и свита Евгенія, состоявшая изъ камердинера, парикмахера, повара и домашняго адвоката. «Шествіе сіе замыкалось пятью возами, ѣдущими другъ за другомъ, на которыхъ накладенъ былъ деревенскій запасъ, состоящій изъ разнаго рода какъ хлѣба, такъ и живности. Скуку длиннаго путешествія наши герои разгоняли самыми непристойными развлеченіями, останавливаясь подолгу въ попутныхъ гостиницахъ, кабакахъ, играя въ карты и проч. Порой Развратинъ улаждалъ нашего героя разсказами

о своей жизни и подвигахъ, излагалъ предъ нимъ свои разсужденія, грубыя, даже циничныя до крайности...

Наконецъ, пріятели наши прибыли въ Петербургъ. Вскорѣ по приѣздѣ Евгенийъ вмѣстѣ съ Развратинымъ отправился представляться знакомому своего отца Вѣтрову, тоже барину, имѣвшему 400 душъ крестьянъ и 50.000 долгу; онъ «проживалъ очень хорошо оброкъ, получаемый имъ съ деревень своихъ, и имѣлъ удовольствіе тщеславиться тѣмъ, что годовой его расходъ превышаетъ доходъ болѣе, нежели вдвое». Вѣтровъ, его супруга и вся семья приняли хорошо молодыхъ людей, хотя, конечно, предпочтеніе отдавали Евгению за его манеры свѣтскаго воспитаннаго молодаго человѣка, которыхъ не имѣлъ Развратичъ. Въ первый же день своего посѣщенія Вѣтровыхъ, герои наши близко сошлись съ хозяевами, а спустя немного времени Евгенийъ былъ даже другомъ дома Вѣтровыхъ. Въ салонѣ госпожи Вѣтровой («которая, хотя была лѣтъ сорока, но имѣла благородное соревнованіе не уступать въ великолѣпіи и разборчивости убранства щеголихамъ, превосходящимъ ее въдесятеро богатствомъ») Евгенийъ имѣлъ случай познакомиться съ весьма разнообразнымъ обществомъ. Тутъ были гости «во фракахъ, въ мундирахъ, въ шпальяхъ, въ шляпахъ, въ чепцахъ», особы «различнаго возраста, различнаго званія и различнаго дурачества». О характерахъ и качествахъ гостей Вѣтровыхъ можно судить по фамиліямъ: богатый и дѣльный помѣщикъ Тысящниковъ, имѣвшій супругу, весьма похожую по своимъ нравственнымъ качествамъ на г-жу Негодяеву, братья Подлянкины, г-жа Липемѣркина, Распутинъ, Прыжковъ и др. Евгению пришлось по душѣ это общество, охотно принявшее его въ свой кругъ, и герой нашъ, почувствовавъ себя въ своей сферѣ, «занимался всѣми увеселеніями, какими только желалъ и могъ», тѣмъ болѣе, что у него всегда было въ достаточномъ количествѣ и денегъ, и времени (отъ обязательной службы офицера онъ откупался). Но скоро начались и страданія Евгениа. Первое изъ нихъ принесла «измѣна» г-жи Вѣтровой, которая, промѣнявъ мужа на Евгениа, и послѣднюю замѣнила Прыжковымъ (онъ былъ соперникомъ Негодяева въ танцованіи). Евгенийъ отомстилъ ей, пославъ написанное подъ диктовку Развратина письмо, полное самыхъ сильныхъ выраженій. Но на ея мѣсто вступила къ нему дѣвица Миловзорова, за которой Евгенийъ и началъ ухаживать. Впрочемъ, ухаживанія эти скоро окончились для него трагикомическимъ образомъ. Оказалось, что домъ Миловзоровыхъ, гдѣ часто бывалъ Евгенийъ, былъ не что иное, какъ притонъ шуллеровъ, и герой нашъ послѣ цѣлаго ряда злосключеній попалъ въ сѣти, которыя были искусно разставлены Миловзоровымъ купно со своею дочерью, прельстившей Евгениа. Евгенийъ жестоко пострадалъ за свои увлеченія и неопытность; но скоро къ нему опять вернулись и здоровье, и деньги, которыя съ прежней щедростью посылались

родителями въ отвѣтъ на краснорѣчивыя и полныя нѣжныхъ чувствъ письма сына; вмѣстѣ съ ними въ Евгеніи проснулась и жажда новыхъ наслажденій, и онъ вновь пустился въ прежнюю жизнь.

Изъ слѣдующихъ двухъ послѣднихъ главъ романа и заключенія мы узнаемъ, что Евгеній не успѣлъ прожить такимъ образомъ въ столицѣ и года, какъ былъ вызванъ матушкой въ деревню. Дѣло въ томъ, что отецъ его «лишился внезапно языка и черезъ нѣсколько часовъ и жизни». Герой нашъ летитъ домой и застаётъ уже и мать умирающей: она жестоко простудилась, выѣхавъ въ театръ на другой день послѣ похоронъ своего мужа. Черезъ недѣлю по приѣздѣ Евгенія и она умерла. Евгениюшка, похоронивши великолѣпно свою матушку и взявши съ собою всѣ оставшіеся послѣ нея брилліанты и дорогія вещи, равно какъ наличныя деньги и векселя послѣ батюшки, возвратился въ Петербургъ, куда призывали его тогдашняя служба и веселость, прожилъ въ пять лѣтъ все, что его отецъ нажилъ въ пятьдесятъ, вошелъ въ неоплатныя долги, хотѣлъ поправить свое состояніе выгодной женитьбой, посаженъ былъ по просьбѣ своихъ займодавцевъ въ магистратъ, занемогъ тамъ горячкой и скончался на 24-мъ году отъ рожденія, имѣя уже чинъ поручика гвардіи.

Изъ этой же главы мы узнаемъ дальнѣйшую судьбу и другихъ героев романа. Такъ Развратинъ скоро потерялъ въ нетрезвомъ видѣ по своей оплошности скопленныя имъ, живучи съ Евгениемъ, нѣсколько тысячъ рублей, поступилъ на службу учителемъ чистописанія, грамматики и др., и, наконецъ, былъ убитъ ударомъ молніи въ тотъ самый моментъ, когда, прогуливаясь съ однимъ изъ своихъ учениковъ, доказывалъ ему, «что нѣтъ ни Бога, а посему ни награжденія, ни наказанія небеснаго».

Печаленъ былъ конецъ и Вѣтровыхъ, и прочихъ героевъ.

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе романа, сорокъ главъ котораго, заключенныхъ въ пять книгъ, почти сплошь заняты изображеніемъ дурнаго воспитанія и сообщества и дурныхъ слѣдствій того и другаго. На протяженіи сорока главъ авторъ не выставилъ ни одного лица, которое могло бы возбудить къ себѣ симпатіи въ душѣ читателя; авторъ не далъ ни одной картины, которая привлекла бы къ себѣ читателя. Весь романъ — изображеніе однѣхъ лишь отърицательныхъ сторонъ русской жизни, русской молодежи. Само собою разумѣется, что такое скопленіе отвратительныхъ личностей съ низкими склонностями, среди гадкихъ и подлыхъ дѣлъ и дѣлишекъ, — какъ справедливо еще замѣтилъ А. Д. Галаховъ — сильно повредило его достоинству, «какъ преднамѣренная односторонность¹⁾: она уронила «Евгенія» и во мнѣніи публики и критики. Критика встрѣтила романъ Измайлова болѣе чѣмъ недружелюб-

¹⁾ „Исторія русской словесности“, т. II, Спб. 1875 г., стр. 170.

но, прямо враждебно, и въ лицѣ рецензента «Новостей» сочла «Евгенія» книгой недостойной для чтенія: «Такъ не пишутъ романовъ для воспитанія!»—воскликаетъ между прочимъ рецензентъ въ своемъ странномъ отзывѣ ¹⁾. Молодой авторъ былъ возмущенъ такимъ отношеніемъ критики къ первому дѣтищу его музы и на страницахъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» скоро помѣстилъ свое объясненіе, въ которомъ называлъ критику на его книгу не иначе, какъ забавнымъ явленіемъ ²⁾.

Впрочемъ, впоследствии Измайловъ и самъ охладѣлъ къ своему роману и даже не разъ осмѣивалъ его на страницахъ собственнаго журнала «Благонамѣренный» ³⁾. Но неуспѣхъ романа, какъ во мнѣніи критики современной, такъ и болѣе поздней (напр. Бѣлинскаго) ⁴⁾ и даже самый фактъ охлажденія къ нему его автора еще не рѣшаютъ вопроса о значеніи его въ исторіи нашей литературы. Вопросъ этотъ, получающій особую важность, если мы вспомнимъ, какъ немногочисленна была семья нашихъ первыхъ русскихъ романовъ, къ которымъ присоединился въ концѣ XVIII вѣка «Евгеній», можетъ быть рѣшенъ только при болѣе внимательномъ отношеніи къ роману Измайлова, въ каковомъ ему до сихъ поръ отказывали. Роману Измайлова историкъ литературы долженъ отвести, если не важное, то, во всякомъ случаѣ, далеко не второстепенное мѣсто въ ряду нашихъ первыхъ по времени романовъ уже потому, что «Евгеній» одинъ изъ первыхъ, или, лучше сказать, первый русский реальный романъ, ибо ни въ одномъ изъ русскихъ романовъ до Измайлова мы не встрѣчаемъ такого реального изображенія нашего быта, какъ въ романѣ «Евгеній». Картины, составленныя Измайловымъ, реальны и, надо отдать ему справедливость, фотографически точны: раскройте мемуары того времени, приподнимите сатирический покровъ съ листовъ русскихъ сатирическихъ журналовъ конца прошлаго столѣтія—и передъ вами мелькнутъ портреты русскихъ людей, такъ поразительно схожіе съ портретами, даваемыми Измайловымъ. Отмѣтимъ при этомъ, что молодой авторъ затрогивалъ въ своемъ романѣ одинъ изъ жгучихъ вопросовъ того времени—воспитаніе и, показывая обществу похождение «Евгенія», имѣлъ весьма серьезную и хорошую идею: «Ежели—заканчивалъ Измайловъ предисловіе къ своему роману—моя книга будетъ похвалена хотя немногими знающими людъ-

¹⁾ „Новости“ 1799 г., іюль. Отрывки изъ нея, какъ примѣръ тогдашней критики, приводились не разъ и въ позднѣйшей литературѣ (см. напримѣръ книгу Н. А. Бѣлозерской „Н. Т. Нарѣжный“. Спб. 1886).

²⁾ „С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1799, № 93, стр. 2338. Между прочимъ Измайловъ требовалъ „объясненія“ со стороны „Новостей“, но его не послѣдовало, ибо журналъ этотъ вскорѣ прекратилъ свое существованіе.

³⁾ См. „Полное собраніе сочиненій“ т. II, стр. 267, 294.

⁴⁾ Сочиненія, т. VII, Спб. 1860, стр. 383.

ми, ежели хотя немногіе родители приложатъ рачительнѣйшее стараніе о воспитаніи дѣтей своихъ, я почту себя весьма награжденнымъ за мои труды».

Но въ чемъ же кроется причина неуспѣха романа Измайлова, несмотря на оригинальность его, реализмъ, привидиво отвѣчающій дѣйствительности? Конечно, не въ одномъ лишь крайнемъ реализмѣ, не въ одномъ лишь смѣломъ изображеніи отрицательныхъ сторонъ нашей жизни, что ставилось главнымъ образомъ въ упрекъ Измайлову его критиками; ибо читаетъ наше общество и понынѣ «Мертвыя души», и давно уже критика отказалась отъ мысли подвергать осужденію «неумолимый рѣзецъ» Гоголя. Но тѣмъ-то и великъ Гоголь въ своемъ реализмѣ, что изъ-подъ его «неумолимаго рѣзца», «выпукло и ярко» выходила,—какъ настойчиво повторялъ Бѣлинскій,—«совершенная истина жизни»; произведенія его отвѣчаютъ вполнѣ основному требованію реальной поэзіи—«извлекать поэзію жизни изъ прозы жизни и потрясать души вѣрнымъ изображеніемъ этой жизни». Гоголь, выражаясь словами другаго современнаго ему критика, «ни на одно мгновеніе не упускалъ изъ виду общечеловѣческихъ условій характера каждаго изъ своихъ героевъ, и потому всѣ дѣйствующія лица его поэмы прежде всего являются людьми, какъ-бы малы и ничтожны они ни были по положенію своему въ обществѣ, до какого бы нравственнаго униженія ни были доведены воспитаніемъ и неизбѣжнымъ теченіемъ дѣлъ»¹⁾. Въ каждомъ героѣ его не трудно усмотрѣть всѣ человѣческія движенія, и потому-то всѣ они возбуждаютъ къ себѣ глубокое сочувствіе въ душѣ читателя, у котораго найдется чувство жалости и состраданья даже и при взглядѣ на Плюшкина, эту «прорѣху на человѣчествѣ».

Обращаясь къ роману «Евгеній», мы прежде всего должны отмѣтить односторонность его автора въ изображеніи жизни и характеровъ. Романъ Измайлова, говоря языкомъ Бѣлинскаго, даже не «синтетическія повѣрки аналитическихъ наблюденій надъ жизнью», но просто протокольная запись безобразій въ нашей жизни, фотографическіе снимки съ молодежи своего времени «въ не позволительныхъ позахъ». Авторъ «Евгенія», такъ сказать, «обезчеловѣчилъ» своихъ героевъ, сдѣлалъ изъ нихъ негодяевъ, лишенныхъ сколько-нибудь общечеловѣческихъ желаній, уродовъ, со страстями и побужденіями самыми порочными²⁾. Дѣйствительно, въ чемъ проходитъ день нашихъ героевъ, вся жизнь ихъ? Въ какомъ-то чаду безобразій: старики занимаются ростовщице-

¹⁾ В Н. Майковъ „Критич. опыты“. Спб. 1891, стр 265.

²⁾ Такъ называлъ своего героя самъ авторъ:

„Восемнадцати не больше хѣтъ
Урода этого я произвелъ на свѣтъ“.

ствомъ, сутяжничествомъ, флиртомъ, карточной игрой..., молодежь ходить по кабакамъ, игорнымъ домамъ и всю жизнь свою проводить въ одномъ лишь стремленіи къ наслажденіямъ, порою грубымъ и унижительнымъ...

Читателю скучно и душно въ такой атмосферѣ, онъ ищетъ хоть одной сцены, на которой онъ могъ бы отдохнуть въ своемъ слѣдованіи за похождениями героевъ романа, хоть одного побужденія въ нихъ общечеловѣческаго. Не находя ни того, ни другаго, читатель, пробѣгая романъ, не чувствуетъ въ немъ и присутствія автора, его «души», не видитъ той объединяющей идеи, которая охватывала бы все произведеніе. Идея эта поставлена лишь въ предисловіи, но провести ее черезъ свой романъ молодому автору было не подъ силу. Не мудрено, поэтому, что критику «Новостей» показалось, что авторъ «Евгенія» тѣшитъ лишь свое воображеніе, и Измайлову, такимъ образомъ, пришлось разочароваться въ своемъ ожиданіи, что романъ его будетъ прочтенъ и даже, можетъ быть, «нѣсколько пріятенъ».

Другой причиной неуспѣха романа Измайлова слѣдуетъ считать и нѣкоторую несвоевременность его появленія. Не забудемъ, что въ концѣ прошлаго вѣка въ нашей литературѣ завоевало себѣ симпатіи иное изображеніе жизни, чѣмъ-то, съ которымъ мы встрѣчаемся въ «Евгеніи»: переводные романы Ричардсона и др. и подражанія имъ, повѣсти Карамзина и цѣлой плеяды его подражателей открывали новую эпоху въ нашей литературѣ и вкусахъ, эпоху, въ которой герои «Евгенія» никакъ не могли уже привлечь къ себѣ вниманіе нашей публики. Дѣйствительно, Евгенийъ могъ имѣть успѣхъ лишь въ годы появленія пьесъ Фонъ-Визина и Екатерины II. Онъ былъ первый опытъ смѣло показать, именно въ формѣ реального романа, неурядицы въ нашей жизни, благодаря дурному воспитанію и сообществу, неурядицы, о которыхъ такъ много говорили русскіе люди Екатерининской эпохи, подъ иноземнымъ вліяніемъ, теребя на разные лады и въ салонахъ, и на театральныхъ подмосткахъ, и на листкахъ періодической печати, и въ проектахъ объ улучшеніи рода человѣческаго одну и ту же тему о воспитаніи. Но извѣстно, что шумные дебаты нашего высшаго общества о воспитаніи, послѣ созданія: «Недоросля» и «Бригадира», болѣе уже не находили рѣзкаго выраженія въ нашей литературѣ, это—во-первыхъ; во-вторыхъ,—гордо провозглашавшіяся теоріи по тому же вопросу не осуществлялись на практикѣ, не проникали въ жизнь, или проникали слишкомъ мало. Послѣ всего сказаннаго уже не трудно вывести, какое значеніе имѣетъ для насъ романъ Измайлова: являясь какъ-бы дополненіемъ къ литературѣ Екатерининской эпохи (по идеѣ, своему нравственно-сатирическому характеру и пр.), «Евгеній», въ то же время, прекрасный показатель, что нравы нашего общества въ концѣ прошлаго и на зарѣ настоящаго столѣтій, общества, «вздыхавшаго» по бѣдной

Лизѣ, не измѣнились, или измѣнились очень мало къ лучшему, сравнительно съ нравами времянь Простаковыхъ и имъ подобныхъ.

Въ самомъ дѣлѣ, присмотримся ближе къ дѣйствующимъ лицамъ романа Измайлова. О родителяхъ главнаго героя романа (Евгенія Негодяева) скажемъ немного: они—сколокъ съ портретовъ родителей, знакомыхъ намъ по драматическимъ произведеніямъ императрицы Екатерины, Фонвизина и сатирическимъ листкамъ того времени. Болѣе оригиналенъ въ изображеніи Измайлова самъ Евгенийъ Негодяевъ. Съ дѣтства пріученный къ мысли, что онъ, во-первыхъ, дворянинъ, во-вторыхъ, сержантъ, Евгенийъ имѣлъ высокое понятіе о своихъ достоинствахъ, тѣмъ болѣе, что модное воспитаніе, данное ему его родителями, его знаніе свѣта, умѣнье изъясняться по-французски, кланяться непринужденно и танцевать превосходно, а главное—деньги въ большомъ количествѣ и мундиръ офицера гвардіи—давали ему возможность быть однимъ изъ видныхъ представителей тогдашней золотой молодежи и одерживать безъ труда немало побѣдъ надъ женскими сордцами. Трудно сказать, какіе интересы, кромѣ жажды развлеченій, были у Евгенія: удовлетвореніе своимъ страстямъ было цѣлью жизни этого барчука, въ плоть и кровь котораго вошло убѣжденіе, что онъ дворянинъ и по сему не долженъ ничего дѣлать; «cherchez la femme!», казалось, было его постояннымъ лозунгомъ. Избравъ своимъ менторомъ Развратина, онъ прошелъ всю свою жизнь съ университетской скамьи рука объ руку съ этимъ человѣкомъ, превосходя часто даже его въ своемъ ненасытимомъ сладострастіи. Въ пять лѣтъ онъ успѣлъ промотать все, что его отецъ нажилъ въ пятьдесятъ, и умеръ въ «магистратѣ».

Другъ его, Развратинъ, какъ показываетъ самая фамилія этого героя, былъ развратнымъ во всѣхъ смыслахъ, начиная съ убѣжденій и кончая поступками ¹⁾. Назвавшись другомъ богатаго барчука, онъ принялъ на себя роль его наставника и руководителя и, засыпая его кучей бессмысленныхъ силлогизмовъ, всякій разъ, какъ тотъ находился въ нерѣшительности, всегда склонялъ Евгенія на свою сторону. Онъ въ конецъ заглушилъ въ душѣ Евгенія тѣ немногочисленные крупинцы добрыхъ чувствъ, которыхъ въ немъ не успѣло уничтожить воспитаніе, и, обманывая частенько его самымъ подлымъ образомъ, особенно когда дѣло шло о деньгахъ, успѣлъ скопить себѣ къ смерти Евгенія крупную сумму. Но какъ приходили деньги, такъ онѣ и уходили; онъ лишался

¹⁾ Вотъ какъ характеризуетъ его самъ авторъ: „это былъ человѣкъ посредственныхъ знаній, испорченныхъ нравовъ и испорченнаго сердца; хвасталъ какъ педагогъ, шелъ какъ ремесленникъ, игралъ на биліардѣ, какъ маркеръ; засловилъ, какъ богомолка, и умѣлъ съ несказаннымъ искусствомъ жить на счетъ другихъ“.

ихъ самымъ неожиданнымъ образомъ: его обворовывали. Конецъ его извѣстенъ.

Что касается остальныхъ героевъ романа, то о нихъ, въ немногихъ словахъ, можно сказать слѣдующее: не служеніе на благо общества, не трудъ, полезный для него и разумный, но лишь удовлетвореніе собственныхъ мелкихъ, чисто эгоистическихъ страстишекъ лежало въ основѣ ихъ жизни, которую они прожигали всевозможными средствами, начиная съ баловъ, обѣдовъ, салонной болтовни, кончая картами, винами и т. п. Однообразная до утомительности и пошлая ихъ жизнь, съ вѣшной стороны, была бѣдна, убога, и съ внутренней, духовной; о послѣдней авторъ даже какъ-бы избѣгаетъ говорить.

Таковы въ общихъ чертахъ герои романа «Евгеній»; таково русское дворянское общество въ изображеніи Измайлова,—изображеніи, совершенно правдивомъ въ частности, какъ отмѣтилъ еще А. Д. Галаховъ.

Присматриваясь ближе къ этому обществу, не трудно замѣтить въ немъ тѣхъ же Чудихиныхъ, Ханжихиныхъ, Простаковыхъ и т. д., словомъ, галерею тѣхъ самыхъ типовъ, что мы видимъ въ пьесахъ Екатерининской эпохи, хотя съ нѣкоторыми новыми чертами. Но если въ 70-хъ и 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія существовали: Иванушки, Митрофанушки, Ханжихины, Чудихины и проч., то развѣ ихъ не стало въ 90-хъ годахъ? развѣ воспитаніе стало лучше, а прежнее не дало своихъ результатовъ, и дѣти Простаковыхъ стали дѣйствительно людьми потому, что начали вздыхать надъ горькой участью героинь сентиментальныхъ романовъ?—Нѣтъ, общество было то же общество, но повторяемъ, конечно, съ нѣкоторыми новыми чертами. Евгеніи Негодяевы 90-хъ годовъ существовали и раньше, и, какъ увидимъ, они будутъ жить и позже, хотя подъ другой фамиліей и въ другихъ костюмахъ. Они явились на нашей землѣ, какъ разъ съ того момента, какъ въ хоромахъ помѣщичьихъ усадебъ, на всемъ протяженіи нашего отечества, зазвучала изъ устъ россияня французская рѣчь, и крѣпостные «людишки» гнули свои выи передъ годовалымъ барчукомъ, но уже въ чинѣ сержанта, выводимымъ на показъ въ мундирѣ, сему чину присвоенномъ. Чадолубивые родители примѣняли къ нимъ, сообразно измѣнявшимся понятіямъ и условіямъ жизни, разныя системы воспитанія, съ результатами которыхъ мы хорошо можемъ познакомиться, присмотрѣвшись къ портретамъ питомцевъ Вральмана, m-lle Pendard, m-me Sans Pudeur, m-g L'Abbé и т. п.

Итакъ, какія бы системы воспитанія ни примѣнялись къ нашимъ Евгеніямъ, и какъ бы послѣдніе ни различествовали между собой по своему темпераменту, уму и характерамъ,—они все тѣ же Россійскіе Евгеніи. Не сразу явились на русской почвѣ Онѣгины, но они развивались постепенно, и, какъ всякое общественное явленіе въ своемъ

развитіи подчиняется непреложнымъ законамъ измѣненій и преемственности, такъ и литературные типы, вродѣ разсматриваемыхъ нами, выработанные самой жизнью, лишь вѣрные снимки съ одного и того же русскаго человѣка, сдѣланные лишь въ разныя эпохи его возраста, въ которыя онъ успѣлъ немало измѣниться. Неизмѣримая разница, хотя бы въ умственномъ отношеніи, между Евгениемъ романа Пушкина и Евгениемъ романа Измайлова, но громадная разница между Евгениемъ послѣдняго и Иванушкой Фогъ-Визина, но всѣ они братья между собой, всѣ дѣти однихъ родителей: русскаго барина время крѣпостничества, знающаго только, что онъ—дворянинъ, и русской барыни, знающей, что она дворянка и что ея дѣтямъ нужно достойное ихъ званія воспитаніе—нужны лоскъ, свѣтъ, французскій языкъ и мундиръ,

„Одинъ мундиръ, расшитый и красивый“.

правда, потомъ, замѣненный чернымъ фракомъ, но подъ которымъ

„Слабодушіе, разсудка нищета“,

скрывался тотъ же эгоизмъ, та же душа, можетъ быть, и даровитая но искавшая лишь удовлетворенія собственнымъ страстямъ, страдавшая порой отъ неудовлетворенности собственного эгоизма, душа, которая не въ состояніи была подняться выше личныхъ интересовъ, въ сознательномъ или безсознательномъ стремленіи за которыми проходила вся жизнь нашихъ Евгениевъ. Было время, когда они кричали: «не хочу учиться, хочу жениться»; было время, когда они кидались въ омутъ разврата и или погибали тамъ, или выходили разбитыми, усталыми и ни на что негодными, кромѣ жалкаго петиметрства; было время, когда имъ надоѣдалъ и Дидло и всѣ блага земныя, и говорили они, окутавшись въ Чайльдъ-Гарольдовскій плащъ, что они, «не созданы для блаженства», или, еще лучше, что

„Жизнь ужъ насъ томить, какъ ровный путь безъ цѣли,
Какъ пиръ на правдникѣ чужомъ“ и т. д.

Поэтъ правъ, рисуя въ 30-хъ годахъ современное ему поколѣніе, какъ поколѣніе людей «къ добру и злу постыдно равнодушныхъ». Негодное воспитаніе, даваемое негодными отцами—вотъ главная причина, породившая такое поколѣніе. Такихъ взглядовъ держался очевидно и Лермонтовъ, смотря на «наше поколѣніе», какъ на «обманутыхъ сыновъ промотавшихся отцовъ»; такіе взгляды мы найдемъ и далеко до него

„На васъ, родители, потребують отчета,
Что вашихъ жизнь дѣтей позоромъ стала свѣта
И что въ безпутствахъ дни свои влекутъ они,
Причиною тому лишь вы одни“.

доносится до насъ изъ XVIII вѣка ¹⁾). Измайловъ, рисуя своего Евгенія, главной причиной, почему изъ него вышелъ уродъ (какъ онъ самъ назвалъ его впоследствии), полагаетъ воспитаніе. Итакъ, вотъ какую связь и преемственность литературныхъ типовъ и представителей русской золотой молодежи мы можемъ наблюдать въ развитіи нашей литературы въ связи съ развитіемъ русской жизни вообще. Евгеній Негодяевъ—связующее звено между героями Екатерининской эпохи и начала XIX вѣка, онъ—преемникъ первыхъ и прототипъ вторыхъ. И вотъ почему романъ Измайлова можетъ занимать видное мѣсто между романами, имѣющими не малое общественное значеніе.

Но не одинъ Евгеній имѣетъ такую связь съ предшествующими и послѣдующими типами. Не вдаваясь въ подробности, отмѣтимъ слѣдующее. Подлянковъ—блестящій прототипъ Грибоѣдовскаго Молчалина. Господа въ родѣ мосье Лепандардъ, смѣшншіе господъ Вральмановъ и т. п., со временемъ стали называться мосье Бопре, l'Abbé и т. д.; г-жа Sans Pudeur, «которая довольно дурно говорила по-русски, а читать не умѣла нисколько» и т. д., жила еще долго на Руси, и—нужно ли говорить—что подобныхъ ей не трудно встрѣтить и понынѣ.

Намъ остается сказать еще нѣсколько словъ о степени оригинальности романа Измайлова. Мы назвали его первымъ русскимъ оригинальнымъ реальнымъ романомъ,—можно еще прибавить нравственно сатирическимъ. Но, само собою разумѣется, что опредѣленіе это до нѣкоторой степени условно и требуетъ оговорокъ.

Въ прекрасномъ трудѣ Н. А. Бѣлозерской о В. Т. Нарѣжномъ ²⁾, статьѣ Благосвѣтова «Русскій прозаическій романъ ³⁾, А. Г. Лященко «Публицистическій элементъ въ романахъ Эмина» ⁴⁾ и нѣкоторыхъ другихъ читатель найдетъ немало указаній на то, что какъ элементъ, и реальное изображеніе русской жизни и общества, и нравственно-сатирическое обличеніе недостатковъ русскихъ людей, испорченныхъ дурнымъ воспитаніемъ и пр., не трудно встрѣтить въ старыхъ романахъ до Измайлова. Съ своей стороны можемъ прибавить, что Измайловъ, создавая своихъ героевъ, находился подъ сильнымъ вліяніемъ литературы какъ иностранной, такъ и русской. Достаточно указать на сходство его разсужденій о воспитаніи со взглядомъ на тотъ же предметъ Руссо, на тотъ burlesque въ его романѣ, который напоминаетъ Скаррона и пр. Что касается до вопроса о вліяніи на Измайлова лите-

¹⁾ См. „Живописецъ“, 1772 г., л. 8, письмо VII.

²⁾ Н. А. Бѣлозерская „В. Т. Нарѣжный“. Спб., 1886.

³⁾ „Сынъ Отечества“, 1856 г., №№ 28, 31, 38.

⁴⁾ Отд. отгискъ изъ „Jahresbericht der Reform. Kirchenschule für 1897—98“. Спб. 1898.

ратуры русской, то мы уже успѣли замѣтить, что типы, обрисованные Измайловымъ въ своемъ романѣ, весьма напоминаютъ героевъ комедій и сатирическихъ листковъ Екатерининской эпохи. Мало того, мы можемъ указать нѣсколько статей изъ старой сатирической журналистики, даже совпадающихъ по заглавію съ заглавіемъ «Евгенія», напр.: «Слѣдствія худаго воспитанія», «О дѣйстви добраго и худаго воспитанія», «Отъ воспитанья все зависитъ», «О худомъ воспитаніи сельскихъ дворянъ» (переводъ), «Хорошее воспитаніе лучше богатаго наслѣдства» ¹⁾ и др. Но всѣ эти статьи въ двѣ-три странички, иной разъ переводныя, имѣютъ общаго съ романомъ Измайлова лишь заглавіе и тему, о разработкѣ же въ нихъ типовъ и подробномъ развитіи ихъ, конечно, не можетъ быть и рѣчи. Статьи эти могли быть для нашего писателя лишь толчкомъ къ написанію романа, но отнюдь не источникомъ.

Заслуга Измайлова въ области исторіи русскаго романа въ томъ-то и состоитъ, что онъ былъ однимъ изъ первыхъ нашихъ романистовъ, которые глубоко чувствовали весь вредъ «ложнаго» воспитанія, скорбѣли о крайней распущенности нашей молодежи и полуобразованнаго общества, какъ результатъ нерадѣнія о своихъ дѣтахъ родителей, предпочитавшихъ «ввѣрять нравъ дѣтей распутнымъ бѣглецамъ». Измайловъ вмѣстѣ съ Н. П. Николаевымъ, хорошо понималъ, что въ томъ воспитаніи, «... что свѣтскимъ мы зовемъ

„Разврата общаго зародыши всѣ въ немъ“ ²⁾.

Но въ то время, какъ Николаевъ, для борьбы съ «развращенными нравами нынѣшняго вѣка» ³⁾, взялъ старое оружіе и уже не имѣвшее силы надъ современниками, именно сатиру, Измайловъ предпочелъ иное средство: онъ задумалъ показать обществу его правдивое изображеніе въ такой литературной формѣ, въ которой бы можно было соединить всѣ приемы, въ частности практиковавшіеся въ нашей литературѣ для борьбы съ невѣжествомъ и проч.,—онъ задумалъ реальный романъ, въ которомъ бы не надо было пускать своего героя за тридевять земель, распространяться о примѣрахъ добродѣтели, дѣлать нравственно-дидактическія вылазки и т. п., словомъ, бросить рутину и дать простое реальное изображеніе дикихъ нравовъ своихъ современниковъ, какими онъ видѣлъ ихъ постоянно передъ глазами.

¹⁾ „Живописецъ“ стр. 138; „Праздное время“, ч. I, стр. 163; „Ярославск. ежемѣсяч. соч.“, ч. I, стр. 133; „Праздное время“, ч. III, стр. 371 (см. также „Библиот. ученая“, ч. IV, стр. 156); „Ярославск. ежемѣсяч. сочин.“, ч. I, стр., 131; „Иртышъ, превращающ. въ Ипокрену, 1791, сент.

²⁾ См. любопытныя страницы о состояніи.

³⁾ См. его сатиру „На развращенные нравы нынѣшняго вѣка“, находящуюся въ сборникѣ С. А. Венгерова. „Русская поэзія“, т. I, Спб., 1880 г., стр. 801—802.

Обширное знакомство съ литературой и хорошіе образцы сатирическихъ изображеній въ нашей журналистикѣ помогли ему въ обработкѣ типовъ; пребываніе въ закрытомъ учебномъ заведеніи (гдѣ, какъ мы отмѣтили, нравы не отличались цѣломудріемъ) и ранняя тонкая наблюдательность дали ему сюжетъ и героевъ романа. Молодость и неопытность 18-ти-лѣтняго автора, повторяемъ, были виной, что Измайловъ не справился съ своей задачей: изображеніе вышло одностороннимъ и, хотя онъ могъ сказать въ свое оправданіе, что

„Я ихъ (т. е. порочныхъ) описывалъ порочныя дѣла,
А честнымъ у меня едина похвала“,

все же общество сочло книгу его вредной и недостойной для чтенія. Главный же недостатокъ романа,—его грубоватость и въ выраженіи, и въ подборѣ сценъ, и въ изображеніяхъ, грубоватость, доходившая до цинизма.

Какъ увидимъ, эта особенность въ творчествѣ Измайлова осталась навсегда характерной чертой его произведеній.

Слѣдующее по времени болѣе крупное произведеніе Измайлова—повѣсть «Бѣдная Маша» ¹⁾, изданная отдѣльной книжкой въ 1801 г.

«Простаковъ,—начинается повѣсть,—пожилой отставной офицеръ, посредственнаго достатка, посредственнаго разума, но весьма добраго сердца, жилъ со старухой, своей женой, одинакихъ съ нимъ свойствъ въ городѣ N. Главнѣйшее ихъ занятіе состояло во снѣ, въ хожденіи по праздникамъ въ церковь и употребленіи со своими сосѣдами и пріятелями домашнихъ наливокъ». Они пріютили у себя на старости лѣтъ сироту-племянницу Машу, дѣвушку такихъ прекраснѣйшихъ качествъ, что всякій сынъ говорилъ себѣ: «Дай мнѣ Богъ такую невѣсту, какова Маша». Многіе ее сватали, но понравился ей и ея родственникамъ одинъ только Миловъ, за котораго она и вышла замужъ. Но не долго наслаждалась Маша прелестями супружеской жизни: «по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ послѣ свадьбы Миловъ сталъ собираться въ ***, гдѣ, какъ сказывалъ, находился при мѣстѣ». Маша хотѣла было ѣхать съ нимъ вмѣстѣ, но краснорѣчіе мужа и Простаковыхъ убѣдило ее остаться, и Миловъ уѣхалъ одинъ, выпросивъ наканунѣ отъѣзда у своей жены ея приданное, состоявшее изъ денегъ и жемчуга. Но скоро обнаружился обманъ Милова: Маша пріѣхала съ сыномъ въ городъ, гдѣ былъ Миловъ, и застала своего мужа въ объятіяхъ какой-то Шарлотты. Свиданіе кончилось драмой: Шарлотта, понявъ, что она обольщена женатымъ человѣкомъ, «вонзила себѣ въ грудь большой ножъ»... Миловъ въ отчаяніи покушается на самоубійство, его удерживаютъ. Но такая

¹⁾ „Россійская отчасти справедливая, повѣсть“. Съ эпиграфомъ изъ Флоріана: „Il n'est point de bonheur que dans l'amour légitime“.

развязка такъ на него подѣйствовала, что онъ занемогъ «пресильной горячкой» и былъ на краю смерти. Старанія лѣкаря и заботы Маши восстановили его силы, и онъ началъ поправляться. Однако мысль о самоубійствѣ вновь овладѣла имъ, и онъ скоро привелъ ее въ исполненіе. Маша была потрясена до глубины души, и только «священный долгъ» матери и христіанки препятствовалъ ей кончить жизнь свою. Схоронивъ мужа и взявши изъ всего имѣнія, оставшагося послѣ Милова, только одинъ силуэтъ его, она возвратилась въ домъ своихъ родственниковъ, гдѣ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ и «умерла съ грусти».

Повѣстью этой Измайловъ отдалъ дань входившему тогда въ силу новому теченію въ нашей литературѣ—сентиментализму. Она написана въ духѣ сентиментальныхъ, или, какъ иные тогда въ шутку называли, «раздираательныхъ» повѣстей, въ подражаніе «Бѣдной Лизѣ» Карамзина. Но сентиментальное, очевидно, не было въ натурѣ Александра Ефимовича,—онъ былъ сатирикъ—юмористъ, что отразилось и на настоящей его повѣсти. «Природа,—какъ вѣрно замѣчаетъ Галаховъ,—отказала Измайлову въ тѣхъ принадлежностяхъ чувствительности, изъ которыхъ она становится сентиментальностью, и, напротивъ, даровала ему ту ея степень, на которой она отличается простодушіемъ и грубоватостью» ¹⁾. Такимъ образомъ, повѣсть Измайлова выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ сентиментальныхъ повѣстей того времени. съ одной стороны,—своимъ мелодраматизмомъ (на который, намъ кажется, и нельзя смотрѣть иначе, какъ на неудачную попытку автора замѣнить чувствительность «раздирающими» сценами), съ другой,—реальнымъ, близкимъ къ естественности, но съ легкимъ оттѣнкомъ юмора изображеніемъ такъ-называемаго «низменнаго» быта. Еще Булгаринъ отмѣтилъ, что въ разсматриваемой повѣсти «сцены провинціального сватовства и вообще домашній бытъ провинціала мастерски списаны съ природы, т. е., въ чувствительной повѣсти лучшая сторона—юмористическая» ²⁾. Булгаринъ на сей разъ правъ: страницы, гдѣ описано сватовство, или, напримѣръ, гдѣ приводится письмо Филимона Фатюева и т. п., читаются съ удовольствіемъ даже и теперь. Вообще, нужно замѣтить, что юмористическія нотки частенько слышатся въ этой повѣсти; при томъ въ ней нѣтъ и утомительныхъ отступленій съ сентиментальными излияніями; плаксивый, чувствительный тонъ въ ней чувствуется, сравнительно съ другими повѣстями того же рода, весьма мало ³⁾. въ ней больше простоты и естественнаго чувства, и, не приведи авторъ такихъ страшныхъ и грубыхъ кровавыхъ развязокъ, это произведеніе Измайлова было бы прекраснымъ отрывкомъ

¹⁾ „Современникъ“ 1850 г., т. 23, стр. 89.

²⁾ „Сѣверная Пчела“ 1849 г., № 141.

³⁾ Въ другомъ болѣе позднемъ подражаніи Карамзину („Что нужно актеру?“) Измайловъ вовсе отбросилъ „чувствительность“.

изъ жизни простодушныхъ россянъ, прозябающихъ въ провинціи за своими будничными дѣлишками да наливочками, въ мирной болтовнѣ съ сосѣдами, со всею ихъ наивностью, а вмѣстѣ и невѣжествомъ.

Въ заключеніе отмѣтимъ, что языкъ повѣсти отличается ясностью и легкостью, начало же ея, которое мы выписали, прямо-таки прекрасно по своей простотѣ и ровному, спокойному тону эпического разсказа съ легкимъ отгѣнкомъ юмора.

Слѣдующею и послѣднею повѣстью Измайлова была повѣсть «Ибрагимъ и Османъ или трудись, дѣлай добро и будешь счастливъ»¹⁾.

«Въ царствованіе славнаго калифа Гарунъ Альрашида,—начинается повѣсть,—жилъ неподалеку отъ Багдада старый мудрецъ, по имени Ибрагимъ». Это былъ человѣкъ идеальной честности, человѣкъ, всю жизнь свою посвятившій «дѣланію добра» своимъ ближнимъ; благодѣянія, щедро, но съ разборомъ, расточаемыя имъ, назидательныя бесѣды, умныя совѣты, знаніе жизни и людей, глубокія познанія въ наукахъ,—все это привлекало много народу въ деревню, гдѣ онъ жилъ, и слава о немъ разносилась на далекое пространство. Молва о немъ дошла и до Османа, сына Кебиба (короля дамасскаго), который, несмотря на всѣ удобства жизни, роскошь, славу и прочія блага, ниспосланныя ему судьбой, чувствовалъ себя неудовлетвореннымъ. Онъ рѣшилъ пріѣхать къ Ибрагиму и просить мудреца помочь ему найти счастье жизни. Мудрецъ ласково принялъ королевича и предложилъ Осману остаться у него. Тотъ согласился, и вотъ тутъ-то, за непродолжительное пребываніе у Ибрагима, Османъ, познакомившись съ основными положеніями ученія мудреца: «трудись, дѣлай добро» etc. и вкусивши сладость жизни въ трудѣ и дѣланіи добра, понялъ, въ чемъ кроется счастье человѣка. Съ радостью Османъ возвратился домой и во все продолженіе своей жизни, твердо памятуя наставленія Ибрагима и на дѣлѣ слѣдуя его ученію, чувствовалъ себя счастливымъ, ибо жизнь его проходила, полная труда, радѣнія о ближнихъ и дѣланія добра.

Повѣсть эта принадлежитъ къ числу такъ-называемыхъ «восточныхъ» повѣстей. Въ своей статьѣ объ А. П. Бенитцкомъ²⁾, мы имѣли уже случай говорить о восточной повѣсти вообще и о степени ея распространенія у насъ въ Россіи. Поэтому, здѣсь отмѣтимъ лишь, что Измайловъ,—сатирикъ-бытописатель по преимуществу,—рано почувствовалъ, на-ряду съ другими сродными ему по таланту писателями, все удобство «восточной повѣсти», какъ формы, въ которой весьма удобно можно уложить ту или другую морально-дидактическую идею или намекъ

¹⁾ Первоначально напечатана въ „Любигелѣ словесности“ 1806 г., №№ 11 12; затѣмъ въ „Благонамѣренномъ“ 1818 г., ч. 3.

²⁾ „Журналь министерства народнаго просвѣщенія“ 1900 г., апрѣль.

за обстоятельства, требующія огласки, но о которыхъ нельзя говорить открыто и прямо.

Въ только-что разсказанной повѣсти Измайловъ, очевидно, имѣлъ въ виду провести одну изъ излюбленныхъ своихъ идей, одно изъ основныхъ положеній своего нравственного кодекса: «трудись, дѣлай добро» и проч.; если же мы обратимъ вниманіе на предшествующую этой повѣсти его статейку «Наставленіе стараго индѣйскаго мудреца молодому государю» ¹⁾, тѣсно примыкающую къ повѣсти и представляющую какъ бы эскизъ для нея, то намъ ясны станутъ и смыслъ, и цѣль этихъ двухъ произведеній Измайлова. Мы смотримъ на эти произведенія Александра Ефимовича, какъ на своего рода публицистическія работы. Дѣло въ томъ, что въ первые годы царствованія Александра, когда общественное настроеніе было особенно возбуждено, и рѣдко какой пиита не привѣтствовалъ молодого монарха и не выражалъ самыхъ радостныхъ надеждъ, начали появляться массаи разнаго рода произведенія, въ которыхъ явно, или между строкъ, дѣлались намеки на необходимость тѣхъ или другихъ перемѣнъ, предлагались совѣты и т. п., даже болѣе: начали подаваться указанія, которыя нельзя было отнести ни къ кому иному, какъ къ личности государя. Такъ и въ «Наставленіи индѣйскаго мудреца» Измайлова мы устраиваемъ желаніе автора сдѣлать нѣсколько добрыхъ указаній самому монарху, и, такъ какъ это неудобно было дѣлать прямо, то Александръ Ефимовичъ избралъ путь окольный. Съ этой точки зрѣнія можно смотрѣть. въ связи съ только-что названнымъ наброскомъ, и на «Ибрагимъ и Османъ».

Особыхъ литературныхъ достоинствъ эти работы не имѣютъ.

Въ заключеніе считаемъ не лишнимъ отмѣтить, что послѣдняя повѣсть принята была весьма сочувственно въ свое время ²⁾, долго явилась публикѣ, и Измайловъ даже перепечаталъ ее впоследствии въ «Благонамѣренномъ».

Своего рода публицистическими попытками можно считать и слѣдующія произведенія Измайлова: «Разсужденіе о нищихъ» ³⁾ и «Вчерашній день» ⁴⁾.

Первое написано подъ влияніемъ высочайшаго рескрипта, даннаго на имя камергера Витовтова 12-го мая 1802 года. Измайловъ взялъ эпитафю слѣдующія слова рескрипта: «Обыкновенное подаяніе ни-

¹⁾ Первоначально напечатана въ „Любитель словесности“ 1806 г., № 2, стр. 111—116.

²⁾ Между прочимъ, повѣсть „Ибрагимъ и Османъ“ была читана въ 1806 г. на засѣданіи вольнаго Общества любителей словесности, наукъ и художествъ и одобрена къ напечатанію.

³⁾ Спб., 1804 г., in 8°.

⁴⁾ Спб., 1807 г., in 12° (по Сопикову (№ 3115) „рѣдка“).

щимъ умножаетъ только число оныхъ» и написалъ по этому поводу разсужденіе о томъ, «какимъ способомъ можно уменьшить у насъ, въ Россіи, великое число оныхъ (т. е. нищихъ) и доставить всѣмъ прочимъ безужное пропитаніе безо всякаго на то иждивенія отъ казны».

«Нищета и бѣдность, сіи два несносныя въ общежитіи бѣдствія»,—говоритъ авторъ въ предувѣдомленіи «Разсужденія»,—«такія представляють намъ ужасныя картины и такія пагубныя влекутъ за собою слѣдствія, что, по мнѣнію моему, давно бы уже должны были обратить на себя вниманіе искусныхъ политиковъ и патріотовъ. Августѣйшій нашъ патріотъ чувствовалъ всю важность, отъ сего зла происходящую, и доказательствомъ отеческаго его попеченія о несчастныхъ его подданныхъ, страждущихъ подъ игомъ нищеты, доказательствомъ неизреченной о семъ заботливости есть высочайшій его и всѣмъ намъ извѣстный рескриптъ отъ 12-го мая 1802 года, который служилъ немалымъ побужденіемъ и мнѣ къ тому, что я вздумалъ писать о семъ предметѣ».

Загѣмъ Измайловъ, послѣ краткихъ разсужденій о необходимости и спасительности благотворенія, подходитъ къ опредѣленію истинно-несчастныхъ, каковыми онъ считаетъ нищихъ. Распредѣливъ, загѣмъ, нищихъ на три категоріи (нищіе изъ отставныхъ солдатъ, нищіе—крестьяне, нищіе—увѣчные и т. п.) и доказавъ настоящую необходимость въ облегченіи ихъ участи, авторъ говоритъ о тѣхъ неудобствахъ, съ которыми сопряжено обычное подаваніе, о невозможности имѣть при всѣхъ приходахъ богадѣльни и проч., и, наконецъ, предлагаетъ свой проектъ: переписать всѣхъ нищихъ по каждому приходу и завести во всѣхъ церквахъ нарочныя для нихъ кружки. «Нищіе, будучи извѣстны по всякому приходу, стануть приходить по воскресеньямъ въ церковь, гдѣ, по окончаніи обѣдни, въ присутствіи старосты и священника, будетъ происходить раздача денегъ, сколько на еженедѣльное содержаніе каждаго, или на другія надобности потребуется».

«Я могу увѣрить»,—прибавляетъ Александръ Ефимовичъ,—«что сборъ денегъ на нищихъ превзойдетъ ожиданіе... Каждый усердный прихожанинъ, идучи въ праздникъ въ церковь и бравши съ собою на свѣчи, на церковное строеніе и проч. деньги, конечно, не забудетъ положить нѣсколько монетъ въ одну изъ сихъ кружекъ». Кромѣ церквей, по предложенію автора, слѣдуетъ поставить кружки и въ другихъ мѣстахъ, «куда собираются часто для одного только увеселенія и излишнихъ прихотей, напримѣръ: въ маскарадахъ, театрахъ, рынкахъ, даже въ самыхъ кофейныхъ домахъ и трактирахъ». Вотъ средства для борьбы съ нищетою, которыя 80 лѣтъ тому назадъ Измайловъ предлагалъ съ нѣкоторымъ опасеніемъ за ихъ «сообразность», но которыя, какъ всѣмъ извѣстно, въ наше время практикуются въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Но вниманіе гуманнаго Измайлова останавливали не одни лишь

нище: онъ живо сознавалъ необходимость подачи помощи и бѣднякамъ ремесленникамъ, художникамъ и т. п. лицамъ, обремененнымъ часто большими семействами и по тѣмъ или другимъ причинамъ не могущимъ доставать себѣ необходимыхъ средствъ къ существованію. Вотъ почему онъ съ искреннимъ восторгомъ повторялъ въ концѣ своего проекта слѣдующія слова рескрипта: «надлежитъ искать несчастныхъ въ самомъ жилищѣ ихъ, въ обители плача и стenanія, ласковымъ обращеніемъ, спасительными совѣтами, словомъ, всѣми нравственными и физическими способами стараться облегчать судьбу ихъ,—вотъ въ чемъ состоитъ истинное благодѣяніе». Изъ біографіи Измайлова мы уже знаемъ, что онъ въ продолженіе всей своей жизни удовлетворялъ всѣмъ только-что изложеннымъ требованіямъ «истиннаго благодѣянія».

Еще болѣе благородства и искренняго прямодушія выказалъ Измайловъ въ другой своей работѣ «Вчерашній день». Это—небольшой рассказъ, гдѣ авторъ между картинами сытой праздности нашего дворянства и непосильнаго труда бѣдняка вставилъ нѣсколько своихъ разсужденій о жалованіи и пенсіяхъ. Будучи самъ чиновникомъ и свидѣтелемъ, какъ тяжело жилось въ столицѣ его сослуживцамъ, Измайловъ предлагаетъ для вспоможенія имъ слѣдующія средства: съ рѣдкимъ простодушіемъ онъ проситъ господъ отставныхъ чиновниковъ, имѣвшихъ родовое имѣніе, или скопившихъ въ продолженіе службы благопріобрѣтенное состояніе, отказаться отъ небольшихъ пенсій, а богатыхъ молодыхъ людей, получавшихъ, но проматывавшихъ по пустякамъ свое жалованіе, отказаться—отъ него, дабы и то и другое (т. е. пенсіи и жалованье) обратить въ пользу бѣдныхъ чиновниковъ.

Объ остальныхъ прозаическихъ произведеніяхъ Измайлова, которыя авторъ помѣщалъ на страницахъ издаваемыхъ имъ журналовъ, можно ограничиться немногими словами. Александръ Ефимовичъ писалъ были, анекдоты, діалоги, посланія, «мысли» и т. п. небольшіе наброски, которые въ то время служили необходимымъ балластомъ послѣднихъ страницъ каждой книжки журнала. Несмотря на разнообразіе только-что перечисленныхъ набросковъ, всѣ они имѣютъ нѣсколько общихъ чертъ.

Во-первыхъ, они написаны прекраснымъ, по тому времени, легкимъ, языкомъ; во-вторыхъ, большинство ихъ не что иное, какъ картинки изъ нашей прошлой для автора или современной ему жизни. странички изъ нашего быта, на которыхъ просто и правдиво авторъ рассказываетъ о тѣхъ неурядицахъ въ нашемъ строѣ жизни, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ; или которыя въ изобиліи хранилъ въ своей памяти по наслышкѣ. Заявивъ себя въ первомъ крупномъ прозаическомъ сочиненіи бытописателемъ юмористическимъ, Измайловъ остался таковымъ во все продолженіе своей литературной дѣятельности. Во всѣхъ своихъ мелкихъ прозаическихъ произведеніяхъ (и, какъ увидимъ, въ басняхъ) нашъ писатель

*

имѣлъ въ виду бытописаніе, иной разъ, съ морально-дидактическими тенденціями, но почти всегда подъ легкой дымкой простодушнаго юмора.

Безобразія въ нашей жизни различныхъ слоевъ общества (преимущественно дворянъ), самодурство, грубость и дикость нравовъ, корыстолюбіе, неблагодарность, ханжество и т. п.—вотъ главные темы Измайлова. Замѣтимъ при этомъ, что онъ любилъ иногда обращаться къ тѣмъ самымъ вопросамъ, что волновали его раньше и о которыхъ онъ успѣлъ уже высказаться,—возьмемъ хотя бы вопросъ о дурномъ воспитаніи и сообществѣ: показавъ слѣдствія того и другаго въ романѣ «Евгеній», Измайловъ много лѣтъ спустя въ анекдотахъ «Красныя дѣти» и «Русская жена»¹⁾ рассказалъ о двухъ фактахъ, которые могутъ служить хорошей иллюстраціей къ его юношескому произведенію. Но описывая отрицательныя стороны нашей жизни и общества, Измайловъ нерѣдко съ любовью останавливался на изображеніи и противоположныхъ, въ доказательство чего можно привести, напр., его анекдотъ «Стряпчій Миротворовъ»²⁾ и др.

Наконецъ, между мелкими прозаическими твореніями Измайлова можно насчитать немало и такихъ, которыя имѣютъ интересъ исключительно біографическій, гдѣ авторъ говоритъ о своей особѣ, сообщая иной разъ даже мельчайшія подробности своей жизни, говорить о томъ, какъ проводитъ день, какія у него занятія, привычки, говорить о своей семьѣ, знакомыхъ прислугѣ и пр. Въ наше время появленіе такихъ признаній автора въ печати было бы, конечно, курьезомъ въ высшей степени, но при патриархальныхъ нравахъ печати временъ «Благонамѣреннаго», они не казались компрометирующими автора; рѣшимость же Измайлова обнародовать на страницахъ своего журнала можно объяснить лишь крайней откровенностью нашего писателя, его простодушіемъ, доходящимъ иной разъ до наивности.

О другихъ мелкихъ прозаическихъ произведеніяхъ Измайлова, имѣющихъ ближайшую связь съ дѣятельностью его какъ редактора-издателя «Благонамѣреннаго», скажемъ въ своемъ мѣстѣ, пока же заключимъ эту главу обзоромъ двухъ работъ его характера критическаго; мы имѣемъ въ виду его «Опытъ о разказѣ басни» и «Разборъ басень».

Рано избравъ басню излюбленной формой своего творчества, Измайловъ скоро обратился къ изученію теоретической ея стороны. Съ этой цѣлью, вооружившись знаніемъ французскихъ теоретиковъ басни, онъ приступилъ къ широко задуманной работѣ—трактату о баснѣ, и

¹⁾ „Полное собраніе сочиненій“, т. II, стр. 110, 115.

²⁾ Ibid, стр. 106.

затѣмъ, утвердившись въ теоретическихъ принципахъ, началъ примѣнять на практикѣ свои научно-выработанные приемы. Плодами его занятій въ этомъ направленіи явились «Опытъ о разсказѣ басни» и «Разборы басенъ» извѣстныхъ нашихъ баснописцевъ: Хемницера, Дмитриева, Крылова и др. (Второй трудъ остался незаконченнымъ: обстоятельства помѣшали Измайлову выполнить его въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ онъ хотѣлъ). Разсужденія о баснѣ и разборы появлялись частями, съ 1815 г., сперва на страницахъ «Вѣстника Европы», затѣмъ «Сына Отечества» и «Благонамѣреннаго»; въ исправленномъ видѣ, авторъ помѣщалъ ихъ въ собраніяхъ своихъ сочиненій (изд. 1817, 1821 г.), и, наконецъ, они вышли отдѣльной книгой, составлявшей 3-ю часть собранія сочиненій Измайлова, изд. 1826 года.

Опыты эти съ самаго начала появленія своего въ свѣтъ вызвали оживленные толки въ журналистикѣ, мало того, появились даже отдѣльныя изданія за и противъ Измайлова ¹⁾; но большинство привѣтствовало появленіе такихъ работъ Александра Ефимовича ²⁾, его называли даже законодателемъ русскаго баснописанія ³⁾; самъ авторъ считалъ свои опыты одними изъ лучшихъ трудовъ своихъ и ставилъ ихъ себѣ въ особую заслугу. И дѣйствительно Измайловъ былъ въ правѣ гордиться ими: для своего времени, его разсужденія были дѣйствительно «классическимъ» трудомъ,—это была первая (на русскомъ языкѣ) серьезная и болѣе полная работа по теоріи басни. Но для насъ теперь она, конечно, имѣетъ мало значенія, какъ по характеру критическихъ приемовъ Измайлова, такъ и потому, что «Опытъ» его далеко не оригиналенъ. Дѣло въ томъ, что немногочисленный запасъ критическихъ приемовъ Измайлова былъ заимствованъ имъ изъ французскихъ теоретическихъ сочиненій. Критика Измайлова была критика чисто французская конца прошлаго столѣтія. Ни эстетическая, ни психологическая оцѣнка не имѣла виднаго мѣста въ критическихъ отзывахъ тогдашнихъ даже извѣстныхъ французскихъ критиковъ, съ которыми обращался Измайловъ; главное вниманіе ихъ устремлялось на чисто внѣшнюю сторону произведенія, и ихъ поверхностныя разсужденія вертѣлись на критикѣ языка и филологическихъ замѣткахъ: грамматика, стилистика и версификація—вотъ главные пункты, изъ которыхъ исходили ихъ отзывы.

Взявъ себѣ за руководство комментарій на Лафонтена, составленный

¹⁾ См. Окуловъ: „Разсмотрѣніе разсужденія, изданнаго Измайловымъ въ журналѣ „Сынъ Отечества“ о баснѣ и самыя басни его“. Спб. 1817; А. Р. „Два опыта въ словесности“. Спб. 1816.

²⁾ См. „Духъ Журналовъ“. 1816, № 3; „Русск. Вѣстн.“. 1817, №№ 11—12; „Отеч. Записки“. 1821, ч. VIII; „Украинск. Вѣстникъ“, 1817, ч. VIII, 113—120 и др.

³⁾ См. „Карманная книжка Азныдъ“. Спб. 1821, стр. 194.

Батте, Гильономъ, Шамфоромъ, Нодье etc., Измайловъ былъ вѣренъ въ своемъ «Опытѣ» и въ разборахъ басенъ. Такъ что, въ этомъ отношеніи, т. е. по тѣмъ самымъ приемамъ, которыми пользовался Измайловъ въ своихъ критическихъ разсужденіяхъ, онъ въ правѣ былъ назвать свои разборы «примѣчаніями», ибо говорить о дѣлостности, о полнотѣ подобной критики, конечно, нельзя. Дѣйствительно, это были примѣчанія на отдѣльные слова произведенія, выраженія красивыя и некрасивыя, легкія и тяжелыя и т. п., но особенности чисто метрическія и пр. Согласно такимъ взглядамъ на роль и обязанности критика, Измайловъ, конечно, былъ правъ допустить и такія—съ нашей точки зрѣнія—вольности, какія онъ позволилъ себѣ по отношенію къ изданію сочиненій Озерова. Ему не понравились нѣкоторыя шероховатости въ стихахъ—и онъ сгладилъ ихъ. Напр., Эдипъ говоритъ Полинику:

„Зри ноги ты мои, скитавшись изъязвленны;
Зри руки, милостынь прошеньемъ утомленны;
Ты зри главу мою, лишенную волосъ“.

Измайловъ послѣдній стихъ исправляетъ такъ:

„Зри и главу мою, лишенную волосъ“.

И сдѣлалъ онъ это по слѣдующему соображенію, приведенному въ предисловіи изданія:

«... Озеровъ, равно какъ и Державинъ, былъ великій поэтъ, но не всегда, какъ и тотъ, искусный стихослагатель (*versificateur*). Этотъ недостатокъ есть, такъ сказать, неизбѣжная дань, заплаченная ими тому времени, въ которое начали они писать, не учась классической словесности и не имѣя тогда образцовъ исправнаго стихосложенія»³⁾.

Не вдаваясь въ болѣе подробную оцѣнку названныхъ трудовъ Измайлова, изложимъ содержаніе его «Опыта» и приведемъ примѣры его разборовъ.

«Опытъ» состоитъ изъ 7 главъ: въ первой говорится о 3-хъ главныхъ качествахъ разсказа: краткости, ясности и правдоподобіи; при томъ рекомендуется «не начинать разсказа весьма издалека и не входить въ излишнія подробности», оканчивать разсказъ въ надлежащемъ мѣстѣ не дѣлать безъ нужды отступленій отъ главной матеріи, особенно, продолжительныхъ, не говорить того, что всякій легко можетъ подразумевать и т. д. Въ слѣдующей главѣ говорится «объ украшеніяхъ разсказа», затѣмъ о простотѣ, естественности, «о пріятномъ» (*le gracieux*), «о забавномъ» (*le plaisant*); послѣдняя болѣе обстоятельно изложенная глава посвящена разсужденію о простодушіи (*le naïf*). Самостоятельнаго

³⁾ Извѣстно, что за такое самоуправство съ текстомъ Измайлова немало упрекали. Тотъ оправдывался. (См. „Благонамѣренный“, 1824, т. 8).

во всѣхъ этихъ отдѣлахъ мало; по большей части разсужденія Измайлова представляютъ или пересказъ или переводъ изъ того или другаго автора. подкрѣпляемый сравненіями и примѣрами изъ басенъ отечественныхъ писателей; къ чести нашего писателя слѣдуетъ отмѣтить ясность изложенія его «Опыта» и простоту въ систематизаціи добытыхъ имъ матеріаловъ. Изъ «Разбора басенъ» Измайлова приведемъ для примѣра отрывки изъ его разбора басни Крылова «Лягушки, просящія царя».

По обыкновенію, писатель нашъ приводитъ сначала басню и затѣмъ сопровождаетъ нѣкоторыя строки ея примѣчаніями». Вотъ чтó напр. говоритъ онъ по поводу стиха

„И плотно такъ онъ трепнулся на царство“:

«Какъ выразителенъ и этотъ тяжелый пятистопный стихъ! Первая половина онаго оканчивается односложнымъ словомъ, вторая оканчивается также односложнымъ, за которымъ слѣдуетъ длинное слово «трепнулся». Невозможно не остановиться на сихъ двухъ односложныхъ словахъ и на первомъ слогѣ слѣдующаго слова: трепнулся. Все это чрезвычайно живо изображаетъ описываемое здѣсь дѣйствіе. Кажется, видишь, какъ этотъ царь упалъ съ неба на землю, отскочилъ немного вверхъ, потомъ опять упалъ и остался уже на мѣстѣ».

По поводу слѣдующаго стиха

„Что ходенемъ пошло трясинно государство“.

Измайловъ вспоминаетъ отзывъ В. А. Жуковскаго ⁴⁾ и прибавляетъ свое замѣчаніе:

«Живопись въ самыхъ звукахъ! Два длинныхъ слова: ходенемъ и трясинно прекрасно изображаютъ потрясеніе болота. Гильенъ въ примѣчаніи своемъ въ баснѣ Лафонтена: «Le chat et un vieux rat» говоритъ, что изобрѣтенное имъ слово: la gent trottemenu, такъ какъ многія другія его же выраженія и прочихъ оригинальныхъ поэтовъ, потеряны для иностранныхъ языковъ. То же самое должно сказать и о настоящемъ русскомъ выраженіи: ходенемъ пошло: этого нельзя перевести ни на какой языкъ. Трясинно государство — весьма удачный эпитетъ» и т. д.

Заключаетъ свой разборъ Измайловъ слѣдующими словами: «Вообще басня сія у Крылова несравненно лучше, нежели у Лафонтена — а это — скажу вмѣстѣ съ г. Жуковскимъ — весьма много; ибо Лафонтенова басня прекрасна: въ стихахъ послѣдняго менѣе живописи и самый разсказъ его не столь забавенъ». Французскій стихотворецъ Павильонъ (Ра-

⁴⁾ Жуковский, „Вѣстникъ Европы“. 1809, № 9, стр. 82.

villon), жившій еще во времена Людовика XIV, вздумалъ сравнить голландцевъ съ лягушками этой басни:

„Ce peuple me parut dans ces lieux aquatiques,
Un reste libertin des grenouilles antiques,
Qui ne voulurent point de roi“.

Однако въ исходѣ минувшаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтiя, французы гораздо болѣе, нежели голландцы, походили на лягушекъ. Разность только въ томъ, что у нихъ, вмѣсто одного журавля было два: Робеспьеръ и Наполеонъ.

„Одинъ-ли у себя считаютъ черный годъ?
Ахъ! каждый день въ нихъ былъ великой недочетъ“.

Всего вышеизложеннаго, полагаемъ, достаточно, чтобы судить о критическихъ приемахъ Измайлова и ихъ достоинствахъ. Въ заключеніе позволимъ себѣ повторить, что, какъ бы для насъ въ настоящее время, ни были малоцѣнны эти безхитростныя разсужденія Измайлова ¹⁾, въ ту пору нашей литературы, въ частности критики, они были дорогимъ вкладомъ: не даромъ о нихъ такъ заговорила тогданняя печать. Измайловъ былъ однимъ изъ первыхъ нашихъ поэтовъ и первымъ изъ баснописцевъ, обратившимъ серьезное вниманіе на теоретическую сторону одной изъ формъ поэтическихъ произведеній и желавшимъ утвердить критику на болѣе прочныхъ основаніяхъ; онъ сдѣлалъ попытку дать ей научно-обоснованный фундаментъ. При такомъ серьезномъ взглядѣ на критику, понятно, почему нашъ писатель считалъ ее дѣломъ не легкимъ: «Критика не легка,—говорилъ онъ въ «Благонамѣренномъ» (1819, XI)—можно въ одинъ вечеръ написать удачно рецензію, но должно прежде употребить много времени на прочтеніе и обсуживаніе». Вотъ почему Измайловъ и дорожилъ изданіями «комментированными», «критическими» и желалъ видѣть въ таковомъ изданіи сочиненія Ломоносова, котораго весьма уважалъ ²⁾.

VI.

Стихотворныя произведенія Измайлова. — Басни. — Общая характеристика прочихъ стихотвореній.

Въ области поэзіи Измайловъ славился въ свое время и извѣстенъ и понынѣ, какъ баснописецъ. Значеніе его въ исторіи русской басни и мѣсто среди другихъ баснописцевъ точно опредѣлено въ обстоятельной

¹⁾ Извѣстно, что Кеневичъ назвалъ ихъ мелочными (См. его „Библиографъ и исторія примѣчанія къ баснямъ Крылова“. Спб. 1868).

²⁾ „Славянинъ“ 1828, VIII

а пространной статьѣ А. Д. Галахова, напечатанной имъ въ 1849 г. на страницахъ «Современника» (т. 18-й) по поводу Смирдинскаго изданія сочиненій нашего баснописца. Правда, нѣкоторые разсужденія, съ которыми почтенный изслѣдователь подходилъ къ разбору басенъ Измайлова, въ настоящее время нѣсколько уже устарѣли, но съ выводами, къ какимъ привело его изученіе басенъ Измайлова, мы должны согласиться, и намъ остается о двухъ вышепоставленныхъ пунктахъ повторить лишь сказанное А. Д. Галаховымъ. Впрочемъ, сдѣлаемъ нѣсколько предварительныхъ замѣчаній.

Въ началѣ текущаго столѣтія, когда выступилъ съ своими баснями нашъ «фабулистъ», какъ называлъ себя Измайловъ, басня получила у насъ широкое распространеніе: не говоря уже о томъ, что можно было насчитать много баснописцевъ въ обѣихъ столицахъ, ихъ было немало и въ провинціи, были даже отдѣльныя изданія провиціальныя баснописцевъ. О широкомъ распространеніи у насъ басни, о симпатіяхъ читателей къ ней свидѣтельствуютъ и письма Александра Ефимовича.

«Кажется, у насъ любятъ теперь читать басни—пишетъ онъ И. И. Дмитріеву.—Никогда еще не раскушали здѣсь такъ хорошо ни одной книги, какъ раскушаютъ нынѣ басни Крылова... Завидую его успѣхамъ—говорится въ томъ же письмѣ—многіе здѣсь принялись писать басни и пишутъ ежели неуспѣшно, за то весьма успѣшно»¹⁾.

Несмотря на такое обиліе баснописцевъ, имя Измайлова было не изъ послѣднихъ между ними, и при каждомъ новомъ появленіи въ свѣтъ отдѣльныхъ изданій его басенъ—а ихъ было при жизни автора пять—критики тотчасъ пускались въ сравненіе Измайлова съ самыми видными представителями нашей басни. Его сравнивали съ Хемницеромъ, называли его «дружкой» Крылова и пр.; «Revue Encyclopedique» назвалъ его за басни первымъ русскимъ Теньеромъ²⁾, и, съ легкой руки этого органа, прозвище Измайлова «Россійскій Теньеръ № 1-й» осталось навсегда за нашимъ писателемъ³⁾; выраженіе: «теньерю по-прежнему» было однимъ изъ любимыхъ выраженій его, которымъ онъ опредѣлялъ характеръ своей дѣятельности, какъ баснописца. Званіе «фабулиста» для него было дороже всякихъ другихъ; басня была его излюбленной формой поэтическихъ произведеній, и въ позднѣйшихъ сочиненіяхъ Александра Ефимовича встрѣчаются частыя сѣтованія его на невозможность заниматься, по тѣмъ или другимъ обстоятельствамъ, баснописаніемъ. Онъ былъ высокаго мнѣнія о баснѣ, какъ литературной формѣ, придавалъ ей весьма большое значеніе. считалъ, что въ ней

¹⁾ „Русскъ Архивъ“ 1871 г., стр. 952.

²⁾ „Revue Encyclopedique“. 1821, v. 9, p. 604.

³⁾ „Россійскимъ Теньеромъ № 2-й“, звали В. Т. Нарѣзнаго.

именно и можно выказать свой талант и остроуміе предпочтительно предъ другими видами поэтическихъ произведеній¹⁾. «Баснописецъ,—говорилъ онъ въ письмѣ къ И. И. Дмитріеву—долженъ быть настоящій поэтъ, то-есть долженъ имѣть чувство, составляющее существенное свойство поэта». Отмѣтимъ, наконецъ, что Измайловъ, держась вообще скромныхъ взглядовъ на свою писательскую дѣятельность, считалъ басни лучшими своими произведеніями:

„Хоть басни у меня не такъ-то хороши,
Но это лучшія мои стихотворенья“

говорилъ Александръ Ефимовичъ, поднося С. Д. Пономаревой изданіе своихъ басенъ. Печать и общество смотрѣли на Измайлова преимущественно какъ на баснописца. Что касается критики, то сужденія о нашемъ баснописцѣ были весьма разнорѣчивы, часто прямо противоположны (иногда даже у одного и того же лица, какъ напр. Бѣлинскаго). Нѣкоторые признавали въ немъ недюжинный талантъ, считали однимъ изъ крупныхъ баснописцевъ, иногда даже превосходящимъ Дмитріева и Крылова, иные же отворачивались отъ него, не хотѣли говорить объ его басняхъ или упоминали имя нашего баснописца съ полнымъ пренебреженіемъ. Для наглядности приведемъ нѣсколько фактовъ изъ этихъ отношеній.

Первыя изданія басенъ Измайлова были, вообще, приняты весьма сочувственно; критика, благосклонно отнесшаяся къ первому (1814 г.) изданію басенъ скромнаго автора, выпустившаго ихъ въ свѣтъ—какъ онъ говорилъ въ предисловіи—единственно по просьбѣ друзей, въ 1817 г. (2-е изданіе), поставила Александра Ефимовича въ рядъ съ лучшими баснописцами того времени:

«Басни Хемницера, Дмитріева и Крылова—говорится въ одной рецензіи—должны быть въ библіотекѣ всякаго любителя отечественной словесности. То же почти самое можно сказать и о басняхъ г-на Измайлова.... Басни его и сказки, сверхъ шитическаго достоинства, имѣютъ чисто нравственную цѣль и могутъ быть одобрены для чтенія юношеству»....²⁾

О заимствованіяхъ Измайлова и подражаніи чужимъ образцамъ другой критикъ говоритъ:

«Въ семъ отношеніи можно причислить къ подлиннымъ русскимъ сочиненіямъ все то, что Измайловъ заимствовалъ изъ чужеземной сло-

¹⁾ Въ этомъ, конечно, можно усмотрѣть вліяніе Брейтингера, котораго ученіе о баснѣ, какъ высшемъ родѣ стихотворства, еще не потеряло силы при Измайловѣ.

²⁾ „С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1817 г., первое прибавленіе къ № 94, стр. 940.

весности. Чистота слога, живое изображеніе мыслей принадлежит тому, кто обогатилъ память и мысли всѣми оборотами отечественнаго слова»¹⁾).

О широкихъ симпатіяхъ къ Измайлову за первый періодъ его дѣятельности, какъ баснописца, можно судить по тому факту, что, лишь только начали раздаваться неблагопріятные о немъ отзывы, большинство журналовъ и газетъ сочло нужнымъ вступить за него; такъ было напр. въ 1817 г. при появленіи книги Окулова: «Разсмотрѣніе разсужденія, Измайловымъ изданнаго о баснѣ, и самыхъ басенъ его»²⁾. Но чѣмъ далѣе шло время и Измайловъ болѣе уклонялся отъ образцовъ, которымъ раньше подражалъ, и становился самостоятельнѣе, чѣмъ болѣе онъ укрѣплялся въ своемъ «тенберовскомъ» направленіи, тѣмъ чаще начали появляться рецензіи на его произведенія, но за то и рѣзче становились нападенія на него. Конечно, среди критиковъ необходимо различать и друзей и враговъ Измайлова, каковыхъ было у него немало; но, подводя итогъ отзывамъ, которые мы встрѣтили въ современныхъ журналахъ, нельзя не замѣтить того общаго недоброжелательства и недовольства чрезмѣрнымъ «тенберствомъ» Измайлова, его мужиковатостью, которой проникнуты почти всѣ его басни.

Не желая утомлять вниманія читателя выписками, предложимъ болѣе характерные отзывы. Изъ числа одобрительныхъ укажемъ напр. рецензію «Сына Отечества»:

... «Г-нъ Измайловъ трудами своими пріобрѣлъ почетное мѣсто между нашими баснописцами; особенно отличается онъ точнымъ, близкимъ изображеніемъ низкой природы: его сказки, въ которыхъ главную роль играютъ люди пятнадцатаго класса, могутъ назваться единственными въ нашей литературѣ»³⁾).

«... Черты его рисунковъ почти всегда глубоки и вѣрны,—говорится въ другой рецензіи—образы естественны и живы; онъ умѣлъ схватить оригинальные оттѣнки народнаго характера, особенно же въ сочетаніи идей, тонъ народнаго чувства и покровъ въ оболочкѣ мысли»⁴⁾...

Или вотъ напримѣръ любопытный отзывъ «Библиотеки для Чтенія»:

«Свѣтъ коваренъ! Сердца человѣческія перемѣнчивы! Нельзя ничему и никому довѣрять. Тѣ, которые нѣкогда торжественно ставили басни Измайлова выше басенъ Крылова, нынче торжественно пьютъ шампанское въ честь неподражаемому таланту Крылова; тѣ, которые недавно утверждали, что басни Измайлова стыдно читать, теперь рас-

¹⁾ „Русск. Вѣстникъ“ 1817 г., № 11—12, стр. 81.

²⁾ См. выше.

³⁾ „Сынъ Отечества“, 1821, № 36, стр. 135.

⁴⁾ „Иллюстрація“ 1846, II, № 18 (Перепечат. въ словарѣ Крайя, Спб. 1847, т. VI, ч. I, стр. 46).

хваливаютъ 5-е и 6-е изданіе его басенъ... А между тѣмъ Измайловъ право не заслуживалъ ni cet excès d'honneur, ni cette indignité... Измайлова упрекаютъ за выборъ, особенно въ его сказкахъ, предметовъ большею частью, низкихъ. Прошу покорно! а Поттерову корову находятъ геніальнымъ произведеніемъ. О люди, люди!—я хотѣлъ сказать: о лицемѣры, лицемѣры!... Измайловъ не былъ одаренъ ни талантомъ, ни остроуміемъ, ни вкусомъ Крылова, но онъ также не заслуживалъ того презрѣнія, которое теперь оказываютъ къ нему прежніе почитатели... У Измайлова много простодушія и при томъ большая часть его произведеній отличаются неподдѣльнымъ русскимъ юморомъ. Стихи его вообще гладки и многіе изъ нихъ обратились въ поговорки¹⁾»...

Сравненіе Измайлова съ Крыловымъ и другими баснописцами напрашивалось само собой, и рѣдкій критикъ упускалъ случай высказать это сравненіе. Между прочимъ, сравнивалъ его съ Крыловымъ князь П. А. Вяземскій, отмѣтившій въ своей записной книжкѣ: «Измайловъ—подгулявшій Крыловъ²⁾»; также Ф. Ф. Вигель замѣчаетъ о немъ въ своихъ воспоминаніяхъ:

«... Это былъ Крыловъ, навеселѣ зашедшій въ казарму, въ харчевню или въ питейный домъ³⁾» и др.

Но были отзывы и весьма неодобрительные, даже враждебные. Такой отзывъ, напр., былъ помѣщенъ въ «Галатеѣ⁴⁾» (по поводу 6-го изданія), гдѣ басни его, какъ «чтеніе для юношества», были совершенно забракованы.

Но, конечно, болѣе разумная и дѣльная критика басенъ Измайлова была дана Бѣлинскимъ, поставившимъ ихъ выше напр. басенъ В. Измайлова, В. Пушкина и др.

«Измайловъ—говоритъ онъ—заслуживаетъ особенное вниманіе по своей оригинальности; тогда какъ первые подражали Хемницеру и Дмитріеву, онъ создалъ себѣ особый родъ басенъ, герои которыхъ: отставные квартальные, пьяные мужики и бабы, ерофеичъ, сивуха, пиво, паюсная икра, лукъ, соленая севрюжина; мѣсто дѣйствія—пѣза, кабакъ,

¹⁾ „Библиот. для Чтенія“ 1839, т. XXXII, стр. 71.

²⁾ Полное собраніе сочин. кн. П. А. Вяземскаго, т. VIII, стр. 25.

³⁾ Записки Ф. Ф. Вигеля, т. III, Москва 1892, стр. 153.

⁴⁾ „Галатея“ 1839, I, 562. Главнѣйшіе отзывы о басняхъ Измайлова въ хронологич. порядкѣ: „Русск. Вѣстн.“ 1817, № 9; „Украинск. Вѣстн.“ 1817, ч. VIII; „Отеч. Записки“ 1821, ч. VIII; „Соревноват. Просвѣщ.“ 1822; „Сынъ Отечества“ 1823, № 3; „Литер. Листки“ 1824, IV, VI; „Московск. Телегр.“ 1826, ч. VII; „Сѣверн. Пчела“ 1826 № 138; «Московск. Телегр.» 1827 № 13 и 14; Ibidem 1830; № 3 и 7. „Литерат. приб. къ Русск. Инвалиду“ 1833, № 49; „Библиот. для Чтенія“ 1839, т. 32; „Сынъ Отеч.“ 1839, VIII; „Московск. Наблюдат.“ 1839, т. II; „Отечеств. Зап.“ 1839, т. II; „Библиот. для Чтенія“ 1849 „Сѣверн. Пчела“ 1849, № 141, 142 и др.

харчевня. Хотя многія изъ его басенъ возмущаютъ эстетическое чувство своею тривиальностью, за то нѣкоторыя отличаются истиннымъ талантомъ и плѣняютъ какою-то мужиковатою оригинальностью. Таковы, напр., «Священникъ и крестьянинъ», «Пьянюшкинъ, отставной квартальный» и пр. Но лучшее его произведение, доставившее ему особенную славу—«Павлушка мѣдный лобъ»¹⁾.

Къ этому, во многихъ отношеніяхъ, вѣрному замѣчанію Бѣлинскаго въ свое время Галаховымъ были сдѣланы нужныя поправки. Совершенно справедливо отмѣтилъ Галаховъ, что Измайловъ, подражая иностраннымъ образцамъ, особливо Лафонтену и Флоріану, не забывалъ и своихъ. Во многихъ басняхъ его не трудно замѣтить вліяніе и русскихъ баснописцевъ, особенно Крылова. Впрочемъ, Измайловъ и не гонялся за самостоятельностью въ смыслѣ «изобрѣтенія сюжетовъ» и самъ сознавался въ бѣдности своего творчества. „Басни мои и сказки суть большею частью не что иное, какъ вольное подражаніе иностраннымъ фабулистамъ:

„Я подражателя названіе желаю;
Свой трудъ достоинствомъ чужимъ я возвышаю“

говоритъ онъ въ предисловіи ко 2-му изданію своихъ басенъ и тутъ же приводитъ, какъ бы въ оправданіе, что и удачное подражаніе или даже просто хорошій переводъ басни—дѣло далеко не легкое. Въ послани къ В. И. Панаеву онъ прямо заявляетъ:

Бѣда съ моимъ не творческимъ умомъ!
Я въ вымыслахъ совѣмъ удачи не имѣю

Но главное достоинство басни лежитъ не въ «вымыслѣ», не въ фабулѣ и не ею опредѣляется. По образцамъ, завѣщаннымъ намъ баснописцами иностранными, а особенно отечественными, не трудно замѣтить, что главное достоинство басни заключается въ ея національности; басня прежде всего должна быть «вѣрнымъ выраженіемъ національности», не взирая на то, развита ли въ ней въ достаточной мѣрѣ фабула, поставлено ли въ началѣ или въ концѣ нѣсколько строкъ морали или же послѣдняя вытекаетъ непосредственно изъ басни и т. д. Второе требованіе отъ басни—современность. «Мысль общая при всей своей важности—говоритъ Галаховъ—можетъ быть пошлою потому именно, что она обща, всюду приложима. Сколько мелкіе баснописцы жадны къ общимъ мѣстамъ, столь же баснописцы гениальные всегда обходятъ ихъ, стремясь къ мѣстамъ, имѣющимъ современное значеніе, прямое отношеніе къ дѣйствительности. Чѣмъ важнѣе сфера современныхъ предметовъ, выражаемыхъ въ аллегорическомъ разказѣ, тѣмъ больше

¹⁾ Сочиненія т. IV², стр. 96. Хотя въ другомъ мѣстѣ (т. V, стр. 22) Бѣлинскій не высокаго мнѣнія о народности басенъ Измайлова.

басня выигрываетъ въ своемъ достоинствѣ. Чѣмъ мельче сфера предметовъ, захватываемыхъ баснею, тѣмъ мельче и сама басня. Современная національность — тѣмъ болѣе достойная, чѣмъ она важнѣе—вотъ какъ можетъ выразиться необходимое условіе басни, составляющее особенное ея отличіе, безъ котораго всѣ общія представленія принадлежности не возбуждаютъ сочувствія въ читателѣ»¹⁾.

Посмотримъ же, насколько басни Измайлова отвѣчаютъ «современной національности». Обратимъ прежде всего вниманіе на языкъ его басенъ. Правда, онъ лишенъ изящества, отдѣлки, лишенъ той художественной простоты, которая плѣняетъ насъ въ басняхъ Крылова, но въ немъ несомнѣнно чувствуется «отпечатокъ національной простонародности». Национальная простонародность—вотъ отличительная черта басенъ Измайлова и съ внѣшней и съ внутренней стороны. Но, если со стороны языка басни Измайлова рѣзко отличаются отъ басенъ Крылова своею грубоватостью, то еще болѣе замѣтна послѣдняя, когда мы обращаемся къ сюжетамъ нашего баснописца. Сфера предметовъ, которыхъ обыкновенно касался Измайловъ, «низменная порода людей», низкій, простонародный кругъ нашей жизни. «Міръ его басенъ—говоря словами Галахова—населенъ такими личностями, которыя по табели о рангахъ не восходятъ выше титулярнаго совѣтника и съ которыми часто имѣла дѣло управа благочинія. Двери салоновъ затворены для нихъ, но за то открытъ имъ входъ въ неприхотливыя увеселительныя заведенія»²⁾.

Измайловъ, повидимому, чувствовалъ всю важность народности въ поэзій, особливо въ басняхъ, онъ даже возставалъ иногда съ сатирой противъ лицъ, ложно понимавшихъ народность³⁾, но самъ-то нашъ писатель, если судить по его баснямъ, выразилъ ее и односторонне, и угловато.

Дѣйствительно, присматриваясь даже къ лучшимъ его баснямъ, составившимъ его славу, мы не можемъ не поразиться и цинизмомъ изображенія и той грубой низменной обстановкой, среди которой застаемъ обыкновенно его героевъ. Отсюда понятно то ожесточеніе нѣкоторыхъ критиковъ противъ Измайлова, съ которымъ они преслѣдовали нашего баснописца за его «тенъерство», ибо, если не правилась многимъ простонародность даже басенъ Крылова, несмотря на ихъ изящество, то басни нашего писателя отнюдь не могли удовлетворить сколько-нибудь развитой эстетическій вкусъ. Еще при жизни нашего баснописца на него сыпались ѣдкія эпиграммы; не пощадили его А. Θ. Воейковъ и А. А. Писаревъ.

¹⁾ „Современникъ“ 1849, т. 19, стр. 72.

²⁾ „Исторія русской словесности“, т. II. Москва 1894, стр. 343.

³⁾ См. „Полн. собраніе сочиненій“, т. II, стр. 285.

. . . . .
 Я люблю носы съ прыщами,
 Хожу съ лирою въ трактиръ,
 Ъмъ икру тамъ, лушь съ сельдями:
 Миръ кварталныхъ есть мой миръ“.

говорить о немъ первый въ своемъ «Домѣ сумасшедшихъ».

«Въ твоихъ разсказахъ всѣ скоты
 Скотами въ полной мѣрѣ»,

говорить о немъ второй въ «Пѣвцѣ на бивакахъ у подошвы Парнаса» ¹⁾.
 «Къ сатирическимъ произведеніямъ Измайлова—замѣчаетъ Галаховъ—
 идетъ, какъ нельзя лучше, оправданіе одного автора, высказанное въ
 52-й эпиграммѣ:

„Твой портреты очень схожи:
 На лица пишешь ты?“
 „Нѣтъ, я пишу на рожи“ (т. I, стр. 412).

Что же касается до сравненія Измайлова по выбору сюжета и способу изложенія съ Гогартомъ, Скаррономъ, Пуссеномъ и особенно съ Теньеромъ, то, хотя оно построено на чисто внѣшнемъ сходствѣ, все же допустимо, и заключеніе Галахова, что Измайловъ не былъ художникомъ, врядъ ли основательно. Избравъ героями своихъ басенъ людей низшаго, совсѣмъ не образованнаго или малокультурнаго слоя общества и показывая ихъ намъ въ ихъ обычной обстановкѣ, Измайловъ умѣлъ живо и выпукло рисовать портреты такого сорта людей, вѣрно схватывать характерныя черты ихъ и говорить ихъ языкомъ. Приведемъ одну изъ лучшихъ басенъ Измайлова: «Пьяница».

Пьянюшкинъ, отставной кварталный,
 Совѣтникъ титулярный,
 Исправно насандалилъ носъ,
 Въ худой шинелишкѣ, зимою, въ большой морозъ,
 По улицѣ шелъ утромъ и шатался.
 На встрѣчу кумъ ему, майоръ Петровъ попался.
 „Мое почтеніе!“—А! здравствуй, Емельявъ
 Архиновичъ! да ты, братъ, видво
 Уже позавтракалъ! Ну, какъ тебѣ не стыдно?
 Еще обѣденъ нѣтъ, а ты, какъ стелька, пьянъ!—
 „Ахъ! виновать, мой благодѣтель!
 Вѣдь съ гора, мой отецъ!“—Такъ съ горя-то и пить?—
 „Да какъ же быть?
 Вотъ Богъ вамъ, Алексѣй Ивановичъ, свидѣтель,
 Ъсть нечего, всѣ дѣти босикомъ;
 Жену оставилъ я съ однимъ лишь пятакомъ
 Гдѣ взять? Давно уже безъ мѣста я, несчастный!
 Сгубилъ меня разбойникъ приставъ частный!

¹⁾ „Библиографич. Записки“, т. II, стр. 614.

Я до отставки не пиваль:
 Спросите, скажетъ весь кварталъ.
 Теперь же съ горя какъ напьюся,
 То будто-бы развеселюся“.

— Не пей, такъ я тебѣ охотно помогу. —
 „Въ ротъ не возьму, ей Богу, не солгу;
 Господь порукой!..“ — Ну, полно, не бойся,
 Вотъ крестникамъ снеси полсотенки рублей —
 „Отецъ! дай ручку!“ — Ну, поди домой, проспися,
 Да, чуръ, смотри, впередъ не пей. —
 Летить Пьянюшкинъ нашъ, отколь взялися ноги,
 И чуть-чугъ не упалъ разъ пять среди дороги
 Летить .. домой? — О, нѣтъ! — Неужели въ кабакъ?
 Да, какъ бы вамъ не такъ!

Въ трактиръ, а не въ кабакъ зашелъ; чтобы промѣна
 Съ бумажки бѣленькой напрасно не платить,
 Спросилъ ветчинки тамъ и хрѣна,
 Неможко такъ перехватить,
 Да рюмку водочки, потомъ бутылку пива.
 А послѣ пуншику стаканъ,
 Другой... и наконецъ, о! диво:
 Пьянюшкинъ напился уже мертвецки пьянъ;
 Къ несчастію еще въ трактиръ онъ подрался,
 А съ кѣмъ, за что - и самъ того не зналъ,
 На лѣстницѣ споткнулся и упалъ,
 И весь, какъ чортъ, въ грязи, въ крови перемарался.
 Вотъ вечеромъ его по улицѣ ведутъ
 Два вонна осанки важной,
 Съ сѣкирами, въ бронѣ сермяжной.
 Толпа кругомъ И кумъ, гдѣ ни возьмися, тутъ,
 Увидѣлъ, изумился,
 Пожалъ плечами и спросилъ:
 — Что, вѣрно съ горя ты, бѣднякъ, опять напился? —
 „За здравіе твое отъ радости я ниль!“
 У пьяницы всегда есть радость или горе,
 Всегда есть случай пьянымъ быть;
 Закается лишь только пить —
 Да и напьется вскорѣ.

Однако, надобно, чтобъ больше шлъ народъ:
 Хоть людямъ вредъ, за то откупщикамъ доходъ“ ¹⁾

Въ баснѣ этой, какъ видитъ читатель, немало живаго драматизма, нѣтъ длиннотъ, излишнихъ отступленій, рассказъ ведется просто и естественно и въ цѣломъ рядѣ сценъ, мастерски схваченныхъ какъ бы ст

¹⁾ (Т. I, стр. 147—150). Авторъ называетъ эту басню сказкой. Но дѣланіе Измайловымъ своихъ басенъ на басни и сказки крайне неясно, искусственно и не выдержано, такъ что Галаховъ отвергъ его, какъ излишній педантизмъ, навѣянный на Измайлова иностранными теоретиками. Съ своей стороны, мы не можемъ не присоединиться къ этому справедливому мнѣнію

натуры, встаетъ живой образъ одного изъ типичныхъ героевъ басенъ Измайлова. Но и въ этой мастерски и реально написанной картинѣ есть мѣста, гдѣ замѣтна небрежность автора, какъ будто привычная или намѣренная веряшливость. Врядъ ли Измайловъ, при его умѣньи владѣть языкомъ, не могъ измѣнить напр. такихъ стиховъ: «Изрядно насандаливъ носъ», «И весь, какъ чортъ, въ грязи, въ крови перема-рался» и т. п. Кромѣ того можно сдѣлать замѣчаніе и относительно двухъ послѣднихъ стиховъ заключенія: безъ сомнѣнія, Измайловъ хотѣлъ закончить басню острою, но она вышла у него угловатою, хотя въ ней и чувствуется «довольно ѣдкая иронія»⁴⁾. По этой баснѣ Измайлова, справедливо считаемой одною изъ лучшихъ его басенъ, можно судить въ достаточной мѣрѣ какъ о свойствѣ таланта нашего писателя такъ и о манерѣ его письма вообще.

Послѣ всего сказаннаго о національности басенъ Измайлова и тѣхъ крайностяхъ, къ которымъ привело Александра Ефимова не совсѣмъ правильное пониманіе ея, и ограниченность его таланта и бѣдность воображенія, намъ слѣдовало бы рассмотретьъ, насколько современны его басни, т. е. отмѣтить темы, которыхъ касался Измайловъ въ своихъ басняхъ за все время своего баснописанія. Но объ этомъ скажемъ немного.

Басни Измайлова отличались злободневностью, и, вѣроятно, благодаря этому, главнымъ образомъ, онѣ и имѣли успѣхъ у современниковъ. Дѣйствительно, его обличенія и осмѣянія метромановъ, писателей-неудачниковъ, нападки на неравившіяся Измайлову новыя направленія въ нашей литературѣ, негодованіе на дуэли, часто въ то время происходившія въ нашемъ обществѣ, сатирическія выходки противъ извѣстныхъ въ то время лицъ (напр. П. И. Свиньина, Ганина) и т. п. могли имѣть успѣхъ лишь при жизни автора, пользовавшагося при этомъ и безъ того популярностью. Въ этомъ не трудно убѣдиться, если мы сравнимъ число изданій басенъ Измайлова, появившихся при его жизни, съ числомъ посмертныхъ. За 12-ти лѣтній промежутокъ времени, басни нашего писателя выдержали 5 изданій, затѣмъ были переизданы вскорѣ послѣ его смерти (миниатюрное изданіе 1839 г.), и уже потомъ онѣ появились полностью лишь при такъ называемыхъ «полныхъ собраніяхъ сочиненій» Измайлова (1849, 1862, 1891 г.), отдѣльно же всѣ басни не издавались, но лишь избранныя (1891, 1892, 1893, 1895); въ хрестоматіяхъ и разнаго рода сборникахъ можно встрѣтить обыкновенно лишь 2—3 басни нашего писателя. Это понятно: для современнаго читателя грубовато отдѣланныя басни Измайлова, описывающія почти исключительно мелкіе факты будничной жизни такого круга людей, ко-

⁴⁾ См. П. Н. Полевой: „Исторія русск. словесности“. С.-Пбрг. 1900 г. т. II, стр. 429.

торый такъ мало привлекаетъ къ себѣ вниманіе культурнаго человѣка, не могутъ представлять значительнаго интереса. Имѣя предъ собою басни Крылова, гдѣ съ веселой и лукавой ироніей, съ умомъ сильнымъ и трезвымъ и тонкой наблюдательностью, авторъ по истинѣ неподражаемо, въ чертахъ дѣйствительно народныхъ, изображаетъ намъ равно прекрасно и явленія общечеловѣческой жизни, и крупныя общественныя событія своего времени и пр., имѣя такіе классическіе образцы, современный читатель врядъ-ли назоветъ Измайлова «дружкой Крылова», какъ встарь его величали; современнаго читателя не подкупитъ ни тенѣрство Измайлова, ни яркое и типичное изображеніе его героевъ; но онъ безъ сомнѣнія обратитъ вниманіе на тотъ симпатичный образъ самого автора, который просвѣчиваетъ сквозь немного грязноватую оболочку его твореній. Являясь въ своихъ басняхъ не простымъ рассказчикомъ того, что происходитъ, между его героями, но принимая участіе въ описываемыхъ событіяхъ, Измайловъ, по свойственной ему откровенности, не можетъ не подѣлиться съ читателями своими чувствами и мнѣніями. Выраженія ихъ—какъ замѣтилъ еще Галаховъ,—выраженія простодушныя, иногда комичныя, но всегда вполне искренни; какъ элементъ субъективный, они могутъ служить хорошимъ біографическимъ матеріаломъ, чѣмъ мы уже успѣли воспользоваться при составленіи біографіи нашего писателя.

Еще болѣе субъективнаго элемента содержатъ въ себѣ всѣ другія стихотворныя произведенія Измайлова, каковыхъ у него немало.

Нашъ писатель, легко владѣя стихомъ, любилъ облекать свои мечты, думы, чувства, впечатлѣнія во всевозможныя стихотворныя формы, по истинѣ, при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ. Измайловъ писалъ оды, пѣсни, діалоги, посланія, элегіи, эпиграммы, эпитафіи, надписи, эспромнты, мадригалы, стихи въ альбомы и пр. и пр.; онъ пересыпалъ зачастую стихами и прозаическую рѣчь, стихами писалъ иногда дѣловыя бумаги, примѣчанія и выноски въ своемъ журналѣ (подъ чужими статьями), писалъ стихи во время безсонницы, разѣздовъ, на постояломъ дворѣ, въ дорожной кибиткѣ, на трубѣ парохода, на которомъ ѣхалъ и т. д.

Но, несмотря на все обиліе и разнообразіе подобнаго рода произведеній Измайлова, о нихъ достаточно ограничиться нѣсколькими замѣчаніями. Предварительно позволимъ себѣ привести отрывокъ изъ одного стихотворенія нашего писателя: «На отѣздѣ пріятели въ Москву». Провожая одного изъ своихъ пріятелей, Измайловъ даетъ ему нѣсколько наставленій и заключаетъ свое adieu слѣдующими словами:

„Ступай же съ Богомъ, отправляйся
И насъ въ Москвѣ не забывай,
Въ Москвѣ не долго заживайся

И въ Петербургъ къ намъ прїѣзжай
 На новую свою квартиру,
 Да привези по калачу.
 А я, какъ должно риемачу,
 Примусь тогда, примусь за лиру.
 Какая лира, чортъ,—шучу;
 Играть на лирѣ не умѣю,
 Перомъ и то кой-какъ владѣю.
 За то, умѣю я любить
 И уважать людей почтенныхъ;
 За ихъ здоровье радъ я пить
 И добрыхъ радъ въ стихахъ хвалить.
 А для лукавыхъ и надменныхъ,
 Пока въ умѣ, пока дышу,
 Ни полстиха не напишу ¹⁾,
 При случаѣ жъ и укушу.
 Ни кроводиловъ, ни лягушекъ
 Надувшихся я не терплю,
 Равно какъ хвастуновъ Павлушекъ ²⁾;
 А честныхъ, скромныхъ всѣхъ люблю“.

Отрывокъ этотъ—одинъ изъ любопытныхъ и цѣнныхъ признаній Александра Ефимовича. Съ свойственной ему правдивостью и откровенностью, онъ ясно и просто опредѣлилъ характеръ и суть своей литературной дѣятельности: изъ скромности, называя себя риемачемъ, онъ отказывается приняться за лиру и откровенно заявляетъ, что онъ перомъ «и то кой-какъ» владѣетъ; но за то онъ обладаетъ другими прекрасными качествами: искренней любовью къ людямъ честнымъ, скромнымъ и добрымъ, въ честь которыхъ онъ готовъ слагать гимны, и отвращеніемъ отъ злыхъ, на которыхъ у него готова сатира («при случаѣ жъ и укушу»). Дѣйствительно, пробѣгая мелкія стихотворенія Измайлова, какъ напечатанныя, такъ и оставшіяся въ рукописи, мы не найдемъ въ нихъ перловъ поэзіи, не найдемъ въ нихъ большой глубины мысли и воображенія, слѣдовъ высокаго поэтическаго вдохновенія; но въ простыхъ, не блещущихъ отдѣлкой (хотя и «гладкихъ») стихахъ Измайлова чувствуется душа, умѣвшая горячо любить добро и ненавидѣть зло и откровенно, по-своему, выражавшая свои движения въ риемахъ. Не будемъ сравнивать Измайлова съ его знаменитыми современниками-поэтами: его плодovitая, но бѣдная муза должна занять весьма

¹⁾ Въ высшей степени небрежномъ изданіи такъ наз. „Полнаго собр. сочинен. А. Е. Измайлова“ (т. I, стр. 291), стихъ этотъ совсѣмъ пропущенъ, почему цѣлая строфа лишается смысла. Возстановляемъ по рукописи.

²⁾ См. его басню „Лгунъ“ (т. I, стр. 180—183), начинающуюся словами: „Павлушка-мѣдный лобъ (приличное названье)!

Имѣлъ ко лжи больное дарованье“..

скромное мѣсто на російскомъ Парнасѣ; но мы должны признать Измайлова все же поэтомъ, хотя и съ небольшимъ талантомъ. Ограниченность послѣдняго сознавалъ и самъ Александръ Ефимовичъ:

„Еъ несчастью, не всегда умѣю
Что чувствую, то изъяснить“,

говорилъ онъ А. Д. Мякинину ¹⁾.

„Стихи мои не хороши“,—

писалъ онъ въ альбомъ одной знакомой дамѣ ²⁾. Но онъ не переставалъ писать ихъ до конца дней своихъ, ибо полагалъ, что

«Грѣшно пренебрегать искусствомъ

Тому, кто получилъ отъ Феба даръ и чувство» (г. I, стр. 315),

грѣшно «скрывать талантъ свой» (ibid, стр. 338).

Но какъ бы ни было мало и ограничено поэтическое дарованіе нашего писателя, Измайловъ считалъ себя дѣйствительно поэтомъ, какъ-вымъ считали его и современники.

Правда, въ нашей литературѣ начала нынѣшняго столѣтія какъ-то смѣшивали поэзію съ стихотворствомъ и, при сбивчивости понятій о творчествѣ и поэзіи, никому не казалась странной фраза Карамзина, сказанная имъ при разборѣ «Душеньки» Богдановича: «Хорошіе стихи всегда лучше хорошей прозы». Дѣло объясняется очень просто: въ стихахъ, въ то время, видѣли не что иное, какъ «мѣрную рѣчь, болѣе пріятную для слуха, чѣмъ проза»; отсюда выводили уже и преимущество стиховъ предъ прозой; этимъ же объясняется и чрезмѣрное обиліе стиховъ, буквально наводнявшихъ наши старые журналы и альманахи. Ложныя понятія о сущности поэзіи не замедлили породить у насъ легіонъ виршеслагателей, почитавшихъ себя не иначе, какъ дѣтьми Аполлона, и метроманія и риѣмобѣсіе достигли чудовищныхъ размѣровъ... Со стороны благомыслящихъ писателей начали раздаваться протесты, зачастую въ формахъ сатиры. Что же дѣлалъ Измайловъ? Какъ человекъ, постоянно вращавшійся въ средѣ писателей, и какъ редакторъ-издатель, онъ убѣждался болѣе, чѣмъ кто-либо, что страсть писать стихи обратилась въ манію, и вотъ, на страницахъ «Благонамѣреннаго» появляется цѣлый рядъ эпиграммъ, пародій и рой сатирическихъ статей въ прозѣ, направленныхъ противъ Пегасиныхъ, Риѣмолубовыхъ, авторовъ одъ, шарадъ и пр. Но, при всемъ томъ, надо отмѣтить, что и самъ Измайловъ былъ увлеченъ общимъ потокомъ и самъ заплатилъ дань модѣ и, купно съ сотрудниками своего журнала, писалъ нерѣдко то, противъ чего возставалъ. Просмотрите вторую половину перваго томика

¹⁾ «Собр. сочин.» т. I, стр. 318.

²⁾ Ibid., стр. 325.

его сочиненій, заключающую въ себѣ мелкія стихотворенія, и, на-ряду съ стихами, обличающими недюжинный талантъ автора, съ остроумными эниграммами, вы встрѣтите потуги лирическаго паренія, неудачныя попытки казаться нѣжнымъ, рядъ эпиграммъ, въ которыхъ—по выраженію Галахова—остроуміе лишь подразумевается, нѣсколько десятковъ всякаго рода надписей (сочиненныхъ, порой, по заказу), логогрифовъ, наконецъ.. шарадъ. Это неудивительно: при смутномъ пониманіи различія поэзій отъ стихотворства, Измайловъ, во-первыхъ, вообразилъ, что онъ съ одинаковымъ успѣхомъ можетъ проявить свой талантъ въ любой формѣ поэтическихъ произведеній, во-вторыхъ, казалось, готовъ былъ считать всякую рѣмованную или просто мѣрную рѣчь за плоды истиннаго вдохновенія. Но и то и другое было заблужденіями. Измайловъ былъ сатирикъ-бытописатель, и изъ-подъ его грубоватаго пера болѣе или менѣе удачно выходили строки обличенія, безразлично—писалъ ли онъ стихами или прозой, и посему лучшія его произведенія тѣ, въ которыхъ онъ является въ роли сатирика. И всѣ попытки Измайлова выйти изъ этого ограниченнаго круга своего дарованія оказывались тщетными, порой—забавными. Болѣе всего забавнымъ казалось современникамъ его желаніе прослыть «нѣжнымъ писателемъ» и постоянное повтореніе Измайловымъ незаконно присвоеннаго имъ титула «писателя для дамъ», надъ чѣмъ, какъ мы видѣли, посмѣялся въ свое время и Пушкинъ, злой Воейковъ и др.

Впрочемъ, какъ бы ни были маловажны стихотворныя произведенія Измайлова, о которыхъ сейчасъ идетъ рѣчь, нельзя обойти молчаніемъ того, что составляетъ ихъ драгоцѣнную особенность, это—искренность ихъ автора, благонамѣренность и благородство. Закрывая томикъ стихотворныхъ произведеній Измайлова, невольно вспоминается одно изъ «альбомныхъ» стихотвореній нашего писателя, посвященное В. И. Панаеву, въ которомъ, между прочимъ, Александръ Ефимовичъ говоритъ:

«Ты честный человекъ, и по стихамъ то видно». Фраза эта, на нашъ взглядъ, вполне приложима къ стихотвореніямъ Измайлова.

VII.

А. Е. Измайловъ—редакторъ-издатель.—„Цвѣтникъ“;—„Санктпетербургскій Вѣстникъ“;—„Пантеонъ русской поэзій“;—„Сынъ Отечества“. Измайловъ—редакторъ-издатель.—«Благонамѣренный».—«Сочиненія Озерова» —«Календарь музъ».

Начало дѣятельности А. Е. Измайлова, какъ редактора-издателя, относится къ 1809 году, когда онъ вмѣстѣ съ А. П. Бенитцкимъ предпри-

нялъ изданіе ежемѣсячнаго журнала «Цвѣтникъ». О возникновеніи этого журнала въ дневникѣ А. Х. Востокова находимъ слѣдующія строки: «1808 г. іюня 13-го, въ субботу, было наконецъ засѣданіе Общества (любителей словесности, наукъ и художествъ) послѣ трехъ-мѣсячной праздности... Измайловъ вызывалъ охотниковъ помогать ему въ изданіи ученаго журнала ¹⁾». Спустя нѣсколько времени одинъ изъ членовъ Общества— А. П. Бенитцкій откликнулся на предложеніе Измайлова и сталъ соредакторомъ послѣдняго, остальные же члены изъявили согласіе участвовать въ затѣваемомъ журналѣ своими трудами. Это обстоятельство имѣло важное значеніе для Измайлова: съ одной стороны молодой редакторъ-издатель былъ обеспеченъ матеріалами для своего «Цвѣтника», съ другой—участіе такого талантливаго и энергичнаго человѣка, какъ А. П. Бенитцкій, и многихъ лучшихъ членовъ названнаго Общества не замедлили придать журналу Измайлова свой особый отпечатокъ. Выше мы назвали «Цвѣтникъ» неофициальнымъ органомъ Общества любителей словесности, наукъ и художествъ; мнѣніе это кажется намъ справедливымъ, какъ потому, что главный, почти исключительный контингентъ сотрудниковъ этого журнала составляли члены Общества, такъ и потому, что «Цвѣтникъ» былъ до нѣкоторой степени выразителемъ тѣхъ литературныхъ взглядовъ и направленій, которыхъ названное Общество держалось.

Въ своей статьѣ о соиздателѣ Измайлова—Бенитцкомъ ²⁾ мы имѣли уже случай высказаться объ этомъ журналѣ; теперь считаемъ необходимымъ повториться и сдѣлать нѣкоторыя дополненія. Строго выработанной программы «Цвѣтникъ» въ 1809 году не имѣлъ, но матеріалъ его по содержанию можно разбить на слѣдующіе отдѣлы: стихотворенія, беллетристика, отдѣлъ ученый, смѣсь, гдѣ помѣщались анекдоты изъ жизни выдающихся дѣятелей (большею частью переводные), «избранныя мысли», эпиграммы и пр.; затѣмъ слѣдовали рецензіи на новыя книги, подъ названіемъ «Россійскія книги», наконецъ, отдѣлъ о театрѣ, отдѣлъ, въ которомъ давались отзывы о новинкахъ, шедшихъ на сценахъ петербургскихъ театровъ. Сотрудниками журнала, кромѣ редакторовъ-издателей, были: К. Н. Батюшковъ, А. Х. Востоковъ, Н. И. Гнѣдичъ, Г. Р. Державинъ, П. А. Катенинъ, И. А. Крыловъ, П. А. Никольскій, Н. О. Остолоповъ, В. М. Перевощиковъ (проф. Казанскаго университета), Д. И. Языковъ, въ то время еще не погрузившійся въ историческія занятія, но интересовавшійся литературной критикой и орографіей, наконецъ, цѣлый рядъ авторовъ съ именами въ литературѣ

¹⁾ «Сборникъ 2-го отд. Академіи наукъ», т. V. С.-Пбрг. 1873 г., выч. 2-й, стр. XI, прим.

²⁾ «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1900 г. № 3.

менѣе извѣстными, какъ Д. М. Княжевичъ, Ѳ. И. Ленкевичъ, В. И. Созоновичъ и др.; попало на страницы «Цвѣтника» и одно стихотвореніе гр. Д. И. Хвостова. Всѣ авторы, за нѣкоторыми исключеніями, подписывали свои статьи инициалами. Стихотворнымъ отдѣломъ журналъ не могъ похвалиться. Правда, въ нѣкоторыхъ книжкахъ «Цвѣтника» мы встрѣтили стихи Батюшкова («Посланіе къ Н. И. Гнѣдичу», «Отрывокъ изъ X-й книги Освобожденнаго Іерусалима», басня «Кротъ и мышь», эпиграммы), нѣсколько умныхъ и теплыхъ, но слабыхъ въ техническомъ отношеніи стихотвореній А. Х. Востокова, три стихотворенія Гнѣдича, которыя авторъ впоследствии подвергнулъ значительнымъ измѣненіямъ («Скоротечность юности», «Перуанецъ къ испанцу», «Пѣснь при гробѣ матери»)¹⁾, два небольшихъ стихотворенія Державина («Геба» и «Русскимъ граціямъ»), басни Крылова («Крестьянинъ и Смерть», «Мѣшокъ», «Хозяинъ и Кошки»)²⁾, Измайлова и др., но по большей части стихотворный отдѣлъ «Цвѣтника» наполнялся посредственными подражаніями и переводами съ французскаго, нѣмецкаго, латинскаго, греческаго и другихъ языковъ (изъ Вольтера, Геснера, Клопштока, Оссіана, Горация, Гомера и др.).

Тутъ были всѣ виды поэзіи, начиная съ оды, кончая эпиграммами, эпитафіями и т. п.; одного общаго направленія отдѣлъ этотъ не имѣлъ, и на него, а отчасти и на прозаическій (разумѣя беллетристику) иначе и нельзя смотрѣть, какъ на складъ литературныхъ упражненій членовъ Вольнаго Общества, изъ которыхъ каждый несъ въ этотъ органъ, что только могъ. Впрочемъ, этими двумя отдѣлами «Цвѣтникъ» не уступалъ тогдашнимъ русскимъ журналамъ, и—по выраженію Батюшкова «для деревни былъ хорошъ»³⁾. Изъ беллетристическихъ статей очень немного оригинальныхъ (изъ 55 лишь 13), да и послѣднія по большей части—подражанія чужимъ образцамъ. Многія изъ переводныхъ статей сентиментальнаго направленія; болѣе заслуживающими вниманія были переводы изъ Шиллера, Юнга и Лафонтена. Изъ оригинальныхъ слѣдуетъ отмѣтить статьи Бенитцкаго (восточныя повѣсти) и Измайлова⁴⁾.

Что касается отдѣла научнаго, который по первоначальному плану Измайлова долженъ былъ составлять базисъ журнала, онъ не былъ на-

¹⁾ Кромѣ стиховъ Гнѣдичъ помѣстилъ въ 1-й кн. журнала небольшую статью въ прозѣ „Сѣтованіе“.

²⁾ У Кеневича въ его „Библиографич. и историч примѣчанія къ баснямъ Крылова“ первоначальное появленіе этихъ басенъ въ „Цвѣтникѣ“ не означено. Послѣдняя басня „Хозяинъ и Кошки“ позднѣ печаталась съ нѣкоторыми перемѣнами и подъ заглавіемъ „Хозяинъ и Мыши“.

³⁾ „Сочиненія“, т. III, стр. 66.

⁴⁾ Перу редакторовъ-издателей и принадлежало большинство оригинальныхъ беллетристическихъ произведеній, помѣщенныхъ въ этомъ году въ „Цвѣтникѣ“ (изъ 13—9).

столько богатъ и разнообразенъ, чтобы «Цвѣтникъ» можно было называть журналомъ ученымъ по преимуществу. Отдѣлъ этотъ весь, за ничтожными исключеніями, состоялъ изъ переводныхъ статей (преимущественно съ французскаго) по исторіи, географіи и этнографіи, философіи и филологіи. Любопытно отмѣтить въ немъ лишь то, что онъ являлся до нѣкоторой степени отголоскомъ научной дѣятельности членовъ Вольнаго Общества.

Всего яснѣе это проглядываетъ въ подборѣ статей историческаго содержанія. Извѣстно, что занятія членовъ Вольнаго Общества по исторіи сводились не столько къ изученію собственно исторіи, сколько къ развитію извѣстнаго рода политическихъ убѣжденій на почвѣ историческаго прошлаго; особенно занимали членовъ вопросы о правѣ, законахъ, свободѣ, обязанностяхъ человѣка и т. п.; и для разрѣшенія или выясненія этихъ вопросовъ они обращались къ сочиненіямъ такихъ историковъ и публицистовъ, какъ Мабли, Рейналь, Монтескье, Беккарий, Филанджіери и т. п. Хорошая половина научнаго отдѣла «Цвѣтника» именно и состоитъ изъ переводовъ подобнаго рода сочиненій. Такъ, напримѣръ, укажемъ: «Отрывокъ изъ примѣчаній Мабли на исторію Франціи», изъ X-й книги «О существѣ законовъ» Монтескье, «О Юстиніановомъ законодательствѣ», «Замѣчаніе на англійскіе законы», «Рѣчь государственнаго совѣтника Порталиса, произнесенная въ законодательномъ сословіи при представленіи проекта гражданскаго уложенія»; сюда же можно отнести и такія статьи, какъ «Предсказанія упадка Швеціи», «Разговоръ (въ царствѣ мертвыхъ) Христины, королевы Шведской съ Декартомъ», «О супружествѣ въ отношеніи къ общежитію и театру» и такъ далѣе. Всѣ перечисленныя статьи—переводныя. Изъ оригинальныхъ обращаютъ на себя вниманье лишь двѣ: 1) Д. И. Языкова «Замѣчанія о нѣкоторыхъ русскихъ буквахъ»—статья, въ которой авторъ, какъ и раньше ¹⁾, ополчался противъ нѣкоторыхъ ненавистныхъ ему буквъ, особливо противъ ъ, и 2) Бенитцкаго «О баснѣ»; послѣдняя, впрочемъ, написана подъ замѣтнымъ вліяніемъ Гердера; въ ней авторъ доказываетъ превосходство стихотворной формы басни надъ прозаическою.

Но главное значеніе «Цвѣтника» въ исторіи русской журналистики зиждется не на этихъ отдѣлахъ (которые, впрочемъ, давали читателю матеріалъ, пожалуй, и болѣе занимательный, чѣмъ иные современныя «Цвѣтнику» періодическія изданія), но на тѣхъ статьяхъ, въ которыхъ выразилась—какъ замѣтилъ еще Н. И. Гречъ—его «борьба за нововводителей» ²⁾. Мы имѣемъ въ виду отдѣлъ «Россійскія книги», гдѣ

¹⁾ См. „Сѣверный Вѣстникъ“ 1805, VIII.

²⁾ См. „Сынъ Отечества“ 1839 г. VIII, стр. 84; также „Чтенія“... т. II, С.-Пбрг. 1840 г., стр. 391.

помѣщались отзывы о литературныхъ новинкахъ и гдѣ главное участіе принималъ Бенитцкій, давшій этому отдѣлу строгое направленіе и окраску. За 1809 годъ «Цвѣтникъ» далъ отзывъ о 23 книгахъ; большая половина этихъ отзывовъ (12) принадлежитъ Бенитцкому, остальные были написаны Никольскимъ и хотя были слабѣе отзывовъ перваго, но имѣли тотъ же характеръ, что и рецензіи Бенитцкаго—этого лучшаго нашего критика перваго десятилѣтія текущаго вѣка. Въ самомъ дѣлѣ, если читатель присмотрится къ отзывамъ, помѣщавшимся на страницахъ «Цвѣтника», и сравнитъ ихъ съ рецензіями, дававшимися другими журналами, то врядъ-ли онъ рѣшится назвать послѣднія критикой: въ лучшемъ смыслѣ, отзывы эти были не что иное, какъ легучія рецензіи, состоящія (и то не всегда) изъ передачи въ самыхъ грубыхъ чертахъ содержанія даннаго произведенія и заключавшіяся нѣсколькими пустыми восклицаніями или объявленіемъ о цѣнѣ книги и адресѣ сочинителя; хорошо, если рецензентъ касался иногда «языка» произведенія; чаще же всего онъ говорилъ о томъ, на какой бумагѣ оно напечатано¹⁾. Не таковы рецензіи Бенитцкаго: о нихъ смѣло можно говорить, какъ о критикѣ, имѣющей извѣстные, опредѣленные принципы. Недаромъ одинъ изъ изслѣдователей назвалъ Бенитцкаго «родоначальникомъ того критическаго направленія, блестящими представителями котораго, съ конца уже двадцатыхъ годовъ, явились Надеждинъ и Бѣлинскій»²⁾.

Какъ литературный критикъ, Бенитцкій въ исторіи нашей литературы стоитъ на грани двухъ эпохъ: въ его рецензіяхъ не трудно замѣтить челоуѣка, въ которомъ еще живы псевдоклассическія тенденціи и вообще замашки старой школы; не говоря уже о томъ, что у него большое вниманіе удѣляется внѣшней сторонѣ изложенія критикуемой книги вообще, нѣтъ-нѣтъ у него промелькнетъ протестъ противъ «смѣшенія штилей», а пристрастіе къ основамъ ложноклассической теоріи о трехъ единствахъ у него выражено прямо, хотя онъ готовъ былъ идти на уступки, лишь бы «благонравіе было соблюдено». Но съ другой стороны, тотъ же Бенитцкій берется и за психологическое объясненіе фактовъ, передаваемыхъ въ томъ или другомъ произведеніи, говоритъ о естественности и неестественности, оцѣниваетъ сочиненія съ эстетической, этической и другихъ точекъ зрѣнія. Чуждый мелкой партійности, онъ, если и выказывалъ себя сторонникомъ какого-нибудь литературнаго лагера, то, конечно, былъ антипишковиствъ, хотя и не отрицалъ извѣстной «силы за словенороссійскимъ языкомъ, иногда превосходящимъ французскій». Въ частности, присматриваясь къ рецензіямъ Бенитцкаго, мы можемъ замѣтить въ ней два основныхъ пункта: 1) разсужденіе критика

¹⁾ Конечно, бывали и дѣльные рецензіи, напр. П. И. Макарова и др.

²⁾ Н. Колупановъ. „Біографія А. И. Кошелева“, т. I, в. I, стр. 299.

по поводу слога разсматриваемаго произведенія и 2) разборъ со стороны содержанія.

Что Бенитцкій обращалъ особенное вниманіе на виѣшнюю сторону изложенія—языкъ, слогъ, это легко объясняется и еще неумершими въ немъ привычками старой критики, и характеромъ борьбы между послѣдователями Шишкова и Карамзина, и самымъ предметомъ его рецензій:—ему по большей части приходилось давать отчетъ о переводахъ, и разсужденія о слогѣ были вполнѣ умѣстны и даже необходимы. Прежде всего Бенитцкій требовалъ отъ автора ли, переводчика ли «чистоты, плавности и ясности изложенія»; онъ громилъ дурные переводы, искажающіе смыслъ и заставляющіе читателя отвертываться иногда и отъ хорошей книги, возмущался злоупотребленіемъ галлицизмовъ, не терпѣлъ слога, «обезображеннаго нѣмецкими оборотами»; возмущался наборомъ «высокопарныхъ реченій въ духѣ старообрядцевъ россійской словесности», выражений, затемняющихъ смыслъ и производящихъ впечатлѣніе галиматъи и т. д. и т. д. ¹⁾ Въ критикѣ произведеній со стороны содержанія Бенитцкій требуетъ строгой правды, знанія дѣла, естественности ²⁾; чтобы книга поучала, чтобы отъ нея вѣяло нравственностью, добропорядочностью и искренностью; съ другой стороны, критикъ нашъ возмущается безнравственнымъ содержаніемъ произведенія, его пустотой, неестественностью ³⁾. Не лишено интереса въ критикѣ Бенитцкаго и то, что онъ удѣлялъ въ своихъ рецензіяхъ мѣсто и для общихъ разсужденій различнаго характера; такъ въ его отзывахъ нерѣдко можно встрѣтить и взглядъ его на монархію, благоденствіе народа, педагогическіе взгляды, разсужденія объ авторской свободѣ и т. п.

Направленія критики Бенитцкаго держался въ своихъ отзывахъ и П. А. Никольскій, ставшій по смерти Бенитцкаго постояннымъ рецензентомъ «Цвѣтника», и Д. В. Дашковъ, своими рѣзкими приговорами нанесшій шишковистамъ самый жестокой ударъ, когда-либо ими полученный; впрочемъ, дѣятельность того и другого относится главнымъ образомъ къ слѣдующему (1810) году изданія «Цвѣтника», и о нихъ мы скажемъ ниже, пока же заключимъ нашъ обзоръ этого журнала за первый годъ его существованія замѣчаніемъ о театральной критикѣ его. Кромѣ двухъ рецензій, принадлежавшихъ Бенитцкому, отдѣлъ о «театрѣ» не представлялъ ничего выдающагося. Обыкновенно рецензентъ давалъ краткое содержаніе пьесы, слегка касался языка ея и заканчивалъ свой отзывъ нѣсколькими замѣчаніями объ исполненіи пьесы актерами, замѣчаніями поверхностными.

¹⁾ Ср. „Цвѣтникъ“, № 6, стр. 373; № 2, стр. 269; № 1, стр. 137 и т. д.

²⁾ Ср. *ibidem*, ч. 1, стр. 332; ч. II, стр. 364, 378—379.

³⁾ Ср. *ibidem*, ч. I, стр. 374, 157; ч. II, стр. 257.

Отмѣтимъ, между прочимъ, что «Цвѣтникъ» не убоился неодобрительно отозваться о трагедіи Хераскова «Зареида и Ростиславъ», замѣтивъ при этомъ, что авторъ пьесы, хотя и творецъ «Россиады», все же «какой писатель можетъ похвалиться всѣми своими сочиненіями? И самъ великій Аруэтъ написалъ нѣсколько слабыхъ трагедій, несмотря на то, что Мельпомена болѣе всѣхъ увѣнчала его славою и что онъ побѣдилъ Корнелія и Расина...»

Программа журнала на 1810 годъ и распредѣленіе статей были приблизительно тѣ же, что и въ предшествующій годъ изданія «Цвѣтника». Въ 1810 году соиздателемъ Измайлова былъ П. А. Никольскій. Это былъ молодой человѣкъ, воспитанникъ Горнаго корпуса, сумѣвшій весьма солидно пополнить свое образованіе основательнымъ изученіемъ иностранныхъ языковъ и науками словесными вообще. Сынъ А. С. Никольскаго,—члена Россійской академіи и переводчика, П. А. большею частью занимался также переводами какъ стихотворныхъ, такъ и прозаическихъ произведеній; въ «Цвѣтникѣ» онъ принялъ близкое участіе: въ каждой книжкѣ этого журнала можно встрѣтить за разъ нѣсколько его переводовъ и рецензій ¹⁾).

Стихотворный отдѣлъ «Цвѣтника» за этотъ годъ заключаетъ въ себѣ до 80 пьесъ, доставленныхъ приблизительно тридцатью авторами. Главнымъ сотрудникомъ этого отдѣла былъ М. В. Милоновъ. По окончаніи курса въ Московскомъ университетѣ, этотъ молодой человѣкъ въ 1809 г. переѣхалъ для присканія занятій въ Петербургъ, гдѣ вскорѣ познакомился, а затѣмъ и подружился съ П. А. Никольскимъ, А. П. Бенитцкимъ и А. Е. Измайловымъ, былъ введенъ ими въ Вольное Общество и принялъ участіе въ «Цвѣтникѣ». Писалъ онъ много, и на него, какъ на поэта, многіе возлагали большія надежды, хотя, напримѣръ, князь П. А. Вяземскій признавалъ въ немъ мало поэтическаго увлеченія ²⁾).

Въ «Цвѣтникѣ» онъ помѣстилъ свыше 20 стихотворныхъ переводовъ и подражаній, избравъ оригиналами римскихъ, англійскихъ и нѣмецкихъ писателей (Горація, Шекспира, Шиллера и др.), а также и нѣсколько небольшихъ оригинальныхъ стихотвореній. Второе мѣсто по количеству стихотвореній принадлежитъ Измайлову, помѣстившему до 10 своихъ произведеній, изъ коихъ шесть басенъ; кромѣ того, въ «Цвѣтникѣ» было обнародовано три посмертныхъ стихотворенія А. В. Храповицкаго. Изъ остальныхъ сотрудниковъ по части поэзіи назовемъ Н. Ѳ. Грамматина, Д. М. Княжевича, Воейкова, В. М. Перевощикова, П. А.

¹⁾ Всѣ статьи его безъ подписи. Прочіе сотрудники журнала въ большинствѣ случаевъ помѣщали свои работы или безъ подписи, или скрывались подъ инициалами.

²⁾ Князь П. А. Вяземскій, „Сочиненія“, т. VIII, стр. 345.

Катенина ¹⁾, А. Раевского, В. Л. Пушкина ²⁾, графа Д. И. Хвостова... Какъ видимъ, въ числѣ сотрудниковъ «Цвѣтника», въ качествѣ поэтовъ, уже отсутствуютъ такія лица, какъ Гнѣдичъ, Державинъ, Крыловъ ³⁾; произведенія же новыхъ сотрудниковъ и болѣе частое появленіе твореній графа Хвостова, конечно, не могли служить украшеніемъ журнала, и мы должны признать, что стихотворный отдѣлъ «Цвѣтника» въ 1810 году былъ еще слабѣе, чѣмъ въ предшествующемъ. Еще слабѣе былъ отдѣлъ прозы. Весь наличный составъ оригинальныхъ статей беллетристическаго характера состоялъ изъ четырехъ произведеній, въ числѣ которыхъ была длинная и скучная повѣсть В. М. Перевощикова: «Модестъ и Софья», прекрасная восточная повѣсть Бенитцкаго: «Визирь» и остроумный, живо написанный «разговоръ» Измайлова: «Такъ-такъ, или разговоръ Дмитрія Петровича съ Трофимомъ Антоновичемъ». въ которомъ авторъ довольно ѣдко осмѣиваетъ современное недовольство дворянъ на «выскочекъ» изъ семинаристовъ, которые, благодаря способностямъ и трудолюбію, сумѣли занять высшія государственныя должности ⁴⁾. Переводная беллетристика также уступала таковой въ предшествующій годъ изданія «Цвѣтника», хотя въ отдѣлѣ этомъ и помѣшались отрывки изъ Шиллера, Шекспира, Лафонтена, Мейспера и друг. Научныя статьи также не могли привлечь читателя, несмотря на то, что онѣ отличались и нѣкоторымъ разнообразіемъ и серьезностью; такъ мы встрѣчаемъ статьи изъ сочиненій Гельвеція, Монтескье, Лабрюйера, Шиллера и т. п.; но все это были небольшіе, незаконченные отрывки, при томъ порой въ весьма посредственномъ переводѣ (лучшіе переводы принадлежатъ П. А. Никольскому) ⁵⁾. Итакъ, повторяемъ, этими тремя отдѣлами «Цвѣтникъ» въ 1810 году былъ слабѣе и скучнѣе, чѣмъ въ предыдущемъ, и Батюшковъ былъ въ правѣ сказать, что «Цвѣтникъ» безъ Бенитцкаго завялъ» ⁶⁾. По замѣчаніе Батюшкова нужно принимать съ нѣкоторой оговоркой: «Цвѣтникъ» въ 1810 г. сталъ для публики менѣе занимателенъ, но отнюдь не терялъ своего значенія, какъ «борца за нововводителей» и еще смѣлѣе продолжалъ высказывать свои литературныя взгляды: тѣ принципы лите-

¹⁾ Нѣкоторыхъ произведеній П. А. Катенина, помѣщенныхъ въ «Цвѣтникъ», нѣтъ въ собраніи его сочиненій, изд. въ 1832 г.

²⁾ „Посланіе къ В. А. Жуковскому“.

³⁾ Батюшковъ прислалъ лишь одну эпиграмму. (См. письмо его къ Измайлову въ III-мъ томѣ его сочиненій, стр. 74).

⁴⁾ Н. Колюпановъ склоненъ разумѣть здѣсь намекъ на графа М. М. Сперанскаго. (См. Н. Колюпановъ, цит. соч., т. I, стр. 302).

⁵⁾ Изъ оригинальныхъ статей этого отдѣла можемъ указать двѣ: Спаскаго: „О сибирскихъ древностяхъ“ и Востокова: „Грамматическія замѣчанія на одно мѣсто въ „Пѣснѣ о походѣ Игоря“.

⁶⁾ „Сочиненія“, т. III, стр. 42.

турной критики, которые проповѣдывалъ въ «Цвѣтникѣ» Бенитцкій, слышали читатели того же журнала и въ 1810 году въ еще болѣе рѣзкой формѣ. Въ этомъ году постоянными критиками «Цвѣтника» были П. А. Никольскій и Д. В. Дашковъ. Обходя, дабы не повторяться, рецензи Никольскаго, который былъ въ своихъ отзывахъ прямымъ продолжателемъ Бенитцкаго и никакихъ новыхъ (въ сравненіи съ послѣднимъ) взглядовъ не высказывалъ, обращаемся къ статьямъ Д. В. Дашкова. Дашковъ помѣстилъ въ «Цвѣтникѣ» первую свою критическую работу, давшую ему литературную извѣстность въ знаменитомъ спорѣ между сторонниками Шишкова и послѣдователями Карамзина, именно—обширную (въ 110 страницъ) статью по поводу «Перевода двухъ статей изъ Лагарпа съ примѣчаніями переводчика», перевода, принадлежавшаго перу самого адмирала-литератора... Богатыя познанія Дашкова, его несомнѣнный литературный талантъ и блестящее остроуміе сдѣлали нашего критика однимъ изъ опаснѣйшихъ ратоборцевъ, съ какими только приходилось сражаться сторонникамъ Шишкова. Въ настоящей статьѣ Дашковъ еще спокоенъ, но увѣренъ, и тонъ статьи его не вызывающій, но уже задѣвающей самыя основы филологическихъ принциповъ адмирала, начиная съ названія языка «словенороссійскимъ». Дашковъ доказываетъ всю нелѣпность такого словопроизводства и затѣмъ шагъ за шагомъ, мало касаясь самого перевода, послужившаго ему предметомъ статьи, разбираетъ по частямъ всѣ принципы догмы шишковистовъ, ихъ раздѣленіе мнимаго словенороссійскаго языка на три слога, ученіе о сродствѣ корней языка, ихъ разсужденія о богатствѣ русскаго языка сравнительно съ французскимъ и друг.; наконецъ, доказываетъ неосновательность похода Шишкова противъ отдѣльныхъ словъ, дѣлаетъ колкія замѣчанія о «словоизвитіяхъ» его сторонниковъ, объ «украшеніяхъ» въ краснорѣчій, ими употребляемыхъ и т. д. Но уже въ слѣдующемъ году Дашковъ обрушивается на нихъ отдѣльной книгой: «О легчайшемъ способѣ отвѣчать на критику», въ которой шишковисты понесли окончательное пораженіе, хотя и не признали себя побѣжденными; но Дашковъ на время прекратилъ съ ними полемику.

Изъ другихъ статей журнала, живописующихъ литературныя нравы и направленія того времени, особенное вниманіе обращаютъ на себя: «Мнѣнія и замѣчанія пустынноика»¹⁾ и «Отрывокъ изъ письма къ NN». Первая начинается разсужденіемъ о томъ, какія причины побуждаютъ «сочинять». Разрѣшая этотъ вопросъ и имѣя въ виду русскіхъ писателей, авторъ раздѣляетъ всѣхъ сочинителей на четыре категоріи: 1) любители словесности, 2) любители печатать, 3) писатели

¹⁾ Подписана Василіемъ Ефимовымъ; думаемъ, что она принадлежитъ также Дашкову.

для славы и 4) писатели для денегъ. Сдѣлавъ характеристику первыхъ и отнесшись къ нимъ одобрительно, авторъ остроумно посмѣялся надъ вторыми и третьими и, пустивъ ядовитыя стрѣлы въ четвертыхъ, заключаетъ: «не должно однако думать, что всѣ авторы неотмѣнно подходятъ подъ сіи правила: есть амфибіи и хамелеоны». Въ этой же статьѣ встрѣчаемъ не мало острыхъ замѣчаній противъ искажителей русской рѣчи иностранными словами и противъ шишковистовъ. Глава 4-я этой статьи содержитъ слѣдующіе вопросы и отвѣты:

— Сколько у насъ было и есть писателей?

— Двое: Фонвизинъ и Карамзинъ.

— А прочіе?

— Стихотворцы, переводчики, подражатели, иногда весьма хорошіе, но они не всѣ п о д л и н н ы...

Любопытна 7-я глава, гдѣ авторъ жалуется на недостатокъ образования нашихъ писателей: «наблюдая образование нашихъ писателей—говоритъ авторъ—всякъ долженъ удивляться, что у насъ ихъ такъ много и довольно хорошихъ. Большая часть ихъ, какъ портной Тришка, учились самоучкой. Рѣдкіе получили ученое воспитаніе. Выучившись читать и писать по-русски (иногда и тому весьма плохо), затвердивъ наизусть нѣсколько французскихъ стишковъ, зная, что во Франціи писали трагедии Расинъ и Корнель, а комедіи Мольеръ ⁴⁾, наши молодые люди почитаютъ себя совершенными и начинаютъ переводить, печатать, издавать» и т. д.

Къ этой выпискѣ мы позволимъ себѣ присоединить еще одно въ высшей степени цѣнное и поучительное замѣчаніе автора: «недовольно внимательная къ истиннымъ достоинствамъ публики наша (то-есть многочисленнѣйшая часть) причиною, что многіе люди съ талантомъ и познаніями вскорѣ начинаютъ скучать упражненіями въ словесности и посвящаютъ свои дарованія государственной службѣ. Многіе изъ нынѣшнихъ полезныхъ чиновниковъ государства (изъ коихъ большая часть училась въ Московскомъ и нѣкоторыхъ иностранныхъ университетахъ) въ молодости своей успѣшно занимались словесностью. Хладнокровіе публики, неумѣющей цѣнить ихъ талантовъ, заставило ихъ бросить ученныя занятія. Если бъ я смѣлъ, то назвалъ бы таковыхъ чловѣкъ 20 и больше, занимающихъ нынѣ почетныя мѣста въ государствѣ. Вообще рѣдкій писатель трудится у насъ болѣе пяти лѣтъ сряду. Одобреніе и награда публики столь слабы, а досады и неудовольствія, сопряженныя съ состояніемъ писателя, такъ велики, что должно имѣть

---

⁴⁾ „Полнымъ курсомъ словесности и наукъ для многихъ изъ сихъ писателей служить „Письма русскаго путешественника“. Нахватавъ оттуда нѣсколько поверхностныхъ мыслей, они судятъ, рядятъ, приговариваютъ“.

самую страстную любовь къ словесности, чтобъ заниматься ею долго. Замѣтить должно, что я говорю о прозаическихъ писателяхъ: поэты поютъ всегда и вездѣ безъ усталости». Заключается эта статейка остроумной насмѣшкой подъ полемикой, возникшей тогда между «Русскимъ Вѣстникомъ» и «Аглаей».

«Отрывокъ изъ письма къ NN.», въ которомъ авторъ извѣщаетъ своего корреспондента о якобы имѣющихъ выйти въ свѣтъ новыхъ книгахъ (нѣкоторыя изъ перечисленныхъ дѣйствительно существовали), имѣеть цѣлю осмѣять чрезмѣрное увлеченіе сентиментализмомъ, доводившее авторовъ нерѣдко до галиматїи въ содержаніи ихъ твореній и до крайней вычурности слога. Такъ, напримѣръ, вотъ каково заглавіе одной книги: «Прогулка въ иррегулярныхъ садахъ моего воображенія, или весеніе досуги сельскаго любителя природы» Книга сія посвящена майской могилѣ единственнаго друга души, сердца и чувствъ, съ эпитафіемъ: «Пусть другъ одинъ меня читаетъ, а свѣтъ и публика пускай меня не знаетъ». Кромѣ того «Отрывокъ» изобилуетъ насмѣшками надъ педантствомъ, рѣвоманіей, шикковистами и т. п.

Но не только въ отдѣлѣ «критики» и въ выше цитированныхъ статьяхъ «Цвѣтникъ» выражалъ свои симпатїи или антипатїи къ тѣмъ или инымъ направленіямъ въ нашей литературѣ и въ частности журналистикѣ: онъ отстаивалъ свои смѣлые взгляды, не робѣя передъ авторитетами, вступая нерѣдко въ открытую полемику или пуская въ ходъ колкую эпитагму ¹⁾. И этимъ литературнымъ ратоборствомъ онъ, по справедливости, долженъ занять въ исторіи нашей журналистики начала нынѣшняго столѣтія почтенное мѣсто.

Какое же участіе принималъ въ «Цвѣтникѣ» самъ издатель Измайловъ и чѣмъ обязанъ ему этотъ любопытный органъ? Изъ обзора журнала уже видно, что главное значеніе «Цвѣтника» покоится отнюдь не на статьяхъ нашего издателя, который въ ряду сотрудниковъ своего органа занималъ далеко не первенствующее мѣсто, какъ по количеству помѣщенныхъ имъ статей, такъ и по качеству и характеру ихъ. Участіе Измайлова въ «Цвѣтникѣ» ограничилось помѣщеніемъ нѣсколькихъ басенъ, двухъ-трехъ небольшихъ статей въ прозѣ и иногда составленіемъ отдѣла «смѣсь», отдѣла компилятивнаго. Въ заслугу Измайлова нужно поставить лишь то, что онъ сумѣлъ привлечь въ свой журналъ талантливыхъ и дѣльныхъ сотрудниковъ (хотя, къ сожалѣнію, не всегда могъ ихъ при своемъ журналѣ удерживать);

¹⁾ Болѣе частые нападки „Цвѣтникъ“ дѣлалъ на „Сѣверный Меркурій“ А. В. Лукицкаго. Въ этомъ походѣ принялъ участіе и Батюшковъ, пустивъ въ „журналъ Лукицкаго“ ядовитой эпитагмой. Тотъ отстрѣливался (см. „Сѣверн. Меркурій“ 1810 № 16, стр. 46 и 47), но очень не удачно.

кромѣ того, должны мы отмѣтить, что статьи Измайлова, если и не могли служить большимъ украшеніемъ журнала, то во всякомъ случаѣ были незаурядны, а главное — соотвѣтствовали направленію журнала; въ этомъ смыслѣ нельзя обходить молчаніемъ и прозу Измайлова, которая была для того времени, какъ справедливо замѣтилъ еще Батюшковъ, «хороша и чиста» ¹⁾. — Но, повторяемъ, «Цвѣтникъ», на страницахъ котораго историкъ литературы въ настоящее время найдетъ много интереснаго для выясненія литературныхъ нравовъ прошлаго, не могъ привлечь къ себѣ публику современную: большинству было мало дѣла до направленія органа и его литературныхъ препирательствъ, большинство искало въ журналѣ за нима т е л ь н а г о ч т е н і я, а его-то «Цвѣтникъ» и не давалъ. Публика охладѣла къ нему, и Измайловъ прекратилъ изданіе «Цвѣтника» на второмъ же году его существованія.

Слѣдуя хронологическому порядку въ обзорѣ дѣятельности Измайлова какъ редактора-издателя, мы должны теперь дать отчетъ о «Санктпетербургскомъ Вѣстникѣ», издававшемся въ 1812 году отъ имени Вольнаго Общества любителей словесности, наукъ и художествъ и редактировавшемся Измайловымъ. Но, несмотря на большой интересъ, представляемый этимъ журналомъ въ исторіи нашей журналистики, мы уклоняемся отъ разбора его, какъ потому, что «С.-Петербургскій Вѣстникъ» не былъ собственнымъ созданіемъ нашего писателя, такъ и потому, что роль Измайлова, какъ главнаго редактора этого органа, была слишкомъ ограничена, и не Александръ Ефимовичъ былъ главнымъ сотрудникомъ и душою его. Дѣло въ томъ, что названное Общество, приступивъ (послѣ долгихъ подготовленій) къ изданію своего журнала, избрало для завѣдыванія отдѣлами его нѣсколькихъ редакторовъ, и на долю Измайлова, облеченнаго званіемъ главнаго редактора, выпала весьма скромная обязанность: слѣдить за общимъ ходомъ изданія, распредѣлять выбранныя и представленныя статьи для журнала по отдѣламъ и книжкамъ и т. п., то-есть, въ лучшемъ смыслѣ, его обязанности главнаго редактора сводились къ обязанностямъ такъ называемаго «секретаря редакціи». Измайловъ не дѣлалъ попытокъ расширить предѣлы своей роли, да врядъ-ли и могъ, ибо другіе редакторы, какъ напримѣръ, Дашковъ, Гречъ, Востоковъ были люди болѣе энергичные и являлись сотрудниками журнала болѣе дѣятельными, чѣмъ Измайловъ. Самъ главный редакторъ успѣлъ помѣстить на страницахъ «С.-Петербургскаго Вѣстника» лишь семь басенъ и двѣтри эпиграммы; въ отдѣлѣ же критики—каковой отдѣлъ и занималъ первенствующее мѣсто въ журналѣ—Измайловъ почти не участвовалъ:

¹⁾ Въ письмѣ къ Н. И. Гнѣдичу отъ 1-го ноября 1809 г. (См. „Сочиненія“ т. III, стр. 54).

онъ ограничился небольшою рецензійею на «Басни и сказки Невѣдомскаго»; главными же сотрудниками журнала были Востоковъ, Гречъ, Милоновъ, Никольскій, В. Л. Пушкинъ и др. Журналъ этотъ просуществовалъ не долго: тревожныя событія 1812 года заставили Общество остановить изданіе «С.-Петербургскаго Вѣстника» на ноябрьской книжкѣ ¹⁾).

Затѣмъ Измайловъ выступаетъ въ качествѣ издателя въ 1817 году. Въ этомъ году онъ издалъ двѣ послѣднія книжки «Пантеона русской поэзіи», предпринятаго покойнымъ его другомъ, уже извѣстнымъ намъ П. А. Никольскимъ Никольскій заготовилъ матеріалъ для всѣхъ 12 книжекъ своего изданія и на послѣднія книжки получилъ еще въ маѣ 1815 года цензурное разрѣшеніе, но томительная и тяжкая болѣзнь (чахотка) позволила ему выпустить въ свѣтъ лишь семь книжекъ, 8-я же, 9 и 10-я вышли по смерти его, хотя и были уже отпечатаны; хлопоты же по изданію послѣднихъ двухъ взялъ на себя нашъ писатель ²⁾. Вложить въ это изданіе что-либо свое Измайловъ не могъ, да это было бы и некстати; впрочемъ, онъ помѣстилъ на послѣдней страницѣ 12-й книжки прочувствованную эпитафію покойному, которая нѣсколько раньше была напечатана въ журналѣ Н. И. Греча ³⁾.

Въ 1817 же году Измайловъ завѣдывалъ журналомъ «Сынъ Отечества», пока редакторъ-издатель послѣдняго—Н. И. Гречъ находился за границей (въ продолженіе 8 мѣсяцевъ). Особыхъ перемѣнъ въ изданіи этого журнала, перешедшаго на время въ руки Измайлова, не произошло; нѣсколько увеличился лишь въ объемѣ стихотворный отдѣлъ «Сына Отечества»; что же касается попытокъ нашего писателя «сдѣлать журналъ разнообразнѣе, нежели каковъ онъ былъ прежде, и не помѣщать длинныхъ и сухихъ пьесъ»... ⁴⁾, то нельзя сказать, чтобы онъ увѣнчался замѣтнымъ успѣхомъ: «Сынъ Отечества» за время завѣдыванія имъ Измайловымъ сохранялъ въ общемъ ту же фізіономію что и раньше.

Въ слѣдующемъ году Измайловъ выступаетъ редакторомъ-издателемъ собственнаго журнала «Благонамѣренный».

Съ журналомъ «Благонамѣренный» по имени знакомъ всякій, кто читалъ «Евгенія Онѣгина»; но большинство имѣетъ о немъ пре-

¹⁾ См. подробности у Н. И. Греча въ его „Чтеніяхъ“ .. ч. II, С.-Пбргъ, 1840, стр. 391 и въ „Библиографич. Запискахъ“, т. II, стр. 420.

²⁾ Хотя эти книжки вышли и въ 1817 году, но на обложкѣ выставленъ годъ 1815-й.

³⁾ „Сынъ Отечества“ 1816, ч. 33, № 40.

⁴⁾ См. письмо Измайлова къ Н. Θ. Грамматину („Библиогр. Записки“ т. II, стр. 624).

вратное понятіе, основанное на невѣрномъ толкованіи аттестаціи, данной «Благонамѣренному» великимъ поэтомъ. Въ романѣ Пушкина есть такія строки:

„Я знаю: дамъ хотятъ заставить
 Читать по-русски. Право, страхъ!
 Могу ли ихъ себѣ представить
 Съ „Благонамѣреннымъ“ въ рукахъ“...

Въ своихъ примѣчаніяхъ къ этимъ строкамъ Пушкинъ по существу дѣла не далъ сколько-нибудь удовлетворительнаго объясненія ⁴⁾, да и не могъ дать, ибо самый журналъ не заключалъ въ себѣ ничего такого, что бы дѣлало его неудобнымъ для чтенія прекрасному полу, а, пожалуй, наоборотъ. Объяснить неблагоклонный отзывъ поэта, дающій большинству поводъ подозрѣвать «Благонамѣренный» въ нѣкоторой нецѣломудренности, можно двояко.

Во-первыхъ, Пушкинъ, давая отзывъ о журналѣ, имѣлъ въ виду не содержаніе его, а личность самого его редактора, какъ писателя, произведенія котораго иной разъ замѣтно отзывались циничной сатирой. Во-вторыхъ, тутъ были замѣшаны личные счеты этихъ писателей. Пушкинъ имѣлъ нѣкоторое основаніе считать Измайлова въ числѣ своихъ литературныхъ враговъ, которыхъ, какъ извѣстно, онъ любилъ при случаѣ «взбѣсить дерзкой эпиграммой», выбирая для удара самое чувствительное мѣсто противника. Такимъ чувствительнымъ мѣстомъ Измайлова-писателя было присвоенное имъ званіе «писателя для дамъ»; Пушкинъ и воспользовался имъ, но выбралъ неудачную позицію и, мѣтя въ журналъ, попалъ въ его редактора. Правда, въ данномъ случаѣ, поэтъ далъ промахъ, но цѣль до нѣкоторой степени оказалась достигнутой: журналъ былъ задѣтъ.

Позволивъ себѣ сдѣлать это, на нашъ взглядъ, необходимое отступленіе, переходимъ къ обзорѣнью «Благонамѣреннаго». Не преслѣдуя въ нашей работѣ цѣлей библиографическихъ, мы не намѣрены утомлять вниманія читателя подробнымъ перечнемъ статей и сотрудниковъ «Благонамѣреннаго», равно какъ входить въ детальныя изслѣдованія каждаго отдѣла журнала; отсылаемъ читателя къ упомянутой выше статьѣ Галахова и книгѣ Колюпанова, посвященной біографіи А. И. Кошелева, гдѣ читатель найдетъ не мало подробностей, которыя мы опустимъ, какъ излишнія для нашей цѣли. Мы отвѣтимъ лишь на вопросы, кажущіеся намъ наиболѣе важными и возникающіе прежде всего при изученіи любого журнала, выходившаго въ свѣтъ—по старинному выраженію—«для вкуса и разума» читателей. Вопросы эти слѣдующіе: какова программа, содержаніе и направленіе журнала, какъ онъ отно-

⁴⁾ Оно говоритъ только о халатности Измайлова и его откровенности.

сился къ современнымъ ему теченіямъ и направленіямъ въ нашей жизни, къ наукамъ и искусствамъ и какъ выражалъ свои отношенія, какое занимаетъ онъ мѣсто между другими, подобными ему періодическими изданіями и что въ немъ своего, характернаго, оригинальнаго и достойнаго замѣчанія и, наконецъ, какъ отразилось на немъ вліяніе лицъ, стоявшихъ во главѣ его.

За нѣсколько мѣсяцевъ, до появленія въ свѣтъ «Благонамѣреннаго» Измайловъ помѣстилъ на страницахъ «Сына Отечества» ¹⁾ объявленіе о предполагаемомъ изданіи и изложилъ въ общихъ чертахъ программу его, согласно которой журналъ долженъ былъ имѣть два главныхъ отдѣла: 1) литература, наука, художества, политика, 2) смѣсь; но, по мѣрѣ выхода въ свѣтъ книжекъ журнала (12 въ годъ), издатель обѣщаль постепенно расширять программу. Дѣйствительно, въ концѣ каждаго года (а иногда и среди года) Измайловъ давалъ торжественныя обѣщанія сдѣлать болѣе содержательнымъ тотъ или другой отдѣлъ, прибавить новый, обратить особенное вниманіе на какую-либо сторону изданія и т. п., но большинство обѣщаній издателя, равно какъ увѣренія его въ исправной выдачѣ книжекъ журнала, оставались лишь обѣщаніями, благими намѣреніями, надъ которыми рѣдко кто упустилъ случай поострить.

У издателя было единственное, но всегда готовое оправданіе, которое онъ предупредительно поставилъ эпиграфомъ своего журнала: выраженіе «On fait ce qu'on peut et non ce qu'on veut» — красовалось на обложкѣ каждой книжки «Благонамѣреннаго» ²⁾; впрочемъ, иногда оправданія носили болѣе частный характеръ:

„Какъ русскій человекъ, на праздникъ загуляя,
„Забылъ жену, дѣтей, не только что журналъ“.

извинялся однажды Измайловъ передъ публикой.

Съ первыхъ же книжекъ «Благонамѣреннаго» публика узнала, что имѣетъ дѣло съ своимъ старымъ знакомымъ, достолюбезнымъ, добродушнымъ фабулистомъ А. Е. Измайловымъ, который, какъ попечительный предсѣдатель Вольнаго Общества любителей словесности, наукъ и художествъ и первый другъ и покровитель молодыхъ «словесниковъ» ³⁾,

¹⁾ „Сынъ Отечества“ 1817 г. № 45.

²⁾ Въ послѣдніе годы изданія Измайловъ взялъ эпиграфъ для своего журнала изъ Буало: «Aimez qu'on vous conseille et non pas qu'on vous loue».

³⁾ К. Н. Батюшковъ въ одномъ изъ писемъ своихъ къ кн. П. А. Вяземскому такъ отзывался объ Измайловѣ, какъ открывателѣ новыхъ талантовъ: „Такъ все переходитъ, все исчезаетъ! На развалинахъ словесности останется одинъ столпъ — Хвостовъ, и Измайловъ изъ утробы своей родитъ новыхъ словесниковъ, которые снова будутъ писать и печатать“. («Сочиненія», т. III, стр. 185).

пришелъ вновь къ нимъ на помощь: затѣялъ журналъ и въполнѣ предоставилъ его своей молодой редакціи. Сѣренькія страницы «Благонамѣреннаго» заперѣли произведеніями едва, мало или совершенно неизвѣстныхъ до сего публикѣ писателей...

Нѣкоторый успѣхъ Измайловъ имѣлъ: были сотрудники, были подписчики. Но посмотримъ, имѣлъ ли «Благонамѣренный» успѣхъ нравственный и удовлетворялъ ли онъ требованіямъ читателя истинно-просвѣщеннаго. Вотъ, что писалъ о такомъ успѣхѣ одинъ изъ современниковъ—Н. И. Тургеневъ: «Измайловъ представилъ новое доказательство, что для успѣха недовольно одного только намѣренія»¹⁾.

Дѣйствительно, не говоря о томъ, что читателю «Благонамѣреннаго» рѣдко удавалось встрѣтить въ этомъ журналѣ серьезную статью по какой-либо отрасли науки или искусства (политикой, можно сказать, журналъ совсѣмъ не интересовался), читателя не могъ удовлетворить и отдѣлъ литературный, который наводнялся стихотвореніями; послѣднія и составляли главное содержаніе «Благонамѣреннаго».

Правда, въ первые годы существованія «Благонамѣреннаго» его издателю удавалось получать отъ авторовъ для читателей своего журнала произведенія такихъ поэтовъ, какъ Пушкинъ, Дельвигъ, кн. Вяземскій, Боратынскій, Рылѣевъ, Козловъ, но съ теченіемъ времени эти поэты отстранились отъ «Благонамѣреннаго», и Измайловъ долженъ былъ уступать мѣсто другимъ «силамъ». Отдѣлъ стихотвореній поражалъ читателя своимъ обиліемъ и... малосодержательностью и отсутствіемъ серьезности; въ отдѣлѣ этомъ (въ продолженіе восьми лѣтъ) участвовало свыше 200 сотрудниковъ, упражнявшихся во всѣхъ видахъ стихотворныхъ произведеній, начиная съ одъ, поэмъ, идиллій, элегій и т. д., кончая эпитафіями, акростихами, рондо, шарадами... Насладившись такой поэзіей, читатель обращался къ прозѣ и здѣсь нерѣдко встрѣчалъ, на-ряду съ посредственными переводами, оригинальныя статьи, изъ которыхъ инныя ему приходилось читать за много лѣтъ раньше; заглянувъ же въ статьи характера критическаго, постоянный читатель «Благонамѣреннаго» не удивлялся, если встрѣчалъ въ нихъ подсмѣиванья, хихиканія, а иной разъ (что, впрочемъ, бывало рѣдко) и серьезный судъ надъ такого рода произведеніями, подобныя которымъ нетрудно было отыскать на страницахъ того же «Благонамѣреннаго», и надъ такими литературными направленіями, въ духѣ которыхъ писали сотрудники того же журнала. Бывали даже и такіе случаи, что простодушный до наивности издатель «Благонамѣреннаго» давалъ мѣсто на страницахъ своего журнала письму, въ которомъ читатель находилъ критику на произведенія, помѣщенные въ «Благонамѣренномъ» же, и

¹⁾ „Остафьевскій архивъ князей Вяземскихъ“, т. I, стр. 102.

критику далеко не лестную... Говорить о какомъ-либо строгомъ направленіи журнала Измайлова было бы напрасно: «Благонамѣренный» не имѣлъ никакого опредѣленнаго направленія (что, впрочемъ, замѣчается въ большей части періодическихъ изданій того времени) и отнюдь не относился серьезно къ своимъ задачамъ учено-литературнаго органа. И понятно, что людямъ, предъявлявшимъ строгія требованія къ журналу, смотрѣвшимъ на періодическое изданіе, какъ на носителя и проводника извѣстныхъ идей, такимъ людямъ, какъ Н. И. Тургеневъ, кн. П. А. Вяземскій и т. п., «Благонамѣренный» нравиться не могъ, и они читали его за неимѣніемъ лучшаго. «Я здѣсь жажду всякой русской дряни:

„И дрянъ отечества сладка намъ и пріятна“,

писалъ изъ Варшавы кн. Вяземскій Тургеневу, пародируя извѣстный Державинскій стихъ ¹⁾ и прося своего друга выслать ему за границу «Сына Отечества» и журналъ Измайлова ²⁾. Но, не имѣя самъ строго опредѣленнаго направленія, «Благонамѣренный», какъ журналъ, все же интересовавшійся наиболѣе литературой, откликнулся на всѣ литературныя направленія своего времени.

Другое дѣло, какъ относилась публика и писатели къ выраженіямъ журналомъ своихъ симпатій или антипатій, но выраженія эти для историка литературы настолько любопытны и своеобразны, что ихъ нельзя обойти молчаніемъ. Мы уже сказали, что главнымъ содержаніемъ «Благонамѣреннаго» были стихотворенія.

Обиліе стиховъ въ журналѣ Измайлова и вообще въ журналахъ его и предшествующаго ему времени ³⁾ происходило отъ того ложнаго и своеобразнаго взгляда на стихи (какъ на «мѣрную рѣчь болѣе пріятную для слуха, чѣмъ проза») ⁴⁾, который могъ измѣниться въ нашемъ обществѣ лишь при болѣе развитомъ пониманіи литературныхъ произведеній путемъ теоретическихъ сочиненій, или помощью непосредственнаго знакомства съ произведеніями такихъ поэтовъ, какъ Пушкинъ и его блестящей плеяды. Но пока второго не появлялось еще во всемъ его блескѣ на нашемъ литературномъ горизонтѣ, а первое находилось лишь въ зародышѣ, наши журналы наводнялись виршами, въ морѣ которыхъ исчезали часто незамѣченными и перлы истиннаго вдохновенія; примѣромъ послѣдняго можетъ служить «Благонамѣренный». Измайловъ, заручившись согласіемъ «лучшихъ литераторовъ», не удовольствовался количе-

¹⁾ „Отечества и дымъ намъ сладокъ и пріятенъ“ (Сочиненія Державина, т. II, стр. 192).

²⁾ „Остафьевскій архивъ“, т. I, стр. 95.

³⁾ См. жалобу на это въ статьѣ „Письмо въ Тамбовъ о новостяхъ рус. словесности“ („Благонам.“, т. XXVI).

⁴⁾ Ср. статью Томилина „О романахъ“ („Благонамѣр.“, 1822, VII).

ствомъ доставляемыхъ ими произведеній и открылъ свой журналъ для всѣхъ желавшихъ принести на страницы его свои «мусическіе опыты», при чемъ печаталъ ихъ, не прилагая къ нимъ строгой оцѣнки. Но скоро издателю пришлось нѣсколько поплатиться за такое снисходительное отношеніе, причиной котораго было не что иное, какъ легкомысленное понятіе о поэзіи: въ редакцію его изъ столицъ и изъ далекой провинціи пересылались цѣлые «пуки стиховъ», при томъ въ такомъ изобиліи, что издатель принужденъ былъ неоднократно «убѣдительно» и «слезно» просить авторовъ о пощадѣ. Но одержимые маніей стихотворства не унимались: на нихъ не дѣйствовали ни просьбы, ни угрозы редактора, ни пародіи, ни другія какія-либо мѣры осмѣянія ихъ маніи. Не могли подѣйствовать на нихъ и помѣщавшіяся иногда въ «Благонамѣренномъ» серьезныя статьи по вопросамъ историко-литературнымъ, разъяснявшія достоинства истинной поэзіи и т. п., ибо они постоянно убѣждались, что на страницахъ того же журнала рядомъ съ осмѣяніемъ удобно помѣщались и предметы осмѣянія.

Напримѣръ, «Благонамѣренный» признавался, что не любитъ шарадъ, логогрифовъ, омонимовъ, элегій, сентиментальныхъ воздыханій и т. п.; но подобнаго рода произведеній, принадлежащихъ порой перу самого редактора, можно найти на страницахъ журнала Измайлова громадное количество. Выше мы отмѣтили, что въ стихотворномъ отдѣлѣ «Благонамѣреннаго» читатель могъ встрѣтить всѣ формы поэтическихъ произведеній; но количественный перевѣсъ брали мелкія стихотворенія и при томъ, такъ сказать, легкаго рода, какъ-то: стихотворенія на случай, альбомныя, мадригалы, экспромпты, эпитафій, эпиграммы и т. п.; замѣтимъ, что и болѣе крупныя литературныя имена встрѣчаются въ «Благонамѣренномъ» подъ произведеніями также незначительными.

Наиболѣе ревностными сотрудниками этого отдѣла, кромѣ самого редактора, были В. И. Панаевъ, М. В. Милоновъ, Б. М. Оедоровъ, О. Глинка, А. Илличевскій и др.

Но если въ отдѣлѣ стихотворномъ отсутствовали серьезность и какое-либо опредѣленное направленіе, то напрасно ожидать этихъ качествъ и въ отдѣлѣ «изящной прозы». Главными работниками въ послѣднемъ отдѣлѣ, кромѣ Измайлова, помѣстившаго нѣсколько остроумныхъ сатирическихъ статей и повѣсть «Ибрагимъ и Османъ», напечатанную раньше въ «Любитель Словесности» (1806, №№ 11 и 12), были В. И. Панаевъ, Плетневъ, давшій два юмористическихъ разсказа («Ученый споръ» и «Медоръ»), Марлинскій и П. Л. Яковлевъ¹⁾, бывшій помощникомъ своего дяди-редактора.

На этотъ отдѣлъ Измайловъ, казалось, обращалъ еще менѣе вни-

¹⁾ О статьяхъ П. Л. Яковлева скажемъ нѣсколько словъ ниже.

манія, чѣмъ на стихотворный, и нисколько не стѣснялся угощать своихъ подписчиковъ иногда въ буквальномъ смыслѣ ученическими опытами или рассказами «на заданныя слова». Такъ обстояло дѣло съ оригинальной беллетристикой.—Что касается переводной, превосходившей количественно оригинальную, то на страницахъ «Благонамѣреннаго» можно встрѣтить въ отрывкахъ, или въ цѣломъ видѣ произведенія Ж. Ж. Руссо, Бульи, Байрона, В. Скотта, Ж. П. Рихтера, Вейса, Сталь, Жанлисъ, Лафонтена, наконецъ, Стерна и его подражателей и мн. др.; кромѣ того, журналъ изобиловалъ передѣлками и подражаніями нѣкоторымъ изъ названныхъ писателей. Въ этомъ отношеніи «Благонамѣренный» ничѣмъ не отличался отъ другихъ нашихъ журналовъ, свѣдѣвшихъ знакомить публику съ тѣми или другими популярными на Западѣ писателями безъ всякаго разбора.

Еще слабѣе былъ отдѣлъ научный, который наполнялся главнымъ образомъ произведеніями, предварительно читанными на засѣданіяхъ упомянутаго выше Вольнаго Общества. Изъ оригинальныхъ статей отмѣтимъ слѣдующія: «Краткое описаніе дѣлъ императрицы Екатерины II-й», «Опытъ російскихъ синонимовъ» (Д. М. Княжевича), «Жизнеописаніе кн. Я. Ѳ. Долгорукова» (Перевощикова), «О пастушеской поэзіи» (Панасва); сюда же можно отнести: «Переписку генераль-майора де Генина съ Петромъ Великимъ и разными особами», «Отрывки изъ путешествія въ Персію дипломатическаго чиновника при посольствѣ Ермолова въ 1817 году»; затѣмъ рядъ статей историко-литературнаго характера о Виландѣ, Клопштокѣ, эпическихъ поэтахъ (Гомерѣ, Виргиліи, Камознсѣ, Мильтонѣ, Тассѣ и Вольтерѣ) и др. Заслуживаютъ также вниманія переводныя статьи изъ «Теоріи изящнаго» Зульцера, изъ «Уроковъ» Блера, «Объ идилліи» Жоффре, рѣчь Бюффона «О слогѣ или объ искусствѣ писать» и другія.

Всего сказаннаго объ этихъ трехъ отдѣлахъ «Благонамѣреннаго», полагаемъ, достаточно, чтобы судить, насколько—съ одной стороны—журналъ Измайлова былъ бѣденъ содержаніемъ, съ другой—насколько редакторъ-издатель его былъ далекъ отъ какой-либо руководящей идеи и чуждъ серьезному пониманію задачъ человѣка, стоящаго во главѣ періодическаго изданія. Послѣднее обнаружится еще болѣе, если мы присмотримся къ тѣмъ статьямъ «Благонамѣреннаго», какъ журнала литературнаго по преимуществу, гдѣ онъ высказывался по поводу тѣхъ или иныхъ литературныхъ направленій, свидѣтелемъ которыхъ онъ былъ въ продолженіе восьми лѣтъ.

Когда начали появляться въ свѣтъ книжки «Благонамѣреннаго» борьба между послѣдователями Карамзина и приверженцами Шишкова уже стихала; новое движеніе въ нашей литературѣ, произведенное Карамзинымъ, привлекло къ себѣ всеобщее вниманіе и сочувствіе и

находило себѣ противниковъ лишь со стороны немногочисленныхъ закоснѣлыхъ и упрямыхъ шишковистовъ; съ ними-то «Благонамѣренный» и его редакторъ иногда сводили счеты.

Измайловъ, какъ мы уже знаемъ, съ самаго начала своей литературной дѣятельности выказалъ себя сторонникомъ Карамзина, скоро усвоивъ себѣ новый «стиль» и ставъ во главѣ общества и журналовъ, ратоборствовавшихъ за нововводителей; мало того, въ свое время онъ заплатилъ дань сентиментализму, да и въ остальное время своей дѣятельности не покидалъ къ нему симпатій. «Писатель для дамъ», онъ до конца дней своихъ любилъ вписывать въ альбомы нѣжныя строки, охотно отводилъ страницы своего журнала для произведеній съ извѣстной долей чувствительности и лично никогда рѣзко не высказывался даже противъ чрезмѣрныхъ увлеченій ею. Но не такъ смотрѣли на сентиментализмъ нѣкоторые сотрудники «Благонамѣреннаго» и главный помощникъ самого редактора—П. Л. Яковлевъ. Послѣдній былъ самымъ жестокимъ гонителемъ дошедшихъ до крайности послѣдователей чувствительности, осмѣяніе которой было главнымъ содержаніемъ всей литературной дѣятельности этого мало извѣстнаго писателя.

Онъ писалъ въ «Благонамѣренномъ» подъ псевдонимами: ій, оы, ј, Илья Остоженскій, Лужницкій старецъ, Я., П. Л. и т. д. Въ журналѣ Измайлова онъ помѣстилъ между прочимъ: «Чувствительное путешествіе по Невскому проспекту», «Несчастье отъ слезъ и вздоховъ», «Разказы Лужницкаго старца» и комедію въ одномъ дѣйствіи «Бѣдный Макаръ»; особеннаго вниманія заслуживаетъ повѣсть «Несчастье отъ слезъ и вздоховъ», гдѣ весьма живо и забавно описывается судьба сентиментальнаго человѣка Ераста Людоровича Чертополохова. Осмѣяніе сентиментализма можно встрѣтить и въ нѣкоторыхъ эпиграммахъ, помѣщенныхъ въ «Благонамѣренномъ».

Но если редакторъ «Благонамѣреннаго» и его сотрудники не всѣмъ сходились во взглядахъ на сентиментализмъ, за то они дружно стали на защиту «новаго стиля», подвергавшагося осужденію шишковистовъ: журналъ серьезно доказывалъ, что «славянскія слова талантовъ не даютъ» и въ рецензіяхъ, писанныхъ безъ всякаго раздраженія, и въ запальчивыхъ отзывахъ по поводу переводовъ, дѣланыхъ «старобрядцами нашей словесности», укоряя послѣднихъ въ незнаніи русской грамматики, духа русскаго языка, вкуса и приличія, и въ колкихъ эпиграммахъ.

Но, выразивъ болѣе или менѣе ясно и опредѣленно свои отношенія къ движенію, произведенному Карамзинымъ, которое къ началу 20-хъ годовъ было уже достаточно выяснено и опѣнено, «Благонамѣренный» окончательно не могъ разобраться въ другихъ направленіяхъ нашей литературы, которыя въ его время начали возникать и получать силу;

онъ не понималъ и не могъ понять этихъ новыхъ теченій; поверхностныя наблюденія надъ ними и неподготовленность къ воспріятію ихъ породили въ его редакціи смутныя о нихъ представленія, которыя «Благонамѣренный» разнорѣчиво и смутно выражалъ Мѣ имѣемъ въ виду романтизмъ старой и новой школъ. Правда, не одинъ «Благонамѣренный» и его редакція, но большинство нашей публики, не исключая и писателей, имѣли о романтизмѣ смутное представленіе, отчего и происходило—по выраженію Галахова—«соединеніе подъ однимъ знаменемъ Шиллера, Байрона, Мура, Жуковскаго и Пушкина, какъ романтиковъ, то-есть такихъ поэтовъ, произведенія которыхъ отличаются глубокими чувствами и прелестями мечтательности, составляющими сущность поэзіи романтической».

Обаяніе имени Жуковскаго удерживало нашихъ критиковъ, въ томъ числѣ и критиковъ «Благонамѣреннаго», отъ строгаго осужденія романтической поэзіи, но смутное пониманіе послѣдней лишало ихъ нерѣдко возможности отличить истинныхъ романтиковъ отъ «романтиковъ-самозванцевъ», позволявшихъ себѣ писать въ романтическомъ духѣ всякія нелѣпости. «Благонамѣренный» любилъ посмѣяться надъ приторными элегиками, надъ чудовищными балладами неумѣренныхъ послѣдователей Жуковскаго, но иногда и прямо выражалъ свое несочувствіе основамъ романтической поэзіи, возставая противъ «философическаго», «мистическаго» элементовъ, введенныхъ въ поэзію нѣмцами, а также противъ туманныхъ и нелѣпыхъ выраженій, какъ прямыхъ слѣдствій этихъ нововведеній⁴⁾; послѣднее въ особенности относилось къ переводчикамъ нѣмецкихъ оригиналовъ, которыхъ «Благонамѣренный» называлъ тевтоно-россами.

Что касается самого Измайлова, онъ—по собственному признанію—не былъ пригоденъ для произращенія элегій и туманныхъ чувствъ, и романтизмъ не могъ ему нравиться; если же онъ не высказывался открыто, то въ данномъ случаѣ, какъ справедливо замѣтилъ Галаховъ, его останавливала слава Жуковскаго, уваженіе къ первому и послѣднему нашему романтику.

Не высказавъ своего опредѣленнаго взгляда на романтизмъ, но и не ставъ рѣшительно на его сторону, «Благонамѣренный» также неясно выразилъ свои отношенія къ классицизму. Съ одной стороны, онъ вполне признавалъ важность заслуги Гнѣдича, «обогатившаго русскую словесность переводомъ Омира», и устами одного изъ своихъ выдающихся сотрудниковъ—кн. Н. А. Цертелева («Жителя Васильевскаго Острова»), признавалъ

---

⁴⁾ Особенно нападалъ на романтиковъ въ «Благонамѣренномъ» „Житель Васильевскаго острова“, подъ которымъ слѣдуетъ разумѣть кн. Н. А. Цертелева, а не Ор. Сомова.

классицизмъ, осуждая романтизмъ въ принципѣ; но въ то же время онъ считалъ гекзаметръ малосвойственнымъ нашему языку и въ спорѣ о гекзаметрѣ, спорѣ, поднявшемся на страницахъ тогдашнихъ журналовъ и не прекращавшемся нѣсколько десятилѣтій, «Благонамѣренный» выказалъ себя противникомъ этого размѣра. Правда, онъ опять-таки не давалъ какихъ-либо серьезныхъ объясненій, но отдѣлывался шутками, хотя и весьма любопытными. Такъ, онъ помѣстилъ на своихъ страницахъ басню нѣкоего Анонима: «Лягушка и Волъ», при чемъ басня эта, дабы строки «не ломались», была напечатана не поперекъ страницы, а вдоль («Благонамѣр.» 1820, № 9, стр. 197). Подлѣ нея находимъ слѣдующее замѣчаніе редактора:

„Притчей размѣромъ такимъ, господинъ анонимъ, не пишете,
Или пишете, да только въ журналъ мой, прошу васъ, не шлите“.

Но, когда анонимъ прислалъ еще нѣсколько опытовъ въ этомъ родѣ, редакторъ не замедлил подѣлиться ими съ своими читателями, ибо опыты эти были не что иное, какъ насмѣшка надъ «любителями гекзаметра», а Измайловъ, какъ онъ самъ однажды выразился, терпѣть не могъ этого размѣра ¹⁾). Кромѣ того, редакторъ не разъ подсмѣивался надъ этимъ размѣромъ и въ своихъ «Сатирическихъ Вѣдомостяхъ», печатавшихся въ нѣкоторыхъ книжкахъ «Благонамѣреннаго» (См. «Сочиненія», т. II, стр. 276, 289). Но этими шутками и остротами «Благонамѣренный» и окончилъ свои счеты съ гекзаметромъ, ибо серьезные критическія замѣчанія, раза два промелькнувшія на его страницахъ, были весьма поверхностны.

Впрочемъ, «Благонамѣренный» (да и не онъ одинъ) и не могъ выставить какихъ-либо основательныхъ возраженій противъ гекзаметра, равно какъ не въ силахъ былъ положительно высказаться вообще о классицизмѣ, ибо еще далеко было то время, когда—если не все наше общество,—то хотя бы выдающіеся представители его имѣли болѣе или менѣе основательное знакомство съ классической литературой и міромъ древнихъ. Разумная оцѣнка истиннаго классицизма и опредѣленіе степени его пригодности для насъ могли исходить лишь отъ лицъ, понимавшихъ классицизмъ во всемъ его объемѣ, разумѣвшихъ филологію и древній міръ во всемъ разнообразіи оставленныхъ имъ памятниковъ. А такихъ лицъ было слишкомъ немного въ то время и—увы—немного ихъ, кажется, и нынѣ...

¹⁾ См. „Собраніе сочин.“, т. I, стр. 337 (ср. стр. 324). Впрочемъ, впоследствии Измайловъ сдѣлалъ оговорку, что онъ терпѣть не можетъ дурныхъ гекзаметровъ, „въ которыхъ размѣщены слова не въ естественномъ порядкѣ“. (См. „Календарь музъ“ на 1827 г., стр. 89).

Намъ остается теперь посмотрѣть, какъ относился «Благонамѣренный» къ писателямъ той поэтической школы, которую въ отличіе отъ романтизма Жуковского называли школой новоромантической и главнымъ представителемъ которой считался Пушкинъ. И здѣсь, какъ и прежде, мы должны отмѣтить поверхностное, полусерьезное, полупуштливое отношеніе журнала Измайлова, который, хотя и не сочувствовалъ вполне произведеніямъ великаго поэта, все же никогда не рѣшался высказаться открыто и смѣло прогнѣвъ Пушкина, ни, тѣмъ болѣе, дѣлать какіе-либо нападки. Онъ предпочиталъ отдѣлываться шутками, пародіями, двусмысленными разсужденіями, въ которыхъ, впрочемъ, яснѣе чувствовалось неблаговоленіе къ Пушкину, чѣмъ похвала, или же задѣвалъ поэта косвенно въ походѣ на «новоромантиковъ» вообще. Впрочемъ, должно оговориться, что неблаговоленіе «Благонамѣреннаго» къ Пушкину началось съ той поры, какъ «солнце нашей поэзіи» перестало освѣщать страницы этого журнала своими лучами. Дѣло въ томъ, что въ первые годы существованія «Благонамѣреннаго» Пушкинъ помѣстилъ въ немъ два свои стихотворенія, и, кромѣ того, Измайловъ украшалъ иногда страницы своего изданія отрывками изъ вновь появившихся произведеній поэта, сопровождая ихъ одобрительными замѣчаніями; но съ теченіемъ времени отношенія измѣнились. Напримѣръ, «Благонамѣренный» давалъ довольно сдержанные, но не лишенные учтивости и нѣкоторыхъ похвалъ отзывы о «Русланѣ и Людмилѣ», «Кавказскомъ Пльнникѣ», «Евгеніи Онѣгинѣ», но въ то же время считалъ своимъ долгомъ расхолаживать тѣ панегирики, которыми нѣкоторые журналы иной разъ сопровождали появленіе новыхъ произведеній Пушкина, и вообще относился къ быстро увеличивавшейся славѣ поэта довольно скептически. Такъ, однажды, дѣлая разборъ отзыва о «Бахчисарайскомъ Фонтанѣ», «Благонамѣренный» замѣчаетъ: «Изъ всего панегирика Пушкину можно только то видѣть, что Пушкинъ пишетъ стихи пріятно, а въ этомъ кто сомнѣвается?» («Благонамѣренный», ч. 29). Въ другомъ мѣстѣ читаемъ: «Издатель («Моск. Телеграфъ») — Полевой) восклицаетъ: «кто не подражаетъ у насъ Пушкину, и кто сравнися съ нимъ изъ подражателей»? Согласенъ, что изъ подражателей никто съ нимъ не сравнися, но справедливо-ли восклицаніе: «кто не подражаетъ у насъ Пушкину! Рѣшительно можно сказать: никто изъ хорошихъ нашихъ писателей не подражаетъ Пушкину, а подражаютъ ему только стихотворцы-ученички, недавно выпущенные изъ школы: они только, увлекаясь его славою, охотно идутъ въ «sequi resus»; ниже «Благонамѣренный» съ прискорбіемъ признается, что теперь настало у насъ время «малыхъ трудовъ и большихъ успѣховъ». Когда началъ выходить «Евгеній Онѣгинъ», со стороны журнала Измайлова были пушечны въ ходъ и вышу-

чиванья. Такъ, самъ издатель не могъ оставить безъ замѣчанья слѣдующихъ строкъ Пушкина:

„Люблю ихъ ножки—только вродъ
Найдете вы въ Россіи цѣлой
Три пары стройныхъ женскихъ ногъ“...

Измайловъ—писатель для дамъ, не раздѣлялъ этого мнѣнія поэта:

„Ну какъ сказать онъ это могъ?
Какъ стройны ножки, невелики
У Евфросины, Милолики,
У Лидіи, у Ангелики“...

говоритъ онъ и тутъ же прибавляетъ: «Вотъ я насчиталъ четыре пары,

„А можетъ быть во всей Россіи есть
По крайней мѣрѣ паръ пять, шесть“.

Вообще «Благонамѣренному» не понравилось такое предпочтительное увлеченіе поэта дамскими ножками, воспѣванію которыхъ Пушкинъ отвелъ въ своемъ романѣ нѣсколько строфъ, и на страницахъ журнала Измайлова вскорѣ появилась пародія—подражаніе «Ангеликѣ» (ч. 29, стр. 419), въ которой воспѣвались дамскія ручки, но въ стихотвореніи этомъ нѣтъ, конечно, той граціи, той прелести, которыя были присущи «рѣзвухкѣ-музѣ» Пушкина, и мы упоминаемъ о немъ ради курьеза.—Само собою разумѣется, что Пушкину не могло нравиться подобное отношеніе «Благонамѣреннаго», и онъ оплатилъ его издателю, обезсмертивъ журналъ въ своемъ романѣ вышецитованными строками; кромѣ того, журналъ Измайлова не избѣжалъ вскорѣ и злой эпиграммы Пушкина «Ех ungue leonem»¹⁾, которой поэтъ отвѣчалъ на разборъ его стихотворенія «Пріятелямъ» («Враги мой! Покамѣстъ я ни слова....»), помѣщенный въ 30-й части «Благонамѣреннаго».

Ограничиваясь сказаннымъ по вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ «Благонамѣреннаго» и представителя «новороманτισма», переходимъ къ объясненію отношеній того же журнала къ «новоромантикамъ» вообще. Правильнаго яснаго пониманія романтизма въ разсматриваемую эпоху, повторяемъ, не было ни у Пушкина, ни у его критиковъ и толкователей, а въ томъ числѣ—и у Измайлова и членовъ редакціи его журнала. Вотъ почему всѣ разсужденія «Благонамѣреннаго» о такъ называемомъ романтизмѣ и новороманτισмѣ были такъ неясны, запутаны и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ поверхностны: они касались въ большинствѣ случаевъ лишь внѣшней стороны дѣла. «Благонамѣренный» несочувственно от-

¹⁾ Кстати, пора бы бросить нѣкоторымъ „редакторамъ“ сочиненій Пушкина повторять ошибочное мнѣніе, будто бы эта эпиграмма написана на Каченовскаго; мнѣніе это явно противорѣчитъ письму Пушкина къ князю П. А. Вяземскому отъ іюня 1825 г. (См. „Сочиненія“, т. VII, стр. 135).

носился къ романтизму вообще: онъ даже склоненъ былъ считать романтизмъ вреднымъ, неправильнымъ направлениемъ, задерживавшимъ естественный ходъ развитія нашей литературы. «Этотъ періодъ»—говоритъ онъ, имѣя въ виду «періодъ Жуковскаго»,—былъ самый несчастный для русской поэзіи: славянизмы, галлицизмы, германизмы, мистичизмы, романтизмы, дьяволизмы нападали на нее, голубушку, попеременно, какъ орды татарскія на Россію» (ч. 29). Но яснаго и положительнаго опредѣленія романтизма «Благонамѣренный» не далъ. Нѣсколько выше въ этой же статьѣ читаемъ слѣдующій отвѣтъ литератора своему пріятелю не-литератору на вопросъ: «что такое романтическая поэзія?»—«Думаю, отвѣчалъ спрошенный, что романтическую поэзію, которую противопологаютъ обыкновенно классической, называются стихотворенія, писанныя безъ всякихъ правилъ, утвержденныхъ вѣками и основанныхъ на истинномъ вкусѣ».

Послѣднее повторилъ въ болѣе развитой формѣ и кн. Н. А. Цертелевъ въ своей статьѣ «О новой школѣ словесности» (ч. 21). Вотъ, напримеръ, какъ онъ характеризуетъ поэта-новоромантика. «Поэтъ не знаетъ предѣловъ, пламенное воображеніе его объемлетъ всю вселенную, его гений—деспотъ, располагающій все по своему произволенію; вкусъ его отличенъ отъ другихъ, образецъ выраженія особенный, если хотите—странный и даже иногда неудобопонятный, ибо самая темнота имѣетъ свою прелесть; въ твореніи его видна «геніальная» небрежность, и отъ сего-то оно не имѣетъ опредѣленнаго цвѣта, но сливается въ себѣ, такъ сказать, всѣ цвѣты...» Особенную красоту и привлекательность произведеній новой школы составляютъ слѣдующія ихъ качества: «таинственное или глубокое, дивное или неимовѣрное, наивное или питическая нагота». Далѣе авторъ даетъ пространныя объясненія этихъ качествъ, объясненія, въ которыхъ не разъ задѣваетъ и стихи Пушкина.

Открывъ походъ на новоромантиковъ, журналъ Измайлова дѣлалъ на нихъ частые набѣги рядомъ бойкихъ полушутливыхъ статей, подобныхъ вышеприведенной (ср.: «О романтикахъ и о Черной рѣчкѣ», ч. 23, «Письмо къ сердечному другу моему въ О.», ч. 23. «Всякая всячина» и др.), сатирическихъ стишковъ, пародій (ср. «Рыжій конь», элегическая или романтическая поэма А. Е. Измайлова) ¹⁾, эпиграммъ и т. п. Статей болѣе или менѣе серьезнаго характера не было. Приводить подробности этого похода было бы, на нашъ взглядъ, излишне, какъ потому, что силы и средства, которыми располагалъ журналъ Измайлова, были слишкомъ слабы, чтобы бороться съ быстро и мощно развивавшимся новымъ направлениемъ, такъ и потому, что и

¹⁾ Собраніе сочиненій, т. II, стр. 210.

самая редакція «Благонамѣреннаго» не уясняла себѣ твердо и во всей полнотѣ дѣли этого похода, а иной разъ и не въ состояніи была различить противника отъ союзника; подобное веденіе дѣла приводило къ результатамъ довольно комичнымъ: на-ряду съ пародіями и осмѣянiями тѣхъ или иныхъ формъ на страницахъ «Благонамѣреннаго» читатель находилъ не мало произведеній въ духѣ высмѣиваемаго направленія, писанныхъ нерѣдко той же обличительной рукой. Отсылаемъ читателя, интересующагося упомянутыми подробностями къ извѣстной статьѣ о нашемъ писателѣ Галахова, гдѣ почтенный ученый собралъ со страницъ журнала Измайлова все наиболѣе любопытное для характеристики борьбы «Благонамѣреннаго» съ «баловнями-поэтами», какъ называлъ этотъ журналъ послѣдователей «ново-романтической» школы. Мы же сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній по поводу другихъ вышепоставленныхъ вопросовъ.

Итакъ, «Благонамѣренный», какъ журналъ литературный по преимуществу, не могъ удовлетворить «вкуса и разума» читателей, съ требованіями болѣе или менѣе серьезными. Такихъ читателей не могли удовлетворить ни обильный запасъ поэтическихъ произведеній авторовъ, въ большинствѣ случаевъ малоизвѣстныхъ, даже совершенно неизвѣстныхъ и во всякомъ случаѣ малоталантливыхъ, ни слабая и бѣдная по формѣ и содержанію беллетристика, словомъ, весь тотъ чисто литературный матеріалъ, которымъ заполнялись сѣренькія книжки «Благонамѣреннаго». Не могло возбудить симпатій въ душѣ такихъ читателей и отношеніе «Благонамѣреннаго» къ тѣмъ или инымъ направленіямъ въ нашей литературѣ, на которыя этотъ журналъ откликался, отношеніе въ большинствѣ случаевъ поверхностное, малосерьезное, а иной разъ и курьезное; при томъ же самъ журналъ, казалось, не имѣлъ никакого опредѣленнаго направленія... Виновникомъ такого состоянія журнала главнымъ образомъ слѣдуетъ считать, конечно, его редактора-издателя. Во-первыхъ, Измайловъ, въ угоду членамъ Вольнаго Общества любителей словесности, наукъ и художествъ, предсѣдателемъ коего онъ состоялъ, помѣщалъ на страницахъ «Благонамѣреннаго» рѣшительно все, что только читалось на засѣданіяхъ этого Общества, какъ предназначенное для печати; Общество же это, какъ намъ уже извѣстно, находилось во время изданія «Благонамѣреннаго» въ періодѣ полного упадка. Потерявъ изъ среды своей многихъ талантливыхъ и дѣятельныхъ членовъ, оно оставило и прежнія свои болѣе или менѣе серьезныя задачи, не имѣло никакого строго опредѣленнаго направленія, кромѣ развѣ того, что продолжало слѣдовать карамзинской реформѣ, воспринявъ изъ нея лишь одну чисто внѣшнюю сторону. Само собою разумѣется, что при подобномъ положеніи вещей и нельзя было ожидать какихъ-

либо благихъ результатовъ, нагляднымъ доказательствомъ чего могъ служить портфель редактора «Благонамѣреннаго».

Не относясь строго критически къ произведеніямъ подобнаго рода сотрудниковъ, какъ члены Вольнаго Общества, Измайловъ снисходительно смотрѣлъ на произведенія своихъ случайныхъ сотрудниковъ, что также не содѣйствовало нравственному успѣху журнала. Что Измайловъ, какъ редакторъ-издатель, не прилагалъ особенныхъ стараній, чтобы придать своему изданію нѣкоторое единство, быть его руководителемъ, душою и т. п., примѣры тому мы уже видѣли. Можемъ привести и его собственное любопытное признаніе.

«Идилліи твои, повѣрь, не хороши»...—писалъ онъ разъ В. И. Панаеву, одному изъ своихъ ревностныхъ сотрудниковъ, но тутъ же прибавилъ:

„А сколько у тебя осталось?
Три, помнится. пришли ихъ мнѣ въ журналъ,
Пришли, любезнѣйшій! Ты самъ вѣдь общалъ“

Кончается это посланіе слѣдующими строками:

„Люблю поэзію, люблю литературу,
Но, ах! отсталъ теперь отъ прозы и стиховъ:
Цвѣтникъ мой изъ чужихъ цвѣтовъ,
Судьба велитъ держать мнѣ только корректуру“
(I, 337—339).

Въ этомъ чистосердечномъ признаніи Измайловъ кратко, просто и правдиво опредѣлилъ, къ чему собственно сводилась вся его редакторская дѣятельность. Предоставивъ журналъ въ распоряженіе своихъ сотрудниковъ, Измайлову ничего болѣе и не оставалось дѣлать, какъ держать лишь корректуру. Онъ это и дѣлалъ, по временамъ лишь сопровождая своими примѣчаніями статьи, съ которыми онъ отчасти или даже совершенно не соглашался. Искреннимъ желаніемъ Измайлова-редактора - издателя было употребить съ своей стороны всѣ зависящія отъ него способы, чтобы сдѣлать журналъ свой сколь возможно занимательнѣе, разнообразнѣе и, такъ сказать, «веселѣе, избѣгая больше всего сухого педантизма, пристрастія и личности» ⁴⁾. Насколько удалось Измайлову выполнить это желаніе, мы уже видѣли: «Благонамѣренный» имѣлъ успѣхъ матеріальный, былъ журналомъ популярнымъ, но люди съ требованіями болѣе строгими отъ него отворачивались, и Пушкинъ, него-

⁴⁾ Быть безпристрастнымъ, безпартійнымъ было особеннымъ желаніемъ Измайлова: „Литераторъ и всякій артистъ съ истиннымъ талантомъ не долженъ принадлежать ни къ какой партіи“—стояло эпитафюмъ „Благонамѣреннаго“ въ 1824 г. Но, если судить по его журналу, Измайловъ, очевидно, смѣшалъ безпристрастіе съ безхарактерностью, каковою журналъ и отличался.

дую на оскудѣніе нашей журналистики и дѣля мечту создать свой журналъ, между прочимъ, писалъ кн. П. А. Вяземскому: «Пора бы намъ отослать и Булгарина, и «Благонамѣреннаго», и Полевого, друга нашего»¹⁾.

О симпатичныхъ сторонахъ этого изданія (напр. о его благотворительныхъ цѣляхъ) мы успѣли уже высказаться въ главѣ о біографіи нашего писателя. Изданіе «Благонамѣреннаго» прекратилось въ 1826 году съ выходомъ іюльской книжки этого журнала.

Въ 1826 же году Измайловъ вмѣстѣ съ П. Л. Яковлевымъ издалъ альманахъ «Календарь музъ», вторую книжку котораго онъ издалъ и въ 1827 году. Альманахи эти по своему содержанию и характеру весьма походятъ на «Благонамѣренный» и составляютъ, такъ сказать, его отпрыскъ, продолженіе. Дѣло въ томъ, что и матеріалъ ихъ составляли произведенія, по тѣмъ или другимъ обстоятельствамъ не попавшія на страницы названнаго журнала, но заранѣе для него предназначенныя. Въ виду малаго интереса, представляемаго этими безцвѣтными изданіями, при томъ въ общемъ напоминающими «Благонамѣренный», говорить о нихъ подробно считаемъ излишнимъ, тѣмъ болѣе, что произведенія писателей болѣе или менѣе крупныхъ въ нихъ отсутствуютъ. Въ «Календарѣ музъ» 1826 года находимъ около сотни произведеній стихотворныхъ и 6 прозаическихъ, въ слѣдующемъ году — около полусотни стихотворныхъ и 8 прозаическихъ. Въ отдѣлѣ поэзіи принимали участіе слѣдующіе болѣе или менѣе знакомые авторы: Бистромъ, М. Б. Даргомыжская, А. Е. Измайловъ, Иличевскій, Кудряшевъ, Пл. Ободовскій, В. И. Панаевъ, Розенмейеръ, Слѣпушкинъ, Сушковъ, гр. Д. И. Хвостовъ, Н. М. Языковъ, Б. М. Ѳedorовъ и мн. др.; въ отдѣлѣ прозы главное участіе принималъ П. Л. Яковлевъ, его же статьи и болѣе содержательны. Особого вниманія заслуживаетъ его статья: «О новѣйшихъ словахъ и выраженіяхъ, избрѣтенныхъ русскими поэтами въ 1825 году» («Кал. музъ» на 1826 г.). Главнымъ образомъ авторъ собралъ слова и выраженія, «низлетѣвшія» изъ «Полярной Звѣзды» и «выжатыя» изъ «Сѣверныхъ Цвѣтовъ», и сопроводилъ ихъ юмористическими примѣчаніями и объясненіями. Въ этой сатирической, живо написанной статейкѣ Яковлевъ высмѣиваетъ, напр., слѣдующія слова и выраженія: аристархитъ, безразсвѣтныя души, бурноногіи конь, голословное обвиненіе (sc)²⁾,

¹⁾ Сочиненія, т. VII, 181.

²⁾ Яковлевъ замѣчаетъ: „То есть обвиненіе изъ голыхъ словъ, или изъ голыхъ словъ обвиненіе, какъ угодно, все прекрасно! Это голословное обвиненіе отыскано нами хотя въ архивѣ, но принадлежитъ къ числу новѣйшихъ и рѣдкихъ находокъ“.

грамматическая полиція ¹⁾, журнальные бедуины, караванъ переводовъ, лугъ живой эмали ²⁾, перекритика, печатанныя слезы и т. п. Нѣкоторыя другія статьи того же автора («Поѣздка въ Вятку», «С[а-ратовс]кое казначейство») имѣютъ интересъ, какъ матеріалъ для характеристики нашего провинціального быта. Изданіемъ этихъ «Календарей музъ», которые—кстати отмѣтимъ—успѣха не имѣли (особенно второй), и закончилась дѣятельность Измайлова, какъ редактора-издателя; причиной тому былъ переводъ А. Е. по службѣ въ провинцію. По возвращеніи въ столицу, за годъ до смерти, Измайловъ задумалъ было вновь предпринять изданіе литературнаго журнала, выработалъ программу его и получилъ разрѣшеніе, но послѣднимъ не позволили Александру Ефимовичу воспользоваться его частыя и тяжелыя болѣзни, упадокъ силъ, а затѣмъ и скоро наступившая смерть.

Настоящую главу заключаемъ замѣчаніемъ о выпедшемъ въ 1824 г. подъ редакціей нашего писателя изданіи сочиненій В. А. Озерова, замѣчаніемъ, которое неудобно было вносить въ предшествовавшей обзоръ редакторской дѣятельности Измайлова въ порядкѣ хронологическомъ.

Въ 1824 году подъ редакціей Измайлова вышло въ двухъ частяхъ изданіе «Сочиненій В. А. Озерова», сдѣланное книгопродавцемъ И. И. Заикинымъ. Въ первомъ томѣ этого изданія тексту предшествуютъ: «предувѣдомленіе» редактора, затѣмъ двѣ «выписки» изъ статей Н. И. Греча о сочиненіяхъ Озерова, „Надгробіе В. А. Озерову“ Измайлова ³⁾ и статья кн. П. А. Вяземскаго: „О жизни и сочиненіяхъ Озерова“. Въ „предувѣдомленіи“ редакторъ счелъ своимъ долгомъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній, какъ по поводу двухъ предшествовавшихъ изданій сочиненій Озерова, такъ и вообще о произведеніяхъ этого писателя. Онъ, конечно, одобрительно отозвался объ Озеровѣ, какъ драматургѣ, но въ сужденіи о лирическихъ его произведеніяхъ примкнулъ къ мнѣнію кн. Вяземскаго, не признававшаго въ нихъ особыхъ достоинствъ. „То же самое“—прибавляетъ Измайловъ—„можно сказать и о его басняхъ, изъ которыхъ многія читалъ я въ рукописи и которыя, вѣроятно, писаны были имъ для одного только опыта. Стихосложеніе въ нихъ тяжелое и неправильное; нѣтъ точности и приличія въ выраженіяхъ; нѣтъ въ разсказѣ не только пѣтической живости, составляющей отличительное достоинство баснописца-поэта, но даже простоты и естественности“... Какъ на особенность этого изданія, укажемъ, что въ

¹⁾ Яковлевъ замѣчаетъ: „Тутъ объяснять нечего: всякій видитъ, какъ съчастливо сочеталась грамматика съ полиціей. Это утѣшительно“.

²⁾ Яковлевъ замѣчаетъ: „Вотъ лугъ! Но, къ несчастью, такіе луга цвѣтутъ только въ воображеніи поэтовъ“.

³⁾ Находится въ I-мъ томѣ сочиненій Измайлова (стр. 384).

немъ произведенія Озерова явились въ еще болѣе „подправленномъ“ видѣ, чѣмъ въ изданіяхъ предшествовавшихъ. Неприкосновенность текста трагедій Озерова была нарушена еще въ 1817 году, когда по просьбѣ издателя Пахорскаго (содержателя театральной типографіи) „многіе стихи были исправлены лучшими нашими литераторами“. Измайловъ также не отказался, «по просьбѣ издателя и по уваженію къ памяти незабвеннаго нашего трагика, исправить у него нѣкоторыя очевидныя ошибки въ словахъ, въ належахъ, что „просвѣщенные любители отечественной словесности не поставятъ (ему) этого въ вину“. Но Измайловъ ошибся. Несмотря на то, что подобная расправа съ текстомъ у насъ на Руси практиковалась и до, и послѣ Измайлова (ея не избѣгли даже произведенія Пушкина), все же „просвѣщенные любители отечественной словесности“ возмутились такой смѣлостью редактора и громко выразили свое неудовольствіе ¹⁾. Измайловъ, какъ мы уже замѣтили, оправдывался, но публика не хотѣла признавать смягчающимъ вину даже то обстоятельство, что исправленные редакторомъ стихи были отмѣчены въ текстѣ звѣздочками, а въ концѣ книги приведены были въ подлинномъ видѣ (да и исправлено-то было всего на всего 38 мѣстъ): И. И. Заикинъ принужденъ былъ въ 1827 г. сдѣлать новое изданіе «во всемъ согласное со 2-мъ, безъ всякихъ перемѣнъ», а въ слѣдующемъ—1828 году—Глазуновъ выпустилъ изданіе сочиненій Озерова, дополненное и свѣренное по рукописямъ автора.

Разставаясь на этой главѣ съ А. Е. Измайловымъ, мы позволимъ себѣ, въ заключеніе сказать нѣсколько словъ о сущности литературной дѣятельности этого писателя.

Читатель уже видѣлъ, какъ скромно началъ Александръ Ефимовичъ свое литературное поприще, выступивъ впервые въ печати съ переводнымъ стихотвореніемъ, какъ затѣмъ онъ еще юношей обрушился на нашу «веселящуюся молодежь» съ рѣзкимъ протестомъ въ формѣ сатирическаго романа, какъ потомъ онъ продолжалъ писать въ духѣ царившихъ въ его молодые годы направленій въ нашей литературѣ и платить дань этимъ направленіямъ; но уже и въ ту пору дѣятельности Измайлова въ его произведеніяхъ можно было предугадать будущаго сатирика по преимуществу. Дѣйствительно, прошло еще немного времени, и Измайловъ, избравъ излюбленной формой своего творчества басню, скоро приобрѣлъ и навсегда закрѣпилъ за собой званіе русскаго Теньера № 1-й, дружки Крылова, сатирика-бытописателя.

Годы и благопріятныя условія раздвинули предѣлы его литератур-

¹⁾ См. „Сынъ Отечества“ 1824 г., № 17; „Лит. Листки“, № 8 и др.

ной дѣятельности; Измайловъ сталъ виднымъ въ свое время литераторомъ и проявлялъ свою любовь къ избранному поприщу въ довольно разнообразныхъ формахъ. Состоя сотрудникомъ различныхъ изданій, онъ въ то же время былъ главнымъ дѣвателемъ или просто членомъ нѣкоторыхъ литературныхъ обществъ, редакторомъ-издателемъ различныхъ журналовъ и другихъ изданій и покровителемъ молодыхъ начинающихъ силъ. Должно сознаться, что дѣятельность Измайлова, какъ журналиста, какъ редактора-издателя не имѣла крупныхъ результатовъ, не имѣла сильнаго давленія на наше литературное развитіе и движеніе, но нельзя не отмѣтить того, что во всѣхъ своихъ литературныхъ стремленіяхъ Измайловъ былъ движимъ живой и самой горячей любовью къ слову и что на всей его писательской дѣятельности лежитъ отпечатокъ честной, правдивой и откровенной натуры. Нравственныя качества Измайлова, какъ мы уже замѣтили, рѣзко отображались въ его произведеніяхъ и—даже болѣе того—отразились и на самомъ характерѣ его сатиры. Напомнимъ, что въ характерѣ нашего писателя, вмѣстѣ съ тонкой наблюдательностью и склонностью къ сатирич., удобно сочетались мягкость и добродушіе, которое покидало его лишь въ моменты особеннаго раздраженія на чье-либо нахальство или подлость. Ему не по плечу была сатира «карающая», и скромная муза его не рѣшалась «чистить нравы» и «исправлять порочныхъ» путемъ сатиры,—она хотѣла лишь предупредить порочныя поступки и, отмѣчая безобразныя факты, предотвращать отъ таковыхъ на будущее время, она хотѣла лишь преподать совѣтъ, урокъ. Вотъ въ этомъ-то смыслѣ и понималъ Измайловъ значеніе сатиры, доказательствомъ чего могутъ служить и его собственныя признанія и въ прозѣ и въ стихахъ.

«Сатира есть такое лѣкарство отъ пороковъ»,—сказалъ онъ однажды—«которое рѣдко испѣляетъ зараженныхъ оными, но за то предохраняетъ, по крайней мѣрѣ многихъ отъ заразы» ¹⁾).

„Пусть Павлушка—мѣдный лобъ
 Дураковъ морочить,
 Лжетъ бездѣльникъ, какъ холопъ,
 Обмануть всѣхъ хочетъ.
 Я безстыднаго лгуна,
 Вора Павла Скотина
 За языкъ въ примѣръ другимъ,
 На сосну повѣсилъ“,

говорить между прочимъ А. Е. о П. П. Свиньинѣ, вспоминая свою басню на него, въ «Пѣснѣ» ²⁾), которую, по справедливости, можно считать своего рода «Памятникомъ» Измайлова.

¹⁾ См. „Собравіе сочиненій“ т. II, стр. 242.

²⁾ Ibidem, т. I, стр. 272.

П О П Р А В Ъ И.

<i>Стран. Строка.</i>	<i>Напечатано.</i>	<i>Должно быть.</i>
4 4 св.	ему хорошо	хорошо ему
8 12 св.	нищихъ,	нищихъ.
11 7 св.	что онъ чувствовалъ	что чувствовалъ
22 20 св.	Михаила	Михаила»,
22 25 св.	ни по его характеру, ни по складу ума,	не по характеру Измайлова, ни по складу его ума,
25 19 св.	нашего	прошлаго
28 16 св.	Александра (и т. д.)	Павла (впослѣдствіи чиновника министерства финансовъ)
32 21 св.	дамой, въ Твери	дамой въ Твери,
36 16 св.	«Бѣжецкая пѣсня» была написана, конечно, во время разбѣдовъ по Тверской губерніи, и внесена нами въ разсказъ объ архангельской службѣ Измайлова по ошибкѣ.	
38 7 св.	августа	сентября
50 11 св.	же сынокъ сержантъ	сынокъ уже сержантъ.
50 8 св.	Эдельманъ	Эзельманъ
51 4 св.	живности	живности».
52 13 св.	былъ	сталъ
54 19 св.	составленныя	оставленныя
55 5 св.	привдиво	правдиво
56 1 св.	настоящаго	прошлаго
56 2 св.	прошлаго	XVIII
57 16 св.	сердцами	сердцами
58 10 св.	убога, и	убога и
58 19 св.	прошлаго	XVIII
59 15 св.	подъ которымъ	подъ которымъ скрывалось
60 25 св.	А. Г. Лященко	А. Г. Лященко
61 23 св.	Николевымъ	Николевымъ, авторомъ только-что приведенной строки.
61 прим. 2-е	о состояніи	о состояніи воспитанія въ XVIII вѣкѣ въ статьѣ Ю Веселовскаго: «Къ исторіи борьбы съ невежествомъ и дурнымъ воспитаніемъ въ русской литературѣ (см. его книгу «Литературные очерки» Москва 1900, стр. 469—497).
63 17 св.	изъ	при
69 15 св.	прошлаго	XVIII
70 1 св.	вѣренъ	вѣренъ имъ
70 8 св.	но	на
73 10 св.	текущаго	прошлаго
115 14 св.	мѣръ	мѣръ,